

ISSN (ONLINE): 2312-2757

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Язык

и Текст

**Language
and Text**

INTERNATIONAL
ELECTRONIC JOURNAL

№4 (9) 2022

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF PSYCHOLOGY AND EDUCATION

**Международный научный журнал
«Язык и текст»**

Редакционная коллегия

Дергачева И.В. (Россия) – **главный редактор**
Махмудова С.М. (Россия) – **заместитель главного редактора**

Ахмедов Г.И. (Германия), Бугаева И.В. (Россия), Бурнакова К.Н. (Россия), Воропаев В.А. (Россия), Ковпак Н.А. (Россия), Конявская Е.Л. (Россия), Крутова М.С. (Россия), Леденева В.В. (Россия), Мазанаев Ш.А. (Россия), Сафронова Е.Ю. (Россия), Селендили Л.С. (Россия), Сейранян М.Ю. (Россия), Соболева Л.С. (Россия), Фрейдина Е.Л. (Россия), Герреро-Вильялба Х. А. (Испания), Шилихина К.М. (Россия), Шмелева А.В. (Россия), Щербак М.И. (Россия), Эрменехильдо Л.Г. (Испания), Капилупи С.М. (Россия), Понтон Д.М. (Италия), Ван Сяоян (Китай), Абакумова О.В. (Россия), Аннушкин В.И. (Россия), Бовшик А.С. (Россия), Величкова Л.В., Гребенюк В.П. (Россия), Есаулов И.А. (Россия), Исхакова З.З. (Россия), Конурбаев М.Э. (Россия), Корнев В.А. (Россия), Махмудова С.М. (Россия), Мурадян А.А. (Россия), Мурашкина О.В. (Россия), Ужанков А.Н. (Россия), Каватца А. (Италия), Астутто Д. (Италия), Фарачи Е.Г. (Италия), Маццоне С. (Италия), Герреро-Вильялба Х.А. (Испания).

Секретарь

Вазагова Д.Д.

Редактор и корректор

Бовшик А.С.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»

Адрес редакции

123290, г. Москва, Шелепихинская Набережная, 2А, стр. 2
Телефон: 8 (499) 256-87-50

E-mail: landlit@mail.ru

Сайт: <https://psyjournals.ru/en/langpsy>

Индексируется:

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Directory of Open Access Journals (DOAJ), EBSCO, Google Scholar, Index Copernicus

Издается с 2014 года

Периодичность: 4 раза в год

Свидетельство о регистрации СМИ:

Эл № ФС77-67008 от 30 августа 2016 г.

Все права защищены. Название журнала, логотип, рубрики, все тексты и иллюстрации являются собственностью ФГБОУ ВО МГППУ и защищены авторским правом. Перепечатка материалов журнала и использование иллюстраций допускается только с письменного разрешения редакции.

© ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», 2022

**International Scientific Journal
“Language and Text”**

Editorial board

Dergacheva I.V. (Russia) – **editor-in-chief**
Makhmudova S.M. (Russia) – **deputy editor-in-chief**

Akhmedov G.I. (Germany), Bugaeva I.V. (Russia), Burnakova K.N. (Russia), Freydina E.L. (Russia), Kovpak N.A. (Russia), Konyavskaya E. L. (Russia), Krutova M.S. (Russia) Ledeneva, V. V. (Russia), Mazanaev S.A. (Russia), Murashkina O.V. (Russia), Voropaev V.A. (Russia), Selendili L.S. (Russia), Seiranyan M. Y. (Russia), Safronova E.Y. (Russia), Soboleva L.S. (Russia), Shcherbakova M.I. (Russia), Shilikhina K.M. (Russia), Shmeleva A.V. (Russia), Capilupi S.M. (Russia), Ponton D.M. (Italy), Wang X. (China), Hermenegildo L.G. (Spain), Abakumova O.V. (Russia), Annushkin V.I. (Russia), Bovshik A.S. (Russia), Velichkova L.V. (Russia) Grebenyuk V.P. (Russia), Esaulov I. A. (Russia), Iskhakova Z.Z. (Russia), Konurbaev M.E. (Russia), Kornev V.A. (Russia), Makhmudova S.M. (Russia), Muradyan A. A. (Russia), Murashkina O.V. (Russia), Uzhankov A.N. (Russia), Astuto G. (Italy), Cavazza A. (Italy), Faraci E.G. (Italy), Mazzone S. (Italy) Guerrero-Villalba, Jose Antonio (Spain).

Secretary

Vazagova D.D.

Editor and proofreader

Bovshik A.S.

FOUNDER & PUBLISHER

Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE)

Editorial office address

Shelepikhinskaya Embankment, 2A, 2, Moscow, Russia, 123290
Phone: 8 (499) 256-87-50

E-mail: landlit@mail.ru

Web: <https://psyjournals.ru/en/langpsy>

Indexed in:

Russian Science Citation Index (RSCI), Directory of Open Access Journals (DOAJ), EBSCO, Google Scholar, Index Copernicus

Published quarterly since 2014

The mass medium registration certificate:

El FS77- 67008 number. Registration date 30.08.2016.

All rights reserved. Journal title, logo, rubrics, all text and images are the property of MSUPE and copyrighted. Using reprints and illustrations is allowed only with the written permission of the publisher.

© MSUPE, 2022

Содержание

2022. Том 9. № 4

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Британское гостеприимство — случай из истории публицистики времен Первой мировой войны

Дорожжина М.А., Леонтьев В.Г., Яковлев М.Е.8-13

Литовский шляхтич Августин Константинович: лже-потомок члена двора великой княгини Елены Ивановны

Домрачев Н.Е. 14-29

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА. ТЕКСТОЛОГИЯ

Бенедетто Кроче и итальянская литература

Чептаруло С.30-36

Военная проза Василия Ивановича Немировича-Данченко

Вититнев С.Ф., Шмелева А.В. 37-43

Данте Алигьери и эпоха Рисорджименто: религиозный аспект исторической связи

Канель И.В.44-51

Можно ли воспитать общество? Большевики и культура в период становления советского государства

Аверюшкин А.Н.52-59

Роль образа-символа птицы в проблематике произведения «Записки из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского

Гусева Е.В. 60-66

Скрытый смысл наполеоновских текстов

Кипнис Б.Г.67-82

Эсхатологическое видение Иисуса и миллениаристические и тоталитарные наклонности русско-православной эсхатологии

Капицути С.М.83-91

ХРОНИКИ НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

«Бытие только тогда и начинается, когда ему грозит небытие»: В поисках Достоевского, или к юбилею Б.Н. Тихомирова

Дергачева И.В.92-102

Contents

2022. Vol. 9

GENERAL AND COMPARATIVE HISTORICAL LINGUISTICS

British Hospitality — a Case from the History of Journalism during the First World War <i>Mariya A. Dorozhkina, Vyacheslav G. Leontiev, Matvey E. Yakovlev</i>	8-13
Lithuanian Nobleman Augustin Konstantynowicz: a Pseudo-Descendent of a Courter of Grand Princess Elena Ivanovna <i>Nikolay E. Domrachev</i>	14-29

WORLD LITERATURE. TEXTOLOGY

Benedetto Croce and Italian Literature <i>Sacha Cepparulo</i>	30-36
Military Prose by Vasily Ivanovich Nemirovich-Danchenko <i>Sergey F. Vititnev, Anna V. Shmeleva</i>	37-43
Dante Alighieri and Risorgimento: Religious Aspect of Historical Connection <i>Irina V. Kanel</i>	44-51
Can Society Be Educated? Bolsheviks and Culture during the Formation of the Soviet State <i>Aleksandr N. Averyushkin</i>	52-59
The Role of the Image-Symbol of a Bird in «Notes from the Dead House» by F.M. Dostoevsky <i>Elena V. Guseva</i>	60-66
Napoleon's Texts: Hidden Meanings <i>Boris G. Kipnis</i>	67-82
Eschatological Vision of Jesus and Millenarian and Totalitarian Inclinations of Russian Orthodox Eschatology <i>Stefano Maria Capilupi</i>	83-91

CHRONICLES OF SCIENTIFIC LIFE

«Being Only Then Begins to Be When It Is Threatened with Non-being»: In Search of Dostoevsky, or to the Anniversary of B.N. Tikhomirov <i>Irina V. Dergacheva</i>	92-102
---	--------

Язык войны и язык мира: поэтика и стилистика в публицистике и в литературе XIX века

Война и мир всегда были экзистенциальными условиями человеческих обществ: со времен Платона, по сути, очевидна связь между порядком души и порядком города, так же как со времен Гомера очевидной оказывается связь между антропологическим «фоном» жестокости и военной практикой, чья трагическая эффективность шествовала рука об руку с развитием техники, особенно современной. Таким образом, в основе биннома *война/мир* лежит философский, а также политический и антропологический вопрос о зле, особенно в его отношениях с властью.

Отсюда внутренние противоречия в триангуляции между властью, войной и миром. Используется ли власть для сдерживания насилия или для его увеличения? Должен ли мир обеспечиваться «сверху» (т. е. силой), или он должен развиваться «снизу» (т. е. с анархистской точки зрения)? Является ли человеческая природа по своей сути общительной или агрессивной? Означает ли «*война — мать всех вещей*» — древняя истина Гераклита, что война является также «целью» становления бытия? Положительный ответ на последний вопрос напрямую противоречил бы древнегреческому и филологическому пониманию «символа» — знак мира между людьми и союз видимого и невидимого.

Учитывая исторические условия человеческих обществ, организованных иерархически, можно ли считать всеобщее и постоянное состояние мирного бытия возможным или утопическим? Основная цель этого тематического раздела журнала состоит именно в критическом осмыслении этих вопросов через интерпретацию теорий войны и мира, пересекающих как некоторые моменты российской и итальянской истории, так и экзистенциальный, творческий и интеллектуальный опыт авторов и деятелей русской и итальянской культуры.

На самом деле речь идет не о выработке и обосновании морального суждения — пусть даже очевидного — о войне и мире, а о понимании некоторых концептуальных различий и практических преобразований, произошедших в западной и российской истории и весьма оригинально или специфически отразившихся особенно в российской литературе и публицистике XIX века, от критического утверждения Герцена, что государство в России появилось как оккупационная сила, до имперских и эсхатологических амбиций панславизма.

Вспомним слова Петра Яковлевича Чаадаева из «Апологии сумасшедшего»: *«Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит ее; я думаю, что время слепых влюбленностей прошло, что теперь мы, прежде всего, обязаны родине истиной»*. Данное высочайшее моральное напряжение показывает, насколько актуальны до сих пор дебаты, дискуссии и конфликты XIX века.

В связи с этим мы не смогли хронологически ограничиться лишь XIX веком; необходимо также взглянуть и на проблемы становления советского государства, о чем написал в своей статье А.Н. Аверюшкин. В статье С.Ф. Вититнева и А.В. Шмелевой рассматривался определенный и яркий пример военной журналистики. В статье Е.В. Гусевой прекрасно описана свобода в творчестве Достоевского — в символическом ключе. У Достоевского есть осознание того, что *libertas minor* («низкая свобода» западных схоластиков) как в отказе от спасения, так и в управлении физическими, материальными, социальными и политическими свободами и благами не может и не должна быть запросто принесена в жертву чисто духовной *libertas maior* («высшая свобода») уподобиться Богу. Эта *libertas maior* есть не что иное, как та любовь к ближнему, к себе и к Богу, которую Григорий Палама (1296-1359 гг.) — чье учение о «материальности» божественной «энергии» было принято и на Востоке, и на Западе — определил как «древнее достоинство свободы». Речь идет о той же свободе, которую Кант назвал самым таинственным ноуменом.

Именно об этом пишет Достоевский в «Записках из Мертвого дома»: тут все направлено на свободу, новую жизнь, воскресение из мертвых. В русском языке очень плодотворной оказывается особая связь между словами «свобода» и «воля»: «воля» может быть синонимом как «свободы», так и «желания». Поэтому идеалу «высокой» свободы бескорыстной любви соответствует у Достоевского еще и очень глубокое понимание «малой и сладкой свободы», «волношки», «слаще хлеба, прекраснее солнца», по известной русской поговорке, цитируемой в «Хозяйке»; та самая «волношка», которую заключенные с удовольствием дают орлу в «Записках из Мертвого дома»; а также, то спонтанное и сугубо личное желание, ради которого главный герой «Записок из подполья» предпочитает пить чай, а не участвовать в прогрессе или в коллективном «спасении» мира.

Тоталитаризм встречается и в тех режимах, которые на алтарь свободы «в духе», также идеализированном, приносят в жертву социальные и политические свободы, обещая, и чаще всего не реализуя, экономическое благополучие — вопрос, который был весьма актуален в XIX веке, смотревшем с опаской на торжествующую индустриальную цивилизацию, в связи с чем многие философы и писатели того времени ставили перед собой именно задачу оставить потомству адекватное морально-идеальное наследие, способное иметь дело с будущим, полным обещаний и угроз. Только не исключительно «добрая», но «сильная» воля спасает человека: эта истина присутствует повсюду в трагическом и активном гипертексте свободы и надежды, из которых сотканы произведения Достоевского. Достоевский в особенности видит, как немногие другие, проблему измененного колебания между материализмом и мистицизмом, свойственную русскому религиозному сознанию и общему духу — проблему, из которой искаженная власть всегда готова извлечь выгоду.

О Достоевском пишет — как обычно, весьма оригинально — также И.В. Дергачева, на этот раз в честь Бориса Тихомирова. В статье

Н.Е. Домрачева исследуется важнейший пример дипломатической деятельности, хотя и за пределами XIX века. Дипломатия, на наш взгляд — скорее тончайший язык этики, нежели прагматическая необходимость. Конфликт — логическое следствие множественного характера общего бытия, поскольку для него всегда характерно наличие различных и нередко противоположных интересов, как национальных, так и социальных. Дипломатия — единственный язык, на котором данные интересы могут обсуждаться. М.А. Дорожкина, В.Г. Леонтьев и М.Е. Яковлев в своей статье задают интереснейший вопрос о том, «*каким другом была для императорской России Британия?*» В статье И.В. Канель объектом исследования становится итальянский Рисорджименто, а предметом является наследие идей Данте Алигьери об итальянском национальном единстве в идеологии Джузеппе Мадзини — основоположника проекта союза Европы. Интереснейшая и уникальная по оригинальности статья Б.Г. Кипниса посвящена той стороне деятельности Наполеона Бонапарта, которая реже привлекает внимание: Наполеон-публицист. Исследуется мемуарное творчество императора, созданное на острове Святой Елены. В статье молодого итальянского исследователя Саши Чеппаруло в новом ракурсе изучается эстетика Бенедетто Кроче, главного представителя итальянского идеализма, жизнь и творчество которого занимают вторую половину XIX века и первую половину XX века. В статье куратора общего раздела и автора данного введения Стефано Марии Капилупи рассматривается вопрос о том, как в русской эсхатологии — православной и «светской» (в смысле специфической «религиозности», касающейся в том числе советской и постсоветской идеологии) — можно часто заметить сдвиг неизбежного напряжения сердца верующего (которое должно, напротив, принять и сохранить обе стороны иудео-христианской эсхатологии: «уже и еще нет» полного присутствия Царствия Божьего и победы над смертью) либо по вертикали, в сторону литургического или государственного триумфализма, либо по горизонтали, в сторону утопии. Нередко жертвой этих разных видов радикализма оказывается индивидуальная свобода.

Общая мозаика нашего тематического раздела сложилась в итоге из российских и итальянских примеров исторического изучения конфликтов, мира и свободы. Авторы надеялись внести оригинальный вклад в научный и межкультурный диалог, столь необходимый в это сложное время.

Стефано Мария Капилупи, приглашенный редактор журнала «Язык и текст», Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Российская Федерация

Британское гостеприимство — случай из истории публицистики времен Первой Мировой войны

Дорожкина М.А.

Московский государственный областной педагогический университет (ФГБОУ ВО МГОПУ),
г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4032-1541>, e-mail: 490a@mail.ru

Леонтьев В.Г.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО
МГППУ); Государственная Дума, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8242-308X>, e-mail: vgl@mail.ru

Яковлев М.Е.

Московский государственный областной педагогический университет (ФГБОУ ВО МГОПУ),
г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0444-7582>, e-mail: mattyakovlev@gmail.com

Поездка журналистов Императорской России в Великобританию 1916 года (в ходе Первой Мировой войны) оказалась знаковой сразу в нескольких смыслах. Во-первых, по составу участников — в группу вошли, например, В.Д. Набоков, К.И. Чуковский, В.И. Немирович-Данченко, А.Н. Толстой. Во-вторых, по историческому контексту — в 1916 году Россия и Великобритания были союзниками в войне, но пройдет всего два года, и британский экспедиционный корпус схватится с войсками молодой Советской России в ходе Интервенции.

Ключевые слова: публицистика, Первая Мировая война, Россия, Великобритания, Интервенция, уроки истории.

Для цитаты: Дорожкина М.А., Леонтьев В.Г., Яковлев М.Е. Британское гостеприимство — случай из истории публицистики времен Первой Мировой войны [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2022. Том 9. № 4. С. 8–13. DOI:10.17759/langt.2022090401

British Hospitality — a Case from the History of Journalism during the First World War

Mariya A. Dorozhkina

Moscow State Regional Pedagogical University, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4032-1541>, e-mail: 490a@mail.ru

Vyacheslav G. Leontiev

Moscow State Psychological and Pedagogical University; State Duma, Moscow, Russian

Дорожкина М.А., Леонтьев В.Г., Яковлев М.Е.
Британское гостеприимство — случай из истории
публицистики времен Первой Мировой войны
Язык и текст. 2022. Том 9. № 4. С. 8–13.

Dorozhkina M.A., Leontiev V.G., Yakovlev M.E.
British Hospitality — a Case from the History of
Journalism during the First World War
Language and Text. 2022. Vol. 9, no. 4, pp. 8–13.

Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8242-308X>, e-mail: vgl@mail.ru

Matvey E. Yakovlev

Moscow State Regional Pedagogical University, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0444-7582>, e-mail: mattyakovlev@gmail.com

The trip of Imperial Russian journalists to Great Britain in 1916 (during the First World War) turned out to be a landmark in several senses at once. Firstly, according to the composition of the participants, the group included, for example, V.D. Nabokov, K.I. Chukovsky, V.I. Nemirovich-Danchenko, A.N. Tolstoy. Secondly, according to the historical context, in 1916 Russia and Great Britain were allies in the war, but only two years will pass, and the British expeditionary force will grapple with the troops of young Soviet Russia during the Intervention.

Keywords: journalism, World War I, Russia, Great Britain, Intervention, history lessons.

For citation: Dorozhkina M.A., Leontiev V.G., Yakovlev M.E. British Hospitality — a Case from the History of Journalism during the First World War. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2022. Vol. 9, no. 4, pp. 8–13. DOI:10.17759/langt.2022090401 (In Russ.).

Каким другом была для Императорской России Британия? По этому вопросу существовал ряд различных мнений. Бытовало выражение: «*Британцы будут сражаться до последней капли русской крови*». В то же время Великобритания традиционно привлекала русских либералов, ищущих в британском парламентаризме источник для собственного видения российской государственности — в «Общество сближения с Англией» входил Бунин, в «Русско-английском обществе» состоял Чуковский. Потому неудивительно, что для исправления своего имиджа в глазах российского народа английское правительство приняло решение использовать этот рычаг влияния, пригласив в страну группу из шести писателей и журналистов.

Весь состав делегации отобрал, конечно, британский посол Бьюкенен — официально возглавил ее известный либерал В.Д. Набоков, отец знаменитого писателя-эмигранта. В либеральных изданиях в тот момент работали и А.Н. Толстой, и К.И. Чуковский. Прочие участники делегации также представляли различные крупные органы периодической печати, но именно либеральные работы получили широчайший читательский охват. «Из воюющей Англии» Набокова, «Англия накануне победы» Чуковского и «Визит русских писателей в Англию» Толстого, в сущности, выполнили возложенную на эти сочинения пропагандистскую задачу. В.И. Немирович-Данченко же в силу ряда обстоятельств книгу опубликовать так и не смог, не написал статей и представитель консервативной печати А. Башмаков (после революции, впрочем, эмигрируют все участники делегации, кроме Чуковского, А.Н. Толстой позднее вернется, но остальные так и останутся на Западе).

Взгляды основной тройки журналистов накладывали отпечаток и на их поведение. Так, В.Д. Набоков прямо призывал английские власти влиять на российские реалии в направлении их либерализации. «*Внутреннее сближение неразрывно связано с взаимным влиянием – интеллектуальным, моральным, даже эстетическим. И если в результате у нас*

должны получить более общее признание и более активное значение те политические и социальные идеи, на которых основана государственная и общественная мощь Англии, то истинные друзья прогресса, права и свободы не могут не желать от всей души, чтобы росло и укреплялось это благодетельное влияние».

«Рядом с целью поставленной нам в России — увидеть своими глазами, что сделано Англией в смысле подготовки сил на суше, на море и в делах снабжения, выросла другая цель, которой мы невольно служим. Эта цель — рост и укрепление нашей духовной близости с Англией» [7, с. 7] — и далее — «Ни для кого не тайна, что в Англии всего живее и болезненнее было отрицательное отношение к некоторым сторонам русской жизни, с которыми не могло мириться английское сознание, выросшее на почве уважения к свободе и праву» [7, с. 19]. Набоков отмечает, как радуются англичане возобновлению работы Государственной Думы.

Тональность «Из воюющей Англии» — подчеркнуто оптимистическая. *«Мы почували силу поднявшегося на защиту своей страны и всей Европы английского народа. Эта сила еще разовьется и развернется. Ее запасы неисчислимы» [7, с. 40].*

Чуковский косвенно отмечает, что, видимо, реальные цели поездки не сводились к декларируемой «инспекции»: *«Например, официальные банкеты и спичи — что мог бы я о них написать! И что напишу я о флоте, в котором ничего не понимаю, и что напишу я о Китченере, которого видел лишь восемь (даже не десять) минут. И что скажу об английских оружейных заводах, если я не инженер, не механик — и, главное, пронесся по ним впопыхах, не имея возможности ни разговориться с рабочими, ни вникнуть в их работу, в их быт» [12, с. VIII].*

Однако и у него тон повествования исключительно оптимистический. Идеализируются даже взаимоотношения Великобритании и ее колоний. *«Англия для колоний — источник свободы и правды. Она воплощает для них все лучшее, для чего достраивалось в веках человечество» [12, с. 47-48] «Любить Россию для англичан — дело новое, они еще не знают, как и за что нас любить, но любить хотят непременно» [12, с.121] — отмечает Чуковский, предвещая грядущую вечную дружбу между двумя странами.*

В 1927 году уже изменивший свои взгляды А.Н. Толстой повторно анализирует собственную поездку десятилетней давности в статье «Англичане, когда они любезны». *«Когда под Ипром немцы выпустили хлор и пропахали весь английский фронт тяжелыми снарядами, — тогда англичане стали говорить, что, в сущности, всегда любили русский народ и восхищались им...» [11, с. 96] — начинает Толстой и почти сразу же раскрывает, в чем именно выражалась эта «любовь».*

Англичане устраивают «Русскую выставку», где английские женщины в кокошниках продают ржавые замки, кресты и тряпичных кукол — а прочие экспонаты и того хуже. *«Таков уголок России. Смотри и делай выводы, премудрый сын Альбиона: перед тобой шестая часть земного шара, дикий и нищий народ, занятия: земледелие времен каменного века, охота и кустарный промысел. Ну, чем не место для колонии, когда победоносно окончится война, когда Россия потрясет последние деньжонки и вконец обессилеет. Словом, по скудоумию ли, или с тайным умыслом, но ловко было подстроено на выставке» [11, с. 99].*

Современная эпоха даже в большей степени, чем 1916 год, отличается колоссальным

влиянием медиа и пропаганды. В самом ли деле восторженные очерки русских либералов, предвещающих «демократизацию» России, стали той соломинкой, которая побудила Императорскую Россию, а потом и Временное Правительство продолжать в угоду «союзникам» шествие по самоубийственной спирали, приведшей государство к краху? Или поездка шести журналистов, четверо из которых позднее навсегда покинут свою страну, была лишь одним из ярких курьезов, иллюстрирующих роль определенных частей российского общества в трансляции иностранной пропаганды?

Как бы то ни было, цепь событий, частью которой была данная поездка, продолжилась сапогами английских солдат, марширующими по оккупированному Архангельску, а завершилась позорным бегством интервентов, за которыми последовали и поставленные ими марионеточные правительства.

Современная Россия во многом сталкивается с теми же проблемами, которые переживала Российская Империя. И были ли сделаны выводы из этих уроков истории — нам только предстоит узнать.

Литература

1. *Брайс Дж.* Отчего англичане пошли воевать? 1917. Петроград: Изд. Англо-русск. ком. 15 с.
2. Век информации. Журналистика и войны: к 100-летию Первой мировой войны // Материалы 53-й международной научной конференции «Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения». Санкт-Петербургский государственный университет, 23-25 апреля 2014 года / ред. коллегия: Л.П. Громова (отв. ред.), Г.В. Жирков, О.С. Кругликова. 2015. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций». 274 с.
3. *Вититнев С.Ф.* Развитие смыслового содержания категории «политика». От эпохи Античности к эпохе Возрождения // *Обозреватель*. 2018. № 4 (339). С. 100-115.
4. *Дегоев В.В.* Внешняя политика России и международные системы: 1700-1918 гг. 2004. М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет); «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). 496 с.
5. *Дионео.* Англия 1914-1919. 1920. Paris: Povolozky. 120 с.
6. Европа и Россия в огне Первой мировой войны. К 100-летию начала войны / Под ред. В.А. Золотарева. 2014. М.: ИНЭС, РУБИН. 864 с.
7. *Набоков В.Д.* Из воюющей Англии. 1916. Петроград: Унион. 132 с.
8. *Осипов В.Д.* Британия глазами русского. 1977. М.: Изд-во АПН. 208 с.
9. Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории / Отв. ред. Ю.А. Писарев, В.Л. Мальков. 1994. М.: Наука. 304 с.
10. Первая мировая война и судьба европейской цивилизации / Под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Маныкина. 2014. М. 816 с.
11. *Толстой А.Н.* Англичане, когда они любезны / Толстой А.Н. Собр. соч. Т. 10. 1961. М.: Государственное издательство художественной литературы. 712 с. С. 96-107.
12. *Чуковский К.И.* Англия накануне победы. 1916. Петроград: Изд-во тов. А.Ф. Маркс. 151 с.

References

1. Brais Dzh. Otchego anglichane poshli voevat'? 1917. Petrograd: Publ. Anglo-russk. kom. 15 s.

Дорожкина М.А., Леонтьев В.Г., Яковлев М.Е.
Британское гостеприимство — случай из истории
публицистики времен Первой Мировой войны
Язык и текст. 2022. Том 9. № 4. С. 8–13.

Dorozhkina M.A., Leontiev V.G., Yakovlev M.E.
British Hospitality — a Case from the History of
Journalism during the First World War
Language and Text. 2022. Vol. 9, no. 4, pp. 8–13.

(In Russ.).

2. Vek informatsii. Zhurnalistika i voyny: k 100-letiyu Pervoi mirovoi voyny // Materialy 53-i mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Sredstva massovoi informatsii v sovremennom mire. Peterburgskie chteniya». Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet, 23-25 aprelya 2014 goda / red. kollegiya: L.P. Gromova (otv. red.), G.V. Zhirkov, O.S. Kruglikova. 2015. Saint Petersburg: Publ. Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet, Institut «Vysshaya shkola zhurnalistiki i massovykh kommunikatsii». 274 s. (In Russ.).
3. Vititnev S.F. Razvitie smyslovogo sodержaniya kategorii «politika». Ot epokhi Antichnosti k epokhe Vozrozhdeniya // Obozrevatel'. 2018. № 4 (339). S. 100-115. (In Russ.).
4. Degoev V.V. Vneshnyaya politika Rossii i mezhdunarodnye sistemy: 1700-1918 gg. 2004. Moscow: Publ. Moskovskii gosudarstvennyi institut mezhdunarodnykh otnoshenii (Universitet); «Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya» (ROSSPEN). 496 s. (In Russ.).
5. Dioneo. Angliya 1914-1919. 1920. Paris: Povolozky. 120 s. (In Russ.).
6. Evropa i Rossiya v ogne Pervoi mirovoi voyny. K 100-letiyu nachala voyny / Pod red. V.A. Zolotareva. 2014. Moscow: INES, RUBIN. 864 s. (In Russ.).
7. Nabokov V.D. Iz voyuyushchei Anglii. 1916. Petrograd: Union. 132 s. (In Russ.).
8. Osipov V.D. Britaniya glazami russkogo. 1977. Moscow: Publ. APN. 208 s. (In Russ.).
9. Pervaya mirovaya voyna: diskussionnye problemy istorii / Otv. red. Yu.A. Pisarev, V.L. Mal'kov. 1994. Moscow: Nauka. 304 s. (In Russ.).
10. Pervaya mirovaya voyna i sud'ba evropeiskoi tsivilizatsii / Pod red. L.S. Belousova, A.S. Manykina. 2014. Moscow. 816 s. (In Russ.).
11. Tolstoi A.N. Anglichane, kogda oni lyubezny / Tolstoi A.N. Sobr. soch. T. 10. 1961. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury. 712 s. S. 96-107. (In Russ.).
12. Chukovskii K.I. Angliya nakanune pobedy. 1916. Petrograd: Izd-vo tov. A.F. Marks. 151 s. (In Russ.).

Информация об авторах

Дорожкина Мария Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры инновационных технологий филологического образования, Московский государственный областной педагогический университет (ФГБОУ ВО МГОПУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4032-1541>, e-mail: 490a@mail.ru

Леонтьев Вячеслав Геннадьевич, аспирант, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ); Государственная Дума, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8242-308X>, e-mail: vgl@mail.ru

Яковлев Матвей Евгеньевич, ассистент кафедры инновационных технологий филологического образования, Московский государственный областной педагогический университет (ФГБОУ ВО МГОПУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0444-7582>, e-mail: mattyakovlev@gmail.com

Information about the authors

Mariya A. Dorozhkina, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Innovative Technologies of Philological Education, Moscow State Regional Pedagogical University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4032-1541>, e-mail: 490a@mail.ru

Vyacheslav G. Leontiev, PhD student, Moscow State University of Psychology & Education; State

Дорожкина М.А., Леонтьев В.Г., Яковлев М.Е.
Британское гостеприимство — случай из истории
публицистики времен Первой Мировой войны
Язык и текст. 2022. Том 9. № 4. С. 8–13.

Dorozhkina M.A., Leontiev V.G., Yakovlev M.E.
British Hospitality — a Case from the History of
Journalism during the First World War
Language and Text. 2022. Vol. 9, no. 4, pp. 8–13.

Duma, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8242-308X>, e-mail: vgl@mail.ru

Matvey E. Yakovlev, Assistant, Department of Innovative Technologies of Philological Education,
Moscow State Regional Pedagogical University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0444-7582>, e-mail: mattyakovlev@gmail.com

Получена 01.12.2022

Принята в печать 15.12.2022

Received 01.12.2022

Accepted 15.12.2022

Литовский шляхтич Августин Константинович: лже-потомок члена двора великой княгини Елены Ивановны

Домрачев Н.Е.

Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
e-mail: nickolas-house@yandex.ru

Статья посвящена анализу прецедента выдачи в 1683 г. «свидетельствованной» грамоты из Посольского приказа литовскому шляхтичу Августину Погожему-Константиновичу о выезде его предка в Литву в составе двора великой княгини Елены Ивановны. Создание легенды о происхождении Погожих-Константиновичей было определено модой на связанные с Московией родословия, распространившейся в среде новой литовской элиты в середине XVII в., в частности, у Огинских, которым служил Константинович. Обращение ко двору Елены Ивановны связано с тесными контактами Константиновича с русскими дипломатами. Его роль с организации контактов между кн. В.В. Голицыным и кн. М.А. Огинским в начале 1680-х гг. и служба в качестве русского агента предопределили удовлетворение его прошения, несмотря на отсутствие в распоряжении Посольского приказа каких-либо документальных подтверждений родословной легенды Константиновича.

Ключевые слова: двор Елены Ивановны, Августин Погожий-Константинович, Посольский приказ, В.В. Голицын, В.М. Тяпкин, историческая память.

Финансирование: Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00247-П «Двор русских княгинь в системе властных структур Древней Руси и Западной Европы в период Средневековья и раннего Нового времени (XI-XVI вв.)».

Для цитаты: *Домрачев Н.Е.* Литовский шляхтич Августин Константинович: лже-потомок члена двора великой княгини Елены Ивановны [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2022. Том 9. № 4. С. 14–29. DOI:10.17759/langt.2022090402

Lithuanian Nobleman Augustin Konstantynowicz: a Pseudo-Descendent of a Courter of Grand Princess Elena Ivanovna

Nikolay E. Domrachev

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia,
e-mail: nickolas-house@yandex.ru

The article is devoted to analysis of the case, when in 1683 the Ambassadorial

Chancellery granted to Lithuanian nobleman Augustin Pohoży-Konstantynowicz the tsar's diploma, confirming a departure of his antecessor to Lithuania as a courter of grand princess Elena Ivanovna. The emergence of the legend about the origin of Pohoży-Konstantynowicz was linked with fashion on Muscovy-related genealogies, which had spread among new Lithuanian establishment at the middle of 17th century, especially among Oginski, who were patrons of Pohoży-Konstantynowicz. The interest of Konstantynowicz in grand princess Elena Ivanovna's court was linked to his close contacts with Moscowite diplomats. The role of Konstantynowicz in the organization of contacts between prince Vasiliy V. Golitsyn and prince Marcian A. Oginski in the beginning of 1680s and his service as the Russian agent predetermined the satisfaction of his request by the Ambassadorial Chancellery, despite the absence in the Chancellery any documentary evidence of Pohoży-Konstantynowicz genealogical myth.

Keywords: Elena Ivanovna's court, Augustin Pohoży-Konstantynowicz, the Ambassadorial Chancellery, Vasiliy V. Golitsyn, Vasiliy M. Tiapkin, historic memory.

Funding: The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF), project number 19-18-00247-P «The Court of Russian Princesses in the System of Power Structures of Ancient Russia and Western Europe during the Middle Ages and Early Modern Times (11-16 Centuries)».

For citation: Domrachev N.E. Lithuanian Nobleman Augustin Konstantynowicz: a Pseudo-Descendent of a Courter of Grand Princess Elena Ivanovna. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2022. Vol. 9, no. 4, pp. 14–29. DOI:10.17759/langt.2022090402 (In Russ.).

Дискурс современной философии истории невозможно представить без понятий «память» и «историческая память». Они были введены в научный оборот французскими историком Пьером Нора и философом Полем Рикером для концептуализации трансформаций, произошедших во взаимодействии социальных групп с прошлым во Франции в 1970-е гг. [13], суть которых заключается в «*изменении традиционного отношения к прошлому*». Отмеченное П. Нора «ускорение истории», связанное с ростом динамики политических, социальных и экономических изменений в развитых обществах второй половины XX в. привело к разрыву людей и с будущим, которое становится «абсолютно неопределенным», и с прошлым, которое становится все менее актуально. Связи людей с прошлым начали рушиться. Это вынуждает социальные группы придавать особое значение «памяти», которая должна не транслировать, а реконструировать прошлое [13]. Тем самым, только коренные изменения в механизмах «памяти» привлекли внимание к самому понятию «памяти». Достаточно быстро оно было поддержано научным сообществом и начало активно применяться к исследованиям сначала по истории XX в., а в дальнейшем, — и более ранних периодов.

Важнейшей составляющей памяти людей является «историческая память». Согласно одному из определений — это совокупность передаваемых из поколения в поколение исторических сюжетов, событий и рефлексий, посредством которых события и образы прошлого воспроизводятся и транслируются от одного поколения к другому [12]. Одной из

важных особенностей исторической памяти является ее конъюнктурность: в сознании ее носителя живет и воспроизводится только то, что служит или может служить его актуальным задачам. При исчезновении или изменении части из них компоненты исторической памяти могут подвергнуться значительной трансформации. Еще одной важной особенностью исторической памяти является ее автономность: для ее поддержания не требуются доказательства, она *«менее всего озабочена выявлением объективной истины, подкрепленной источниками»* [24]. Таким образом, запрос доказательств можно считать ключевым признаком неустойчивости исторической памяти, маркером процесса ее разрушения или формирования.

Актуальность проблемы формирования и поддержания исторической памяти в современном обществе сформулировал еще Пьер Нора и его коллеги. Однако не меньший интерес представляют практики формирования и бытования исторической памяти у субъектов в прошлом, в частности, в Раннем Новом времени, связанном с трансформациями традиционных средневековых социальной структуры, экономического уклада, идей. Относительный масштаб этих изменений был не менее значителен, чем трансформации на современном этапе развития. В этой связи представляется важным для исследования уникальный кейс (случай) литовского шляхтича Августина Погожего-Константиновича, в конце 1682 г. обратившегося в Посольский приказ для подтверждения своей родословной, восходящей к одному из членов литовского двора великой княгини Елены Ивановны, обнаруженный среди материалов ф. 150 «Дела о выезжих иностранцах» Российского государственного архива древних актов (РГАДА). Данные документы ранее не становились объектом внимания исследователей.

7 февраля 1494 г. был заключен московско-литовский «вечный мир», завершивший длительный конфликт двух региональных держав Восточной Европы за контроль над рядом небольших удельных княжеств на восточном пограничье Великого княжества Литовского (Вяземское и ряд т.н. «Верховских княжеств»). Территориальные потери великий князь литовский Александр Казимирович рассчитывал компенсировать заключением династического брака с дочерью Ивана III великой княжной Еленой Ивановной. Договоренность о бракосочетании была достигнута днем ранее, 6 февраля. Тогда же было совершено их заочное обручение. Великий князь и его советники рассчитывали, что в связи с заключением брака Иван III вернет Литве часть завоеванных земель. Однако эти расчеты не оправдались [8; 11; 25; 27]. Вместе с Еленой Ивановной в Вильно отправился значительный двор, включавший в себя более 70 представителей княжеских родов, детей боярских, состоящих на службе великого князя, и их слуг [9]. Однако посланный из Москвы двор великой княгини задержался в Вильно недолго. Александру Казимировичу стало известно о «тайных» функциях членов двора по сбору информации внутренней и внешней политике Литвы, и сразу после венчания в августе 1495 г. великий князь литовский распорядился *«боярыням и иным людям, которым велено побыти у великие княгини, чтоб поехали к великому князю»* [23, с. 210]. Из дипломатических материалов известно, что к сентябрю 1495 г. члены русского двора вернулись в Москву [23, с. 210]. Проведенное А.Л. Корзининым исследование персонального состава двора Елены Ивановны позволяет утверждать, что никто из ее московской свиты действительно при ней не остался [9]. Впоследствии ее двор был в значительной мере укомплектован подданными Великого

княжества Литовского, преимущественно католиками. Выходцы из Московского государства при дворе великой княгини в конечном итоге появились, но их число было незначительным. Представителей рода Погожих среди них исследование А.Л. Корзинина не фиксирует.

При этом и с «московским» двором великой княгини, и в дальнейшем поддерживались периодические контакты с помощью гонцов и посланников ее отца Ивана III и брата Василия III. Среди них в мае 1495 г., еще до высылки «московского» двора, был послан сын боярский Михаил Погожий (Погожево) с грамотами Ивана III к дочери и руководителям ее двора. В грамоте к Елене Ивановне отмечалось: *«и ты бы ко мне с ним же (Погожим. — Н.Д.) отписала, чем неможешь и как тебя нынеча Бог милует»* [23, с. 197]. Очевидно, миссия Погожего предполагала его возвращение в Москву. Не исключено, что он приехал еще до высылки «московского» двора.

Обнаруженный в ф. 150 комплекс документов о прошении шляхтича Августина Погожего-Константиновича представляет собой целостное столбцовое делопроизводство, очевидно, Посольского приказа по оформлению «свидетельствованной» царской грамоты (патента) о службе предков Константиновича в Московском государстве и их «благородном» происхождении. Документы были выделены в отдельную единицу хранения в 1780-е гг., как представляется, при разборе архива Посольского приказа Н.Н. Бантыш-Каменским и формировании коллекции «Дел о выезжих иностранцах». На обертке дела отмечено, что *«с онаго копия послана в Вотчинную коллегию 1782-го года августа 22»* [19, л. 1]. Комплекс состоит из семи документов. Все они оформлены в Посольском приказе на столбцах белой вержированной бумаги с филигранями «Герб Амстердама» и «Голова шута». Бумага этих двух типов перемешана.

Документ №1 — Запись объявления смоленского шляхтича Н.М. Краевского в Посольском приказе вестей об обсуждении в Речи Посполитой возможности разрыва перемирия с Московским государством, подготовке к сейму и прошения кадинского наместника Августина Погожего-Константиновича о выдаче ему «свидетельствованной» царской грамоты о службе его предков в Московском государстве (Перевод Посольского приказа с польского), датированная началом 1683 г. [19, л. 1-4]. В правом верхнем углу л. 1. кириллической цифирью поставлен номер «55». Документ написан парадной профессиональной скорописью, характерной для Посольского приказа втор. пол. XVII в. черными чернилами. Данный документ является иницирующим для данного делопроизводственного комплекса.

Документ №2 — Запись легенды о выезде на службу в Москву князя Островского, происхождении от него родов Погожих и Тяпкиных и выезде в Литву в составе двора Елены Ивановны Константина Погожего (на польском языке), датированная датированная началом 1683 г. [19, л. 12-12 об.]. Как представляется, Легенда... была записана в Посольском приказе Н. М. Краевским незадолго после объявления им литовских вестей и прошения Константиновича. В правом верхнем углу л. 12 кириллической цифирью поставлен номер «50». Документ написан латинской скорописью бледными черными чернилами рукой, вероятно, смоленского шляхтича Н.М. Краевского.

Документ №3 — Перевод Записи легенды..., выполненный в Посольском приказе в январе-феврале 1683 г. [19, л. 8]. В правом верхнем углу л. 8 кириллической цифирью

поставлен номер «50». Фамилии-патронимы «Варгос», «Погожей», «Тяпкин» в тексте документа подчеркнуты красным карандашом кон. XIX — нач. XX в. Документ написан профессиональной скорописью черными чернилами.

Документ №4 — Выписка из посольской книги 6996 г. по связям с Великим княжеством Литовским списка двора великой княжны Елены Ивановны, отправленного с ней в Вильно (без конца), датированная январем-февралем 1683 г. [19, л. 5-7, л. 10]. В правом верхнем углу л. 5 кириллической цифирью поставлен номер «55». Документ написан парадной профессиональной скорописью, почерком, близким почерку Документа №1, черными чернилами.

Документ №5 — Выписка из Государева родословца редакции в 81 главу родословной Варгасовых, Погожих и Тяпкиных (Глава 77), датированная тем же периодом [19, л. 9, л. 11]. В правом верхнем углу л. 9 кириллической цифирью поставлен номер «50». Документ написан парадной профессиональной скорописью, почерком, близким почерку Документа №1, черными чернилами. Заголовок Выписки... — «Род Варгасовых, да Погожих, и Тяпкиных» — подчеркнут красным карандашом, идентичным пометкам на третьем документе.

Документ №6 — Царская «свидетельствованная» грамота Августину Погожему-Константиновичу о службе его предков в Московском государстве и их выезде в Литву с великой княгиней Еленой Ивановной (первый черновик, без начала), датированный февралем 1683 г. [19, л. 13-17]. В правом верхнем углу л. 13 кириллической цифирью поставлен номер «50». Документ написан беглой скорописью черными чернилами. Правки в текст внесены беглой скорописью черными чернилами другим почерком.

Документ №7 — Царская «свидетельствованная» грамота Августину Погожему-Константиновичу о службе его предков в Московском государстве и их выезде в Литву с великой княгиней Еленой Ивановной (второй черновик), датированный 2 марта 1683 г. [19, л. 18-26]. В правом верхнем углу л. 13 кириллической цифирью поставлен номер «88». Документ написан парадной профессиональной скорописью, почерком, близким почерку Документа №1, черными чернилами. Правки внесены черными чернилами. На документе приказные пометки профессиональной скорописью черными чернилами почерком, близким почерку дьяка Посольского приказа П.Б. Возницына: *«Отпуск жалованной великих государей грамоты. Чернение в той грамоте боярина князя Василья Васильевича Голицына»* [19, л. 18], *«Такова великих государей жалованная (так!) грамота отдана Назарью Краевскому за государственною отворчатою Большою печатью, которою печатают великих государей грамоты к польскому королю, на красном воску под гладкою бумагою с фигуры, кайма, и фигуры, и «Божиею» писано золотом, против того, какову кайму и фигуры пишут в грамотах к польскому королю, и великих государей имянованье и титула писано золотом по «многих», а дело чернил и писал в лист Посольского приказу подъячей Иван Фаворов, дьячей приписи у той грамоты нет»* [19, л. 26-26 об.].

Таким образом, обнаруженный в ф. 150 РГАДА комплекс документов, созданный без малого через два столетия после пребывания «московского» двора Елены Ивановны в Литве, дает возможность поставить вопросы о механизмах формирования исторической памяти в Раннее Новое время на примере памяти шляхтича Августина Погожего-Константиновича о

своем происхождении, причинах выбора Константиновичем двора великой княгини Елены Ивановны в качестве отправной точки мифологизации своей родословной и роли Посольского приказа в процессе мемориализации этих представлений.

Августин Погожий-Константинович — одна из ключевых фигур агентурной сети Посольского приказа в 1670-е — 1680-е гг. Его работа на русское дипломатическое ведомство в 1680-е гг. была подробно описана К.А. Кочегаровым [10, с. 52-54]. Однако его биография и происхождение остается малоизученными. Известно, что он был «многолетним слугой и доверенным лицом» трокского воеводы кн. Марциана Александра Огинского, одного из влиятельнейших политиков Великого княжества Литовского и ближайшего соратника лидера т.н. «литовской оппозиции» королю Яну III Собескому великого гетмана литовского Михала Казимежа Паца [29, с. 60-61]. После смерти М.К. Паца в 1682 г. лидерство среди оппозиционно настроенной литовской элиты перешло к Огинскому, и вслед за этим расширились задачи Константиновича: ему было поручено заведование московскими и казацкими делами. К началу 1680-х гг. он имел уряд (должность) писаря гродского мстиславского и был наместником в селе Кадино, ближайшем к русской границе населенном пункте, через который проходила почтовая линия Москва-Вильно и проезжали все русские и польские посольства [10, с. 124]. Связи с руководством Посольского приказа Константинович осуществлял с ведома своих патронов — Огинского и Паца [10, с. 54], через смоленского шляхтича стольника Назария Михайлова сына Краевского [7; 3; 10]. Показательно, что на устойчивости этой связи практически не отражались перемены в руководстве Посольского приказа, не исключая даже гибель думного дьяка Л.И. Иванова в ходе стрелецкого бунта в мае 1682 г. и перехода руководства Посольского приказа ко кн. В.В. Голицыну. За свои услуги Погожий-Константинович получал жалование соболями, которое, по оценкам самого агента, могло достигать до 80 рублей в год [10, с. 53].

Складывание контактов Константиновича с московскими политиками и дипломатами относится к началу 1670-гг. В сентябре 1669 г. в деревне Андрусово начался пограничный посольский съезд, который продлился до марта 1670 г. Русскую делегацию возглавлял руководитель Посольского приказа боярин А.Л. Ордин-Нащокин [1, с. 142]. В составе польской делегации присутствовал на тот момент кравчий Великого княжества Литовского кн. М.А. Огинский [14, с. 831]. Как представляется, в свите Огинского находился его клиент Погожий-Константинович. С этим посольским съездом сам кадинский наместник уже в 1683 г. связывал свою первую попытку получить от русской стороны «свидетельство Погожих дому», т.е. официальное подтверждение «благородного» происхождения его предков. Если верить позднему свидетельству самого Константиновича, на съезде он с разрешения «комисаров королевского величества» (очевидно, своего патрона кн. Огинского) «подал челобитную... покойному боярину Афонасью Лаврентьевичю», получив от него обещание «прислать свидетельство, выписав из родословных книг, за вислюю печатью» [19, л. 2-3]. Однако, это исполнено не было.

Нельзя исключать, что именно А.Л. Ордину-Нащокину принадлежала идея связать происхождение Погожих-Константиновичей с выездом в Вильно двора великой княгини Елены Ивановны. Известно, что глава Посольского приказа с интересом относился к архивам русского дипломатического ведомства, и после своего ухода из политики в 1671 г. и пострига в монахи забрал с собой в Псков копии многих посольских книг и царских грамот,

которыми он пользовался при составлении своей челобитной царю Федору Алексеевичу в 1676-1678 гг. [4, с. 126]. Очевидно, ему была хорошо известна история русско-литовских контактов. Не исключено, что он даже помнил о поездке в Вильно Михаила Погожева. Это могло натолкнуть его на мысль, что в архиве Посольского приказа есть документы, способные удовлетворить просьбу Августина Погожего-Константиновича и его патрона. Обращение Ордина-Нащокина к событиям 1494-1495 гг. выглядит абсолютно оправданным и продуманным. Двор Елены Ивановны был единственным институтом в истории русско-литовских и русско-польских отношений кон. XV — XVII в., который давал возможность московским аристократам и детям боярским легально оказаться на службе в Великом княжестве Литовском. Все остальные случаи массового «отъезда» в Литву и Польско-Литовское государство во время Ливонской войны и Смуты московской стороной однозначно трактовались как «измена», и не могли не отразиться на ее готовности подтвердить «благородное» происхождение потомков этих «изменников».

Вторую попытку получить «свидетельствованную» царскую грамоту Погожий-Константинович, по собственному признанию, предпринял в первой половине 1670-х гг., действуя через бывшего клиента Ордина-Нащокина стольника, полковника и голову приказа московских стрельцов, расквартированного в Смоленске, Василия Михайловича Тяпкина. По словам кадинского наместника, Тяпкин «сам сказывался Погожих породю» и «обещал о том же... прислать с Москвы» [19, л. 3]. Складывание контактов между Тяпкиным и Константиновичем, по-видимому, следует отнести к 1674 г.¹ В ноябре 1673 г. Тяпкин был назначен резидентом в Польско-Литовском государстве. Уже после отправки Тяпкина из Москвы стало известно о смерти короля Михаила Корибута Вишневецкого. Это вынудило главу Посольского приказа А.С. Матвеева корректировать цели миссии: «*проведывать всякими мерами, которого государя послы или посланники проискивать учнут..., чтоб государя их на корону Полскую и великое княжество Литовское обрали королем, и нет ли от них, послов..., польским сенаторем дачи*» [16, л. 85]. В конце января 1674 г. резидент прибыл в Варшаву. Незадолго до его приезда Августин Погожий-Константинович был послан в качестве специального посланца от великого гетмана литовского М.К. Паца в Москву с предложением выдвинуть на польский престол кандидатуру царевича Федора Алексеевича и условиями его избрания. 4 февраля он был принят в Посольском приказе [1, с. 147; 15, с. 27]. При этом очевидно, что для руководства русского дипломатического ведомства Константинович был новой фигурой. В царском указе Тяпкину, уведомлявшем резидента о предложениях посланца гетмана Паца и встречных предложениях московской стороны, мстиславский гродский писарь назван «*некоторым шляхтичем, именем Констянтиновичь*» [18, л. 35]. Одновременно в Варшаве Тяпкин сблизился с гетманом М.К. Пацем, регулярно встречаясь с ним в течение февраля. Только в начале марта 1674 г. М.К. Пац сообщил резиденту о желании части сенаторов выдвинуть кандидатуру царевича [15, с. 26-27]. Глава Посольского приказа А.С. Матвеев, рассчитывая опереться на М.К. Паца и его сторонников в проведении своей политики в Речи Посполитой, не возражал против этих контактов [26].

¹ Возможность более ранних контактов между В.М. Тяпкиным и А. Погожим-Константиновичем исключать нельзя. В 1670-1673 гг. Тяпкин совместно с Я. Тютчевым был пограничным «межевым» судьей [1, с. 143]. Места службы Константиновича в этот период остаются неизвестными.

Таким образом, В.М. Тяпкин оказался тесно связан с группой литовских политиков, клиентом которой был Константинович.

В апреле 1674 г. к началу элекционного сейма Константинович, очевидно, вернулся в Варшаву. Он не был посланцем на сейм, однако его имя, как писаря гродского Мстиславского воеводства, фигурирует в итоговом перечне урядников воеводств и земель Речи Посполитой, отдавших свои голоса за Яна III Собеского от 20 мая 1674 г. [28, с. 162]. Как представляется, именно во время сейма были установлены прямые контакты между Тяпкиным и Константиновичем. Очевидно, резидент и мстиславский писарь обсуждали вопросы своей родословной, и в результате Тяпкин признал общее происхождение их родов. Летом 1674 г. фиксируется использование русским постоянным представителем двойного патронима — «Погожий-Тяпкин» — в переписке с гетманом М.К. Пацем [18, л. 234], а также появление «латинской» печати резидента, которой он запечатывал свои письма к вельможам Речи Посполитой, на которой были помещены литеры «W», «M», «P», «T», «P», «P» [18, л. 234 об.], что можно расшифровать как «**W**asyl **M**ichałowicz **P**ohoży-**T**iapkin, **p**ułkownik, **p**osłaniec».

В XVII в. в Московском государстве Погожие и Тяпкины считались «однородцами». Это представление сформировалось к концу XVI в, когда возникла генеалогическая легенда о происхождении Погожих и Тяпкиных от двух братьев, Василия Погожева и Михаила Тяпки, детей Василия Варгаса, по прозвищу «Погож», выехавшего «с Ольгердовичи» при князе Дмитрие Донском на московскую службу [22, с. 191]. Впервые это родословие появляется в Патриаршей редакции родословных книг, при этом с самых ранних ее списков² [2, с. 65-70, с. 190]. Родословие было составлено, как представляется, в роду Тяпкиных: потомки Василия Погожева представлены в ней двумя поколениями, роспись которых завершается фразой «и от того пошли Погожие», а потомки Михаила Тяпкина расписаны на шесть поколений. В XVII в. родословие не пополнялось. Во второй половине XVII в. родословие Погожих и Тяпкиных вошло в редакцию в 81 главу Государева родословца³ [2, с. 58-63, с. 187]. Текст родословия вошел в редакцию в 81 главу практически без изменений за единственным исключением: прозвище «Погож» переместилось от Василия Варгаса на его старшего сына Василия [21, с. 682-683].

Контакты резидента В.М. Тяпкина и А. Погожего-Константиновича, как представляется, оказались практически полезны для обоих. Резидент получил возможность укрепить свой статус в Польско-Литовском государстве через демонстрацию принадлежности к роду, который был хорошо известен в Великом княжестве Литовском как шляхетский, и через него к благородному сословию Польско-Литовского государства. Августин Константинович нашел подтверждение существования в Московском государстве рода Погожих и шанс с помощью своего «родственника» добиться получения из Москвы «свидетельствованной» грамоты. Однако политические обстоятельства, в частности, укрепление положения Яна III Собеского в Речи Посполитой, проигрыш группировки М.К. Паца в противостоянии с королем в 1674-1675 гг. и разочарование царя Алексея Михайловича и его советников в

² Порядковый номер родословия в разных списках варьируется от №49 до №55.

³ Порядковый номер родословия в разных списках варьируется между №76 и №77.

возможностях литовских политиков, опала А.С. Матвеева в 1676 г., сделали невозможным реализацию этой просьбы.

Настойчивое стремление А. Погожего-Константиновича получить подтверждение своего происхождения от выезжего с двором Елены Ивановны московского сына боярского, как представляется, связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, это возросший во второй половине XVII в. в литовской элите, близкой к М.К. Пацу, интерес к конструированию своей генеалогии через «православную идентичность» и связь с территориями, находящимися под владением Москвы. В частности, как показало недавнее исследование Е.С. Глинского, этим активно занимались Огинские, в частности кн. М.А. Огинский и его отец Александр. Они актуализировали свое происхождение из Козельска и подчеркивали происхождение своего рода от киевского князя Владимира Святого [5]. Огинские, в сер. — втор. пол. XVII в. входящие в политическую элиту Великого княжества Литовского стремились доказать свою родовитость. Направления генеалогических поисков Огинских могли повлиять и на их клиентов, в частности на Погожего-Константиновича, задавая им направления и конструирования собственного происхождения. Во-вторых, это неудачные попытки Августина Погожего-Константиновича добиться «свидетельствованной» грамоты, которые начали приносить обратный эффект. Вместо укрепления статуса своего рода в шляхетском сообществе Литвы, Константинович получил усиливающиеся сомнения вообще в его «благородном» происхождении. Не случайно в конце 1682 г. в разговоре с Н. М. Краевским Константинович жаловался: *«от своей братьи многожды имею укоризну и бещестья, потому что многие ведали о моем челобитье, и попрекают мне, будто Погожих на Москве и сыскать негде»* [19, л. 3].

В начале 1683 г. Назарий Краевский ездил в Москву⁴ [10, с. 54], чтобы доставить переданные Константиновичем письма М.А. Огинского главе Посольского приказа кн. В.В. Голицыну и сообщить «ведомости» о планах короля и «литовской оппозиции» на предстоящий варшавский сейм 1683 г.⁵ [19, л. 1-4], и оставался в столице в ожидании ответа «оберегателя». В ходе этой поездки он устно передал в Посольский приказ третье прошение Погожего-Константиновича *«чтоб ему указали дать на письме за вислою печатью свидетельство Погожих дому, какую на себе честь имели и в каких чинех бывали»* [20, л. 2]. Из пересказа Краевского следовало, что предок Константиновича был *«выезжей с стороны государства Московского»* [20, л. 2] (Документ №1). Ожидая ответа кн. В.В. Голицына, Краевский, как представляется, следил за ходом дела в Посольском приказе.

Время для подачи прошения Константинович выбрал крайне удачно. В августе 1682 г. в село Кадино, где он был наместником, прибыл королевский секретарь Станислав

⁴ Известно, что весной 1683 г. Краевский возвратился из Москвы в Смоленск.

⁵ В записи «речей» Краевского изложение просьбы Погожего-Константиновича предваряется сообщением о намерении Яна III Собеского *«под нынешнее смятение учинити розорвание перемирья»*, о том, что *«Речь Посполитая крепко о том стала, и не допускают явно к такому намерению, и писали в города к сродичам и к слугам своим, чтоб в ынструкциях подавали посла на сейм не позволять перемирья розрывать»*. После просьбы Константиновича следуют сообщения об обещании короля М.А. Огинскому на нынешнем сейме *«восприяти печать великую Великого княжества Литовского»*.

Бентковский, который должен был объявить, что он послан в Москву в качестве гонца, и дожидаться дальнейших инструкций из Варшавы. В действительности, Бентковский имел обширный спектр поручений: он должен был выяснить судьбу наследников царя Федора Алексеевича, настроения группировок аристократов в Москве, настроения на Смоленщине, на Украине и на Дону и даже попытаться организовать в Смоленске антимосковское восстание [10, с. 123-131]. В Кадино Бентковский оказался в поле зрения Константиновича и Краевского, которые присутствовали с ним на застольях и достаточно скоро начали подозревать, что он — королевский лазутчик. Уже 1 октября (21 сентября) кн. В.В. Голицын, находившийся в Троицком походе, был об этом проинформирован. В Смоленск к воеводе А.В. Толстому были посланы распоряжение принять необходимые меры предосторожности [10, с. 129]. В декабре 1682 г. Константинович передал Краевскому сообщение кн. М.А. Огинского, в котором тот подтверждал желание короля Яна III Собеского *«нарушить крестное свое целование и мир, постановленный с московскими государями»*, заверял руководство Посольского приказа в своем желании *«говорить о союзе и всякими мерами... к нему клонитца»* и предлагал руководству возобновить прерванные Стрелецким бунтом контакты [10, с. 131]. Сообщение Краевского оказалось в Посольском приказе 15 (25) декабря. Примерно в это же время король принял решение отказаться от миссии Бентковского. Таким образом, к концу 1682 г. Погожий-Константинович оказался как важным участником успешного разоблачения королевского лазутчика, так и связующим звеном в возобновляемых контактах между «оберегателем» кн. В.В. Голицыным и кн. М.А. Огинским. Очевидно, что эту исключительно благоприятную конъюнктуру кадинский наместник решил обратить в свою пользу. Тем более, становилось понятно, что глава Посольского приказа щедро оплачивает лояльность: в конце того же года смоленской, рославльской и бельской шляхте была дана жалованная грамота с подтверждением прав на ее «маетности» [10, с. 129].

Предположительно, с именем Назария Краевского связано появление в Посольском приказе «Записи легенды о выезде на службу в Москву князя Островского...» (Документ №2). Не исключено, что Краевский составил этот текст на основе рассказа Погожего-Константиновича и по его поручению. «Запись легенды...» составлена на латинице на смеси польского и русского языков. Все даты в «Записи легенды...» опущены, вместо них после словосочетания «w гоки» оставлено пустое место. Совпадение типа бумаги с бумагой других документов комплекса, а также не свойственная польско-литовскому делопроизводству столбцовая форма документа говорят о том, что он не был подготовлен заранее, а был написан непосредственно в Посольском приказе. Особый интерес представляет изложенная в «Записи легенды...» версия родословной Погожих-Константиновичей. Фактически, «легенда» состоит из двух несвязанных между собой сюжетов. Первый сюжет — о происхождении Погожих. Согласно поданной Н. М. Краевским «легенде», на имя великого князя Василия выехал великий князь Ольгерд вместе с князем Островским, который за свою верную службу был пожалован в сенаторы («został senatorem»). Один из его сыновей был большой красоты («hozei urody»), который получил прозвище «Погожий», а другой сын был назван «Тяпкой». От Погожего пошел род Погожих, а от Тяпки — Тяпкиных. Как представляется, в основе сюжета лежит сильно искаженная в фактах идея родословия Погожих и Тяпкиных. Очевидно, Погожий-Константинович не обладал копией этой

родословной или ее переводом на польский язык и опирался на ее пересказ, услышанный от В.М. Тяпкина. Примечательным кажется появление в «легенде» «князя Островского». Очевидно, оно отразило «моду» на возведение генеалогий к знатым и православным предкам, заданную Огинскими. Род князей Острожских — один из наиболее известных православных родов Великого княжества Литовского.

Второй сюжет «легенды» посвящен выезду в Литву с двором Елены Ивановны предка Погожих-Константиновичей. Согласно тексту Н.М. Краевского, великая княжна Елена Даниловна («Helena Donilna») вышла замуж за короля Александра, и с ней в Вильно было послано много знатных родов и почтенных людей («rowaznych ludei»), среди которых оказался князь Константин Погожий-Островский, от которого пошел род Константиновичей [19, л. 12-12 об.].

«Запись легенды...» была переведена на русский язык в Посольском приказе (Документ №3). Однако переводчик внес ряд существенных изменений в «легенду». В результате князя Островского, выехавшего в Москву вместе с Ольгердом, звали Иван Варгас. Он оказался «воеводою полковым, и побил татар над Доном и над Непрядвою», за что был пожалован «в бояры». Константин Погожий, потомок Ивана Варгаса, «выехал... до Литвы за великою княжною Ульяною», и от него пошел род Константиновичей, «а с предка те Погожие идут с породы князев Островских» [19, л. 8]. Очевидно, перед переводчиком стояла задача не столько передать смысл польского текста «Записи легенды», сколько скорректировать его, согласовав с существующими в московской традиции родословными легендами. При этом идея о высоком статусе предков Погожих-Константиновичей была усилена введением службы Ивана Варгаса-Островского «полковым воеводой» и боярином. Нельзя исключать, что в коррекции «легенды» принял участие сам В.М. Тяпкин, имевший тогда чин думного дворянина⁶.

На основании сообщенного Н.М. Краевским прошения Августина Погожего-Константиновича и поданной им «Записи легенды о выезде на службу в Москву князя Островского...» в Посольском приказе началась проверка этих сведений. Подготовленные там выписки строго следуют логике, предложенной в «Записи легенды»: с одной стороны на основании имеющихся в распоряжении дипломатического ведомства родословных книг проверялись данные о происхождении рода Погожих, а с другой — на основании посольских книг уточнялась информация о свите великой княгини Елены Ивановны.

В результате собранные материалы не подтвердили ни одно из положений «Записи легенды...». Из Государева родословца (редакции в 81 главу) была выписана Глава 77 «Род Варгасовых, да Погожих и Тяпкиных» [19, л. 9-11] (Документ №5), содержание которой полностью соответствует тексту этого родословия в списках данной редакции. Как представляется, в распоряжении Посольского приказа был некий недошедший до нас список⁷ [2, с. 58-61]. Среди зафиксированных в выписке потомков В. Погожего и М. Тяпкина какие-

⁶ Начертания отдельных букв в почерке Документа №3 близки к аналогичным начертаниям букв в автографах В.М. Тяпкина на его донесениях в Посольский приказ во время польской резиденции 1673-1677 гг. Однако большая разница во времени между образцами оставляет основания для сомнений.

⁷ Все известные списки XVII этой редакции Государева родословца имеют явное частное происхождение.

либо люди с именем Константин отсутствуют.

Сходным образом выглядит ситуация с выпиской из литовской посольской книги 1487 г. (Документ №4) [19, л. 5-7]. Среди перечисленных в выписке об *«отпуске от великого князя дочери ево великие княжны Елены Ивановны к великому князю Александру Литовскому, а с нею, княжною, отпуск в провожатых»* придворных великий княжны Константин Погожий или иной представитель этого рода не зафиксирован. Текст выписки соответствует тексту, озаглавленному *«А се список, которые бояре и дети боярские поехали княжны провожати в Литву»*, в опубликованной посольской книге [23, с. 163-164], за исключением отсутствия последних 19 человек. Как представляется, все эти имена были зафиксированы на утраченном последнем листе выписки.

Таким образом, имеющиеся в 1683 г. в распоряжении Посольского приказа материалы не подтверждали ни одно положение родословной легенды Августина Погожего-Константиновича, изложенной Н.М. Краевским. Однако на определенном этапе в деле появился еще один документ, излагающий родословие Константиновичей. В его основе лежит перевод «справки», но он дополнен новыми деталями.

Работу над составлением текста «свидетельствованной» грамоты, которая началась не ранее февраля 1683 г., контролировал лично кн. В.В. Голицын. Об этом свидетельствует дьячья пометка: *«чернение в той грамоте боярина князя Василья Васильевича Голицына»* [17, л. 18]. Это говорит об особом отношении «оберегателя» к Погожему-Константиновичу и его положению в системе агентов Посольского приказа. Подготовка грамоты была завершена ко 2 марта 1683 г. (Документ №7). Несмотря на отсутствие в распоряжении Посольского приказа прямых сведений о принадлежности Константиновичей к московскому роду Погожих и отъезду одного из членов этого рода ко двору Елены Ивановны в Вильно, «главный министр» [6, с. 136] принял решение поддержать притязания кадинского наместника. В этих условиях единственным аргументом становились показания думного дворянина В.М. Тяпкина. В результате в «свидетельствованной» грамоте было указано, что думный дворянин В.М. Тяпкин подтвердил, что *«королевского величества дворянин Августин Константинович с ним... однопородной»* [17, л. 21]. Затем в грамоте дословно был приведен текст из родословных книг о родах Варгасовых, Тяпкиных и Погожих [17, л. 22-24]. При этом по распоряжению В.В. Голицына было вычеркнуто упоминание о пожаловании Василия Варгаса в окольные. Наконец, изложение сведений о Погожих в грамоте завершалось упоминанием об отъезде «московского» двора Елены Ивановны в Литву, которое было датировано 1486/87 г., (по дате составления посольской книги, откуда была сделана выписка). Среди членов ее двора был *«написан Костянтин Яковлевич Погожево, которой заехав при великой княжне в Вильно, там житие свое скончил»*. Текст грамоты дипломатично завершался словами: *«Дети же после ево остались ли, и того в записных книгах не обретатся, занеже вскоре после того у Московского государства с Литвою восташа брань и кровопролитье»* [17, л. 26].

Вернувшись из Москвы в Смоленск, Назарий Краевский привез Августину Погожему-Константиновичу в село Кадино долгожданную царскую «свидетельствованную» грамоту. О факте выдачи этой грамоты было известно К.А. Кочегарову, работавшему с письмами Краевского: агент отчитался в русское дипломатическое ведомство, что Константинович *«честно с великим поклоном поцеловал печать, воспринял и обещал служить до смерти»*

своей» [10, с. 54].

Таким образом, дело о получении литовским шляхтичем Августином Константиновичем Погожим царской «свидетельствованной» грамоты о своем происхождении из среды родовитых служилых людей Московского государства раскрывает еще один эпизод формирования исторической памяти, связанной со службой предков в Москве или на землях, подвластных Москве, у представителей литовской шляхты в XVII в. и органично дополняет перечень случаев, выявленных Е.С. Глинским. Уникальность случая Августина Погожего-Константиновича заключается в его апелляции к русским властям в Москве, которые, с точки зрения шляхтича, должны были подтвердить его конструкции официальным документом. Другие литовские роды, связывавшие свое происхождение, с «Московией», обходились без юридических средств доказательства, довольствуясь (псевдо-) историческими. На использование нетипичного средства мемориализации своей реконструируемой исторической памяти Погожего-Константиновича сначала подтолкнул случай — встреча с А.Л. Ординым-Нащокиным, который подтвердил возможность выдачи такого документа, — а затем принцип. Длительное отсутствие документального подтверждения родословной легенды из Москвы привело к обратному эффекту и поставило под угрозу сам шляхетский статус рода Константиновичей-Погожих. Это вынуждало Августина Константиновича идти до конца.

В восприятии Константиновича-Погожего эпоха пребывания великой княгини Елены Ивановны в Литве оказалась единственным историческим периодом, с которым можно было связать достаточно массовое появление в великом княжестве московских служилых родов. Очевидно, что все последующие события, например, события Смутного времени, обладали меньшей привлекательностью для таких целей. Также следует особо отметить крайне слабое знакомство Константиновича с московской практикой использования родословных книг. Очевидно, легенду о происхождении родов Варгасовых, Погожих и Тяпкиных он слышал от В.М. Тяпкина, во время своей «резиденции» в Польско-Литовском государстве поддерживающего контакты с Константиновичем. В легенде о предках Августина Константиновича, представленной Посольский приказ смешались сильно искаженные (но угадываемые) черты русского родословия Погожих и желание вести свое происхождение от знатного и авторитетного предка. Очевидно, что для литовского шляхтича (нельзя исключать, что православного), такой фигурой являлся князь Константин Острожский и род Острожских князей

Наконец, в начале 1683 г. Посольский приказ и кн. В.В. Голицын были крайне заинтересованы в службе Августина Погожего-Константиновича в качестве русского агента и посредника в контактах с лидером «литовской оппозиции» кн. М.А. Огинским. Это, как представляется, предопределило полное игнорирование отсутствия каких-либо упоминаний об отъездах Погожих ко двору Елены Ивановны в конце XV в. и выдачу «свидетельствованной» грамоты. Тем самым миф, созданный Августином Константиновичем, получил документальное закрепление.

Литература

1. *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России по 1800 г. Ч. 3. 1897. М.:

Домрачев Н.Е.
Литовский шляхтич Августин Константинович: лже-
потомок члена двора великой княгини Елены
Ивановны
Язык и текст. 2022. Том 9. № 4. С. 14–29.

Domrachev N.E.
Lithuanian Nobleman Augustin Konstantynowicz: a
Pseudo-Descendent of a Courter of Grand Princess Elena
Ivanovna
Language and Text. 2022. Vol. 9, no. 4, pp. 14–29.

Типография Э. Лиснера и Ю. Романа. 319 с.

2. Бычкова М.Е. Родословные книги XVI — XVII вв. как исторический источник. 1975. М.
3. Верховская Л.А. Род Ясенчик-Краевских // Смоленское дворянство. Вып. 1. 1997. М. С. 78-80.
4. Галактионов И.В., Чистякова Е.В. Ордин-Нащокин — русский дипломат XVII века. 1961. М.: Соцэкгиз. 134 с.
5. Голицын Е.С. Легенды о «московском» происхождении отдельных шляхетских родов в историческом дискурсе Великого княжества Литовского XVII-XVIII вв. // Исторический Вестник. Т. 33. Русь. Россия. Беларусь. 2020.
6. Гордон П. Дневник, 1684-1689 / Патрик Гордон; пер., ст., примеч. Д.Г. Федосова [отв. ред. М.Р. Рыженков]. 2009. М.: Наука.
7. Греков И.Б. Вечный мир 1686 г. [автореф. канд. дисс.] // Институт Славяноведения. Краткие сообщения. Вып. 2. 1951. М. 26 с.
8. Зимин А.А. Россия на рубеже XV — XVI столетий. 1982. М.: Мысль. 336 с.
9. Корзинин А.Л. Великая княгиня Литовская и королева Польская Елена Ивановна и ее двор (статья в печати) // Вестник СПбГУ. 2022.
10. Кочегаров К.А. Речь Посполитая и Россия в 1680-1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. 2008. М.: Индрик. 502 с.
11. Кром М.М. Меж Русью и Литвой: западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. 1995. М.: Археографический центр. 291 с.
12. Мокроусова Е.А. Исторический подход к проблеме памяти: понятие исторической памяти // Всероссийский журнал научных публикаций. 2011. С. 14-15.
13. Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. № 2. 2005. URL: <http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html> (дата обращения: 28.11.2022).
14. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 1. 1830. СПб.
15. Попов А.Н. Русское посольство в Польшу в 1673-1677 гг. 1854. СПб.: Тип. Морск. кадет. корп.
16. РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1670 г. № 12.
17. РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 1.
18. РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1674 г. № 2.
19. РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1683 г. № 4.
20. РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1684 г. № 4.
21. РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Ед. хр. 176 (Список А.М. Пушкина).
22. Родословная книга (по списку А, хранящемуся в Московском Архиве Коллегии иностранных дел) // Временник Императорского московского общества истории и древностей российских. Кн. 10. 1851. М.
23. Сборник Русского исторического общества. Т. 35. 1882. СПб.
24. Уваров П. История, историк и историческая память во Франции // Отечественные записки. № 5. 2004.
25. Флоря Б.Н. Великая княгиня Елена Иоанновна // «Православная энциклопедия». Т. 18. 2008. М.
26. Флоря Б.Н. Россия, Ян Собеский и Михаил Пац в 1674-1675 гг. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 1. 2015. С. 5-6.

Домрачев Н.Е.
Литовский шляхтич Августин Константинович: лже-
потомок члена двора великой княгини Елены
Ивановны
Язык и текст. 2022. Том 9. № 4. С. 14–29.

Domrachev N.E.
Lithuanian Nobleman Augustin Konstantynowicz: a
Pseudo-Descendent of a Courter of Grand Princess Elena
Ivanovna
Language and Text. 2022. Vol. 9, no. 4, pp. 14–29.

27. Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. 1980. М.: Наука. 294 с.
28. Suffragia województw i ziem za Iana III roku 1674 // Volumen Quintum: ab anno 1669 ad annum 1697. Acta Reipublicæ Continens. T. 5. 1860.
29. Wójcik Z. The separatist tendencies in the Grand Duchy of Lithuania in the 17th century // Acta Poloniae historica. 1994. № 69. Warszawa.

References

1. Bantysh-Kamenskii N.N. Obzor vneshnikh snoshenii Rossii po 1800 g. Ch. 3. 1897. Moscow: Tipografiya E. Lissnera i Yu. Romana. 319 s. (In Russ.).
2. Bychkova M.E. Rodoslovnye knigi XVI — XVII vv. kak istoricheskii istochnik. 1975. Moscow. (In Russ.).
3. Verkhovskaya L.A. Rod Yasenich-Kraevskikh // Smolenskoe dvoryanstvo. Vyp. 1. 1997. Moscow. S. 78-80. (In Russ.).
4. Galaktionov I.V., Chistyakova E.V. Ordin-Nashchokin — russkii diplomat XVII veka. 1961. Moscow: Sotsekgiz. 134 s. (In Russ.).
5. Golitsyn E.S. Legendy o «moskovskom» proiskhozhdenii otdel'nykh shlyakhetskikh rodov v istoricheskom diskurse Velikogo knyazhestva Litovskogo XVII — XVIII vv. // Istoricheskii Vestnik. T. 33. Rus'. Rossiya. Belarus'. 2020. (In Russ.).
6. Gordon P. Dnevnik, 1684-1689 / Patrik Gordon; per., st., primech. D.G. Fedosova [otv. red. M.R. Ryzhenkov]. 2009. Moscow: Nauka. (In Russ.).
7. Grekov I.B. Vechnyi mir 1686 g. [avtoref. kand. diss.] // Institut Slavyanovedeniya. Kratkie soobshcheniya. Vyp. 2. 1951. Moscow. 26 s. (In Russ.).
8. Zimin A.A. Rossiya na rubezhe XV — XVI stoletii. 1982. Moscow: Mysl'. 336 s. (In Russ.).
9. Korzinin A.L. Velikaya knyaginya Litovskaya i koroleva Pol'skaya Elena Ivanovna i ee dvor (stat'ya v pechati) // Vestnik SPbGU. 2022. (In Russ.).
10. Kochegarov K.A. Rech' Pospolitaya i Rossiya v 1680-1686 godakh. Zaklyuchenie dogovora o Vechnom mire. 2008. Moscow: Indrik. 502 s. (In Russ.).
11. Krom M.M. Mezhd Rus'yu i Litvoi: zapadnorusskie zemli v sisteme russko-litovskikh otnoshenii kontsa XV — pervoi treti XVI v. 1995. Moscow: Arkheograficheskii tsentr. 291 s. (In Russ.).
12. Mokrousova E.A. Istoricheskii podkhod k problem pamyati: ponyatie istoricheskoi pamyati // Vserossiiskii zhurnal nauchnykh publikatsii. 2011. S. 14-15. (In Russ.).
13. Nora P. Vsemirnoe torzhestvo pamyati // Neprikosnovennyi zapas. № 2. 2005. Available at: <http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html> (Accessed: 28.11.2022) (In Russ.).
14. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobr. 1. T. 1. 1830. Saint Petersburg. (In Russ.).
15. Popov A.N. Russkoe posol'stvo v Pol'shu v 1673-1677 gg. 1854. Saint Petersburg: Tip. Morsk. kadet. korp. (In Russ.).
16. RGADA. F. 79. Op. 1. 1670 g. № 12. (In Russ.).
17. RGADA. F. 79. Op. 1. Kn. 1. (In Russ.).
18. RGADA. F. 79. Op. 1. 1674 g. № 2. (In Russ.).
19. RGADA. F. 150. Op. 1. 1683 g. № 4. (In Russ.).
20. RGADA. F. 150. Op. 1. 1684 g. № 4. (In Russ.).
21. RGADA. F. 181. Op. 1. Ed. khr. 176 (Spisok A.M. Pushkina). (In Russ.).

Домрачев Н.Е.
Литовский шляхтич Августин Константинович: лже-
потомок члена двора великой княгини Елены
Ивановны
Язык и текст. 2022. Том 9. № 4. С. 14–29.

Domrachev N.E.
Lithuanian Nobleman Augustin Konstantynowicz: a
Pseudo-Descendent of a Courter of Grand Princess Elena
Ivanovna
Language and Text. 2022. Vol. 9, no. 4, pp. 14–29.

22. Rodoslovnaya kniga (po spisku A, khranyashchemusya v Moskovskom Arkhive Kollegii inostrannykh del) // Vremennik Imperatorskogo moskovskogo obshchestva istorii i drevnostei rossiiskikh. Kn. 10. 1851. Moscow. (In Russ.).
23. Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva. T. 35. 1882. Saint Petersburg. (In Russ.).
24. Uvarov P. Istoriya, istorik i istoricheskaya pamyat' vo Frantsii // Otechestvennye zapiski. № 5. 2004. (In Russ.).
25. Florya B.N. Velikaya knyaginya Elena Ioannovna // «Pravoslavnyaya entsiklopediya». T. 18. 2008. Moscow. (In Russ.).
26. Florya B.N. Rossiya, Yan Sobeskii i Mikhail Pats v 1674-1675 gg. // Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. № 1. 2015. S. 5-6. (In Russ.).
27. Khoroshkevich A.L. Russkoe gosudarstvo v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii kontsa XV — nachala XVI v. 1980. Moscow: Nauka. 294 s. (In Russ.).
28. Suffragia województw i ziem za Iana III roku 1674 // Volumen Quintum: ab anno 1669 ad annum 1697. Acta Reipublicæ Continens. T. 5. 1860.
29. Wójcik Z. The separatist tendencies in the Grand Duchy of Lithuania in the 17th century // Acta Poloniae historica. 1994. № 69. Warszawa.

Информация об авторах

Домрачев Николай Евгеньевич, главный специалист Отдела научной информации и публикации документов РГАДА, г. Москва, научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: nickolas-house@yandex.ru

Information about the authors

Nikolay E. Domrachev, main specialist of Department of Scientific Data and Publishing Department, RGADA, Moscow, Research Associate, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, e-mail: nickolas-house@yandex.ru

Получена 01.12.2022
Принята в печать 15.12.2022

Received 01.12.2022
Accepted 15.12.2022

Бенедетто Кроче и итальянская литература

Чеппаруло С.

Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
e-mail: st082615@student.spbu.ru

В данной статье проанализировано отношение Бенедетто Кроче к итальянской литературе его времени. Специфику этого отношения определяют основные черты литературной критики итальянского философа. Главный результат статьи состоит в анализе глубокого субъективизма этого метода.

Ключевые слова: литературная теория, итальянская литература, поэзия, Бенедетто Кроче, лиризм, субъективизм.

Для цитаты: Чеппаруло С. Бенедетто Кроче и итальянская литература [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2022. Том 9. № 4. С. 30–36. DOI:10.17759/langt.2022090403

Benedetto Croce and Italian Literature

Sacha Cepparulo

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia,
e-mail: st082615@student.spbu.ru

This article analyzes the attitude of Benedetto Croce to the Italian literature of his time. The specifics of this attitude are determined by the main features of the literary criticism of the Italian philosopher. The main result of the article is the analysis of the deep subjectivism of this method.

Keywords: literary theory, Italian literature, poetry, Benedetto Croce, lyricism, subjectivism.

For citation: Cepparulo S. Benedetto Croce and Italian Literature. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2022. Vol. 9, no. 4, pp. 30–36. DOI:10.17759/langt.2022090403 (In Russ.).

Специфику отношения Бенедетто Кроче к итальянской литературе определяют основные теории его философии искусства.

Одним из главных следствий «диалектики различий» является автономия искусства, которое должно быть бескорыстным (а значит, неотделимым от полезного и доброго). Об искусстве можно судить независимо от того, какое истинное содержание оно может иметь или не иметь. Для Кроче искусство — прежде всего язык, который есть общая предпосылка всех форм духа, так как они во всяком случае должны в нем конкретизироваться — следовательно, в гипотетической формальной иерархии искусство занимало бы центральное место. Теме искусства, собственно, и посвящена первая из четырех работ «Философии духа»

под названием «Эстетика как наука о выражении и общее языкознание» (1902 г.).

В соответствии с этой предпосылкой художественная форма, с которой больше всего имеет дело Кроче, — это литература и, в частности, поэзия. Его очерки по литературной критике многочисленны: «Литература новой Италии», написанная между 1903 и 1911 годами, изданная в шести томах между 1914 и 1940 годами, «Поэзия» Данте (1921); «Народная поэзия и художественная поэзия», два тома «Очерков итальянской литературы XVII века» (1911 и 1931), (1933); «Поэзия», (1936), «Древняя и современная поэзия» (1944).

По словам самого Кроче, его теория искусства подробно выражена в «Бревиарии эстетики» (1912). Во вступлении Кроче подчеркивает независимость искусства¹ от разума, определяя его как интуицию и воображение. Интуиция и воображение отличаются уровнем знания и характеризуются не формой, а содержанием. Интуиция не есть, как полагал Кант, первый момент, который нужно дополнить чистыми понятиями, чтобы произвести априорный (интеллектуальный) синтез. Для Бенедетто Кроче она уже — сам синтез: *«искусство есть истинный априорный эстетический синтез чувства и образа в интуиции, о котором можно повторить, что чувство без образа слепое, а образ без чувства пуст»* [2, с. 40]².

Бенедетто Кроче придерживается того мнения, что искусство не подчиняется философии. Определение искусства как интуиции подразумевает отрицание других определений. В частности, искусство не является физическим фактом, оно независимо от материала, которым оно выражено. Этим аргументом Кроче осуждает и все возможные количественные художественные подходы и каноны, как, например, пропорции геометрических фигур и отношения, установленные в Ренессанс. Искусство также не является «утилитарным актом» [2, с. 17] и, исходя из этого, не связано с удовольствием в физическом смысле. Например, портрет любимого человека может быть безобразным, а портрет ненавистного — красивым. Следовательно, частные практические интересы не имеют ничего общего с эстетическим суждением. Еще искусство также не может быть моральным фактом-поступком. Оно не поддается никакому суждению такого рода: оно не назидательно. Когда художественное произведение изображает похвальные поступки, это к нему не прибавляет никакой эстетической ценности.

Основной аспект теории Кроче заключается в том, что искусство не является интеллектуальным знанием — оно независимо от понятий, которые характеризуют философию. Не существует реальных «истинных» или «ложных» образов, и в любом случае этот критерий неуместен для суждений в эстетической области. Поэтому искусство не следует смешивать ни с религией и философией³, ни с исторической документацией.

Однако если к искусству не приписывается ни одна из тех функций, которые к нему время от времени приписывали прежние эстетические теории, то какова его цель? Или лучше сказать словами самого Кроче: *«какая роль принадлежит к чистому образу в жизни духа?»*

¹ По Гегелю, искусство является только подготовительным моментом развития духа.

² В оригинале на итальянском языке: *«L'arte è una vera sintesi a priori estetica, di sentimento e immagine nell'intuizione, della quale si può ripetere che il sentimento senza l'immagine è cieco, e l'immagine senza il sentimento è vuota»*.

³ В отличие от Шеллинга и Гегеля.

[2, с. 29]⁴. Искусство рассматривается как один из моментов развития духа, который реален лишь в синтезе, но нуждается в конкретности различных осуществлений. Таким образом, искусство отличается от философии, этики и экономики, но вместе с ними конкретизирует дух, характеризующий различные исторические эпохи.

Интерес Кроче к литературе и поэзии выходит за рамки места, отведенного искусству в его философской системе. Количество и качество проведенных исследований сделали Кроче обязательным ориентиром литературной критики двадцатого века. Искусство как лирическая интуиция и автономия искусства стали в Европе широко распространёнными теориями. Вместо этого другие аспекты его теории вызвали разногласия и споры, в частности: различие между поэзией и «непоэзией», по которому, например, в первых пяти песнях «Божественной комедии», по мнению Кроче, не было поэзии, а только «идеологические»⁵ части; определение искусства как лирической интуиции, которое затем привело его к таким суждениям (не разделяемым большинством), как превознесение Кардуччи⁶ и критика творчества Пасколи⁷, Д'Аннунцио⁸, литературного реализма и философской прозы Пиранделло.

Литературные суждения Кроче очень ясны. Если брать, к примеру, историю итальянской литературы⁹, он критикует Пасколи, Вергу и Пиранделло. Он также не очень хорошо отзывался о столь великих поэтах, как Данте, Леопарди и Мандзони. Как уже было сказано, в случае первых пяти песен «Божественной комедии» он различает лирические части, которые ценит, и идеологическое построение, которое осуждает. Также, в случае с творчеством Леопарди как в поэзии, так и в прозе, Кроче определяет и вычитывает идилическую (лирическую) часть его произведений, отделяя их от других, по его мнению, незначительных частей. «Обрученных» Мандзони он называет «ораторским», а не поэтическим произведением. Поэзию двадцатого века, исключая Габриэле Д'Аннунцио, он почти полностью критикует, называя «декадентской».

Касательно Мандзони Кроче признает, что своим творчеством тот внес значительный вклад в построение итальянского национального языка. Однако Кроче считает попытку Мандзони возвести в ранг национального языка флорентийский диалект только теоретической и, следовательно, неудачной. Мандзони, пишет Кроче, *«помогал итальянскому народу освободиться от некоторых национальных помех и действовать сжато, как и подобает тем, кто уже был деятелем цивилизации, а не напыщенным и церемонным придворным или академическим бездельником»* [1, с. 149].

⁴ В оригинале на итальянском языке *«Quale ufficio spetta alla pura immagine nella vita dello spirito?»*

⁵ «Идеологические» в этом случае означает теоретическо-философские.

⁶ Джозуэ Кардуччи (1835–1907) – итальянский поэт и патриот, лауреат Нобелевской премии по литературе (1906).

⁷ Джованни Пасколи (1855–1912) – итальянский поэт и патриот.

⁸ Габриэле Д'Аннунцио (1863–1930) – итальянский поэт и патриот, представитель итальянского эстетизма.

⁹ Бенедетто Кроче занимается не только итальянской, а также французской, немецкой и испанской литературами. В молодости он много путешествовал и поэтому владел основными европейскими языками.

Как мы заметили выше, в случае с Данте и Leopardi литературная критика Кроче направлена на ту «лирическую» ценность, которую он приписывал искусству. Под термином «лирический» Кроче *«не имеет в виду традиционного риторического значения обозначения того или иного литературного жанра, а указывает на качество, свойственное художественному проявлению, которое всегда, даже в формах эпоса, трагедии, романа и т.д., должно выразить личный образ чувств, голос души»* [5, с. 4].

Каждое художественное произведение уникально. Кроче спорит с теорией литературных жанров, рассматривая их как абстракции, которые могут быть полезны при классификации, но которые не следует использовать для определения ценности художественных произведений. Иными словами, о романе следует положительно судить не потому, что он соответствует предполагаемым характеристикам этого жанра, а на основе его «стихотворности» и «лиризма», независимо от абстрактных классификаций.

В реконструкции итальянской литературы, которой Кроче изучает почти все периоды, никогда не написав систематической работы, он: переоценивает Аркадию, к которой также приписывает Парини; рассматривает ранний итальянский романтизм более как продолжение литературной традиции восемнадцатого века, чем новаторское движение, как например немецкое.

Исследования о Leopardi и Мандзони не очень основательны и систематичны, поскольку большее внимание и, следовательно, самые оригинальные оценки посвящены литературе второй половины девятнадцатого века. Самым представительным поэтом этого периода и одним из самых значительных поэтов всех времен, по словам Кроче, является Джозуэ Кардуччи, в то время как, о чем упоминалось выше, творчество Пасколи и д'Аннунцио раскритиковано.

В контексте литературной критики Кроче указывает на Франческо де Санктиса¹⁰ как на идеал для литературной критики. По мнению Кроче, он совершил настоящую революцию, заслуживая похвалы за то, что он освободил литературную критику от всех исторических и формальных проблем и подходов, которые до тех пор руководили суждениями о поэзии и литературе. По этому поводу Бенедетто Кроче пишет: *«Поднявшись на вершину, достигнутую Де Санктисом, нельзя было придавать большего значения спорам об историко-литературном методе, (...) о правилах, об относительности литературного вкуса, о причинах литературного развития и об отношениях между литературой и политикой, литературой и моралью, литературой и расой и т.д. (...). Серьезность и самостоятельность искусства, его связь с действительностью и в то же время его идеальность, необходимость отдаться ей с девственной душой, чтобы судить о ней спекулятивным умом, потеряли характер проблемности и приобрели твердость аксиом»* [3, с. 337-338]¹¹. Суждения литературной критики, по мнению Бенедетто Кроче, должны

¹⁰ Франческо де Санктис (1817–1883) – итальянский патриот, литературный критик и философ. Он знаменит тем, что: был министром образования и культуры в только что объединенном итальянском государстве; первым в 1870 году написал историю итальянской литературы (несмотря на богатую литературную традицию Италии, до тех пор никому не удалось написать систематичную историю итальянской литературы).

¹¹ В оригинале на итальянском языке: «Salendo sulla cima raggiunta dal De Sanctis, era impossibile dar più importanza alcuna alle dispute sul metodo storico e su quello letterario, (...) e sulle regole, e sulla relatività dei gusti, e sulle cause dello svolgimento letterario e sui rapporti tra letteratura e politica, letteratura e morale, letteratura e razza, e

касаться только лиричности произведения, в полной независимости от других точек зрения и подходов.

На самом деле в «Литературной критике — теоретических вопросах»¹² (1895) Бенедетто Кроче противопоставил свою теорию доктрине Франческо Де Санктиса, который придерживался того, что «изложение» литературного¹³ произведения является высшей и почти исключительной целью литературной критики. Бенедетто Кроче отличает «изложение» от «осуждения» и объясняет, что, с одной стороны, изложив содержание любого художественного произведения, нам будет проще о нем судить, но, с другой, из этого не следует, что «изложение» и «суждение» совпадают или должны обязательно совпадать. Когда мы занимаемся изложением художественного произведения, продолжает Кроче, мы стараемся ответить на вопрос: «Что это такое?»¹⁴. Напротив, в случае «осуждения», мы разрабатываем ответ на вопрос: «Чего оно стоит?»¹⁵.

В этой работе Кроче старается теоретически описать и основать все возможные и приемлемые подходы к художественному литературному произведению. Он придерживается того, что все задачи литературоведения можно разделить на:

1. «изложение»;
2. «суждение»;
3. «историю».

Каждый из этих моментов состоит из множества разных возможных типов подходов и исследований. На основе этой разницы Кроче не только определяет метод, цели и сущность эстетического суждения, а также отрицает возможность объективно-научной эстетической критики. Он основывает свою теорию на субъективизме. Когда мы занимаемся эстетической критикой, то обращаем внимание на определение лирической ценности художественного произведения. Очень часто, замечает Кроче, литературоведы путают разные подходы к художественному произведению с эстетической критикой (как уже было сказано, любая художественная критика должна быть эстетической). Именно по этой причине итальянский философ придерживается двух очень важных теорий: незначимости биографии-истории художника для эстетической оценки его творчества; уникальности любого художественного произведения и последовательной критики всех теорий литературных жанров.

Для определения эстетической ценности художественного произведения литературовед ни

via dicendo (...). La serietà e l'indipendenza dell'arte, il suo legame con la realtà e insieme la sua idealità, la necessità di abbandonarsi a lei con animo vergine per giudicarla con mente speculativa, perdevano il carattere di problemi e acquistavano la fermezza di assiomi».

¹² В оригинале на итальянском языке «La critica letteraria. Questioni teoriche».

¹³ Как и Бенедетто Кроче, Франческо Де Санктис занимается прежде всего литературой. С другой стороны, стоит заметить, что, как сам Бенедетто Кроче объясняет в пятой главе анализируемой работы, Франческо Де Санктис хорошо знал только один вид искусства: литературу. Однако Бенедетто Кроче глубже был знаком с историей разных видов искусства, но он предпочитал литературу и, поэтому, когда размышлял над философским статусом и смыслом искусства, он всегда ссылаясь на поэзию и литературу.

¹⁴ В оригинале на итальянском языке: «Che cos'è?».

¹⁵ В оригинале на итальянском языке: «Che cosa vale?».

в коей степени не нуждается в изучении истории/биографии поэта, его характера (психологизация эстетической критики), историческо-общественного контекста, в котором он писал (социологизация/историзация/экономизация эстетической критики) и далее. Оценка лиризма произведения, то есть эстетического уровня «интуиции» и «выражения голоса души» поэта, характеризующих данное произведение, основывается на субъективности литературоведа. Оценки не только могут, а должны быть разными. Стих может произвести разные впечатления у разных читателей. Однако это не значит, уточняет Кроче, что все оценки совсем одинаковы и должны быть поставлены на тот же самый уровень. Как он говорит, критические осуждения Франческо Де Санктиса, несомненно, глубже, качественнее и вернее осуждений простого человека или какого-то ученого. Поэтому, заключает Кроче, субъективность эстетической критики заключается в уникальности характера, опыта, знаний и способностей литературоведа.

Как уже было сказано, исключение из области литературной критики некоторых видов исследований и подходов к художественному произведению не свидетельствует о том, что они вообще недопустимы. Естественно, любое художественное произведение может быть рассмотрено с точки зрения экономических, общественных, политических условий эпохи написания и выпуска, но результаты всех этих видов исследований бесполезны для литературной критики, то есть они не нужны для чисто эстетической критики, они могут только ей повредить.

Согласно теориям итальянского философа, не являются художественными произведениями только рассмотренные работы писателей и поэтов, а также все виды критических и не критических работ (по «изложению», «суждению», «истории») о них. Значит — основная проблема эстетики и литературной критики Бенедетто Кроче заключается в «панэстетизме», основывающемся именно на субъективизме этого метода. Предполагаемый ответ Бенедетто Кроче на эту критику может быть следующий: если все подходы к художественному произведению приводят к другим разным художественным произведениям, то в этом ничего плохого нет.

Литература

1. Croce B. Alessandro Manzoni e la questione della lingua nella letteratura italiana // La letteratura italiana. 1949.
2. Croce B. Breviario di estetica. 1958. Roma: Laterza. 168 p.
3. Croce B. Francesco De Sanctis // La letteratura italiana. 1949.
4. Croce B. La critica letteraria. Questioni teoriche. 1895. Roma: Loescher. 176 p.
5. Puppo M. Benedetto Croce e la critica letteraria. 1974. Firenze: Sansoni. 86 p.

References

1. Croce B. Alessandro Manzoni e la questione della lingua nella letteratura italiana // La letteratura italiana. 1949.
2. Croce B. Breviario di estetica. 1958. Roma: Laterza. 168 p.
3. Croce B. Francesco De Sanctis // La letteratura italiana. 1949.
4. Croce B. La critica letteraria. Questioni teoriche. 1895. Roma: Loescher. 176 p.
5. Puppo M. Benedetto Croce e la critica letteraria. 1974. Firenze: Sansoni. 86 p.

Чеппаруло С.
Бенедетто Кроче и итальянская литература
Язык и текст. 2022. Том 9. № 4. С. 30–36.

Cepparulo S.
Benedetto Croce and Italian Literature
Language and Text. 2022. Vol. 9, no. 4, pp. 30–36.

Информация об авторах

Чеппаруло Саша, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: st082615@student.spbu.ru

Information about the authors

Sacha Cepparulo, PhD student, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, e-mail: st082615@student.spbu.ru

Получена 01.12.2022
Принята в печать 15.12.2022

Received 01.12.2022
Accepted 15.12.2022

Военная проза Василия Ивановича Немировича-Данченко

Вититнев С.Ф.

Московский государственный областной педагогический университет (ФГБОУ ВО МГОПУ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6462-8775>, e-mail: svititnev@yandex.ru

Шмелева А.В.

Московский государственный областной педагогический университет (ФГБОУ ВО МГОПУ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6105-9407>, e-mail: lug-anna@yandex.ru

В.И. Немирович-Данченко считается одним из первых профессиональных военных корреспондентов в России. Его называли «русским Дюма» и «королем военных корреспондентов». Он принимал участие в качестве военного корреспондента в военных действиях в Русско-турецкой войне 1877-1878 годов, Русско-японской войне 1904-1905 годов и Первой Балканской войне 1912-1913 годов. Его перу принадлежат многочисленные произведения художественной литературы, очерковая проза, воспоминания, военные корреспонденции. В центре внимания авторов — журналистская деятельность В.И. Немировича-Данченко в период ведения Россией войны против Турции, итогом которой становится освобождение Болгарии от османского ига, отражение драматических, а подчас трагических реалий боевых действий. В статье раскрывается то, как В.И. Немирович-Данченко своим примером создавал образ объективного и верного идеалам Отечества писателя и закладывал основы и методологию военной журналистики.

Ключевые слова: военная проза, война, мир, публицистика, военный корреспондент, В.И. Немирович-Данченко, Русско-турецкая война.

Для цитаты: *Вититнев С.Ф., Шмелева А.В.* Военная проза Василия Ивановича Немировича-Данченко [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2022. Том 9. № 4. С. 37–43. DOI:10.17759/langt.2022090404

Military Prose by Vasily Ivanovich Nemirovich-Danchenko

Sergey F. Vititnev

Moscow State Regional Pedagogical University, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6462-8775>, e-mail: svititnev@yandex.ru

Anna V. Shmeleva

Moscow State Regional Pedagogical University, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6105-9407>, e-mail: lug-anna@yandex.ru

V.I. Nemirovich-Danchenko is considered to be one of the first professional military correspondents in Russia. He was called «the Russian Dumas» and «the king of war correspondents». He took part as a war correspondent in the military operations in the Russo-Turkish War of 1877-1878, the Russo-Japanese War of 1904-1905, and the First Balkan War of 1912-1913. Numerous works of fiction, essay prose, memoirs and war correspondence belong to his pen. The authors focus on the journalistic activity of V.I. Nemirovich-Danchenko during Russia's war against Turkey, the result of which is the liberation of Bulgaria from the Ottoman yoke, a reflection of the dramatic and sometimes tragic realities of the fighting. The article reveals how V.I. Nemirovich-Danchenko, by his example, created the image of an objective and faithful writer to the ideals of the Fatherland and laid the foundations and methodology of military journalism.

Keywords: military prose, war, peace, journalism, war correspondent, V.I. Nemirovich-Danchenko, the Russo-Turkish War.

For citation: Vititnev S.F., Shmeleva A.V. Military Prose by Vasily Ivanovich Nemirovich-Danchenko. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2022. Vol. 9, no. 4, pp. 37–43. DOI:10.17759/langt.2022090404 (In Russ.).

Фамилия Немирович-Данченко приобрела в России широкую известность благодаря выдающемуся театральному деятелю Владимиру Ивановичу Немировичу-Данченко, который в 1898 году вместе с Константином Сергеевичем Станиславским основал Художественно-общедоступный театр, в 1901 году получивший название Московский Художественный театр. Однако его старший брат Василий Иванович Немирович-Данченко был также известен как талантливый писатель и журналист, произведения которого издавались на протяжении последней четверти XIX столетия и первой четверти нового, XX-го, века. Современники зачитывались его очерками и путевыми заметками. Немалый интерес у российского читателя вызывали романы «На разных дорогах», «По закону!», «Великий старик», «На пути к счастью», «Иду на вас!», «Под звон колоколов», «Береговые пираты», «Городской голова» и многие другие. Сегодня творчество В.И. Немировича-Данченко по-прежнему привлекает к себе внимание многих читателей, высоко оценивающих его очерковую, военную прозу и публицистику [2].

В.И. Немирович-Данченко родился в военной семье. Его отец — командир Кавказского батальона — служил под началом таких известных генералов, как А.П. Ермолов и М.Ф. Воронцов. Это не могло не способствовать тому, что образование В.И. Немирович-Данченко получил в учебном заведении, которое готовило своих воспитанников к военной службе, — московском Александровском кадетском корпусе [14]. А за плечами — первые серьезные впечатления о походной жизни в Грузии, Дагестане, Азербайджане, легшие в основу его произведений о кавказской войне «Забывтая крепость» [9] и «Гаврюшкин плен» [7]. Тогда, в детстве, перед глазами В.И. Немировича-Данченко проносились картины военных сражений в Большой Чечне, Северном Дагестане и Нагорном Карабахе. Походный быт, жизнь и смерть, война и мир станут темой военной исторической прозы В.И. Немировича-Данченко. Тема войны и поведения человека на войне — центральная в его военной прозе.

В.И. Немировича-Данченко считают одним из первых профессиональных военных

корреспондентов в России. Его деятельность пришлась на «золотой век» (1860-1914) развития военной журналистики. Определение «золотого века» военной журналистики ввел в обиход австралийский журналист Ф.Д. Найтли. В.И. Немировича-Данченко называли «русским Дюма» и «королем военных корреспондентов» [3].

К 1877 году в России был уже накоплен определенный опыт военной журналистики, в первую очередь связанный с Крымской войной. В ту пору историк и переводчик целого ряда произведений зарубежных авторов на русский язык Н.В. Берг регулярно направлял для журнала «Москвитянин» свои материалы. В Севастополе Н.В. Берг служил в 4-м казначейском отделении, при штабе главнокомандующего состоял переводчиком, принимал участие в сражении на Черной речке [13]. Итогом его наблюдений стало издание военных записок [1]. По окончании войны Н.В. Берг находился на Кавказе и был свидетелем пленения Шамиля в августе 1859 года. На Сунезжской линии в Большой Чечне против Шамиля сражался отец В.И. Немировича-Данченко — майор Иван Васильевич Немирович-Данченко, командир Кавказского Линейного № 32 батальона (Черноморский Линейный №4 батальон) [6]. Эти события пришлись на детство будущего писателя и журналиста В.И. Немировича-Данченко. Образ кавказского предводителя найдет впоследствии отражение в рассказе В.И. Немировича-Данченко «Шамиль» [11]. К началу Русско-турецкой войны, в 1877 году, при русской армии находились уже более двух десятков русских и иностранных журналистов и военных корреспондентов.

Во время Русско-турецкой войны 1877-1878 годов В.И. Немирович-Данченко прибыл на поля сражений в качестве военного корреспондента и принимал участие непосредственно в боевых действиях на Шипке и Плевне [5], за что был представлен к награде — знаку отличия Военного Ордена Св. Георгия 4 и 3 степени. Военные события нашли свое отражение в публицистике В.И. Немировича-Данченко той поры. Свои заметки он направляет в газету «Новое время» А.С. Суворина. Позже военные корреспонденции В.И. Немировича-Данченко выйдут отдельным изданием под названием «Год войны 1877-1878 (дневник русского корреспондента)» [8]. Уже в этих материалах В.И. Немирович-Данченко ставит проблему исторической памяти. Его военную прозу отличает событийная информативность.

Так, в книге «Год войны (дневник русского корреспондента)», в томе первом В.И. Немирович-Данченко подчеркивает: *«Эта книга — не история войны»*. В книге много размышлений от увиденного и пережитого на войне. В главе «Сестры милосердия»: *«Страшно отрезвляет война, когда ее видишь лицом к лицу. Ни блеск побед, ни опьяняющие восторги успеха не сотрут с вашей памяти поразительных картин смерти и истребления. В первое время, пока сам здесь — чувство грубеет, нервы притупляются, равнодушно проходишь мимо человеческих гекатомб, но потом, оглядываясь на недавнее прошлое, с трепетом и отвращением вспоминаешь об этой пролитой крови...»* [8, с. 316]. Картины военного лихолетья надолго врезались в память писателя. По прошествии времени В.И. Немирович-Данченко продолжал осмысливать увиденное на войне на страницах своих работ. Так, события освободительного похода русской армии за национальную свободу болгарского народа нашли воплощение в романах «Гроза» (1880), «Плевна и Шипка» (1881), «Вперед» (1883).

В своих воспоминаниях писатель Б.К. Зайцев, лично знавший В.И. Немировича-Данченко, отразил его личность: *«патриарх наш, русский барин и писатель, русский джентльмен»*. Встреча в Югославии. В.И. Немировичу-Данченко «перевалило за восемьдесят»:

«Но когда председательствовал он на писательском съезде, нельзя было не любоваться на его статную фигуру, седые бакены, живые глаза, речь, полную и сдержанно-страстную... — если доживать до глубокой старости, то уж именно так. На русских и сербов произвел он огромное впечатление. Может быть, даже больше на сербов. Ведь сопровождал русские войска в той, первой освободительной войне — полвека назад! Белград помнит маленьким городком. И, глядя на него, когда в тысячной аудитории произносил он речь, можно было почувствовать в нем фигуру еще того времени, александровского — богатырскую фигуру! Представитель великой державы. Именно Великодержавное было в нем, склад и дух Российской Империи.

Мы, остальные русские писатели, более или менее артистическая богема, интеллигенты. Он посол российский, высокопревосходительство» [4].

Писательский талант В.И. Немировича-Данченко высоко оценивали и другие современники. Как участник военных событий 1877-1878 годов, В.И. Немирович-Данченко был знаком со многими военачальниками. Он лично знал доблестного полководца М.Д. Скобелева, прозванного «белым генералом». В своих воспоминаниях В.И. Немирович-Данченко напишет: *«И почему-то с удивительной ясностью вспомнилось мне в эти минуты все его прошлое... Целая эпопея, пережитая им... Картина за картиной, то под дождем болгарской осени, то в снеговых буранах балканской зимы, то в золотых сожженных солнцем хивинских степях, то в волшебной рамке Босфора и Византии... Теперь пора рассказать о нем... Я был около него в тяжелые и радостные дни, я с ним встречался и после, со мной он был откровеннее, чем с другими... Обо многом мы мыслили далеко не одинаково... Я не разделял его взглядов на войну, не понимал его боевого энтузиазма; мы подолгу спорили по разным вопросам народной жизни, но я его любил, я видел в нем гения, тогда, когда вражда и зависть шипели кругом... Мне выпала честь в прошлую кампанию первому рассказать о нем, о его подвигах и доблестях...» [12].*

В.И. Немирович-Данченко не боится признаться: *«Может быть, я и не прав, говорят, войне мы будем обязаны великими благами, война раскрыла наши недуги, двинула общественное самосознание... Все это так, но не слишком ли дорогая цена — сотни тысяч трупов, слезы, страдания и нищета, с которой нам скоро придется считаться... Для великих благ нужна и великая воля, а мы — мы умели и умеем только молчать, когда грудь рвется от тоски и боли, молчать, когда слезы жгут глаза, когда рыдания подступают к горлу...» [8, с. 316].* Честность и неподкупность отличают военную прозу В.И. Немировича-Данченко. Несмотря на неприятие войны как таковой, видя недостатки в подготовке к военным действиям, В.И. Немирович-Данченко продолжает служить Родине словом и делом. После он примет участие в Русско-японской войне в качестве военного корреспондента газеты «Русское слово», а также будет участвовать в сражениях при обороне Порт-Артура, что найдет свое отражение в его произведениях «На войну. От Петербурга до Порт-Артура», «Из писем с дороги», «Слепая война», «Мировая война», «За огненными завесами» и др.

По воспоминаниям его правнучки Е. Данченко, *«Немирович-Данченко предвидел нападение Германии на славян и жалел, что его возраст не позволит ему пойти на фронт», «Он не сделал больших открытий в области слова, но в русской литературе остался патриотом в самом высоком смысле и гуманистом» [3].*

В 1880 году В.И. Немирович-Данченко напишет послание «Поэту»:

О нет, не думай, что напрасно

*Ты жил, работал и страдал...
Твой голос пламенно и властно
Недаром родине звучал.*

*Железный стих, как плуг, глубоко
Взрывал народные поля.
Еще ростков не видит око,
Пока черна еще земля.*

*Но крепнут озими упорно,
Настанет поздняя весна,
И в этой почве благотворно
Твои воскреснут семена.*

*Родимый край молчит, чуть дышит.
Но пусть твой стих ему звучит:
Придет пора — народ услышит
И скорбь твою благословит! [10]*

В.И. Немирович-Данченко запечатлел в своей военной прозе — военных корреспонденциях, публицистике, художественной литературе — реалии войны и портреты героев, создал образ беспристрастного и верного идеалам Отечества писателя.

Литература

1. *Берг Н.В.* Записки об осаде Севастополя. 2016. М.: Кучково поле. 478 с.
2. *Гусев Н.С.* Патриарх отечественной военной журналистики Вас. И. Немирович-Данченко и его корреспонденция с Первой балканской войны // *Studia historiae Bulgariae et Europae Orientalis*. Сборник статей. К юбилею Т.В. Волокитиной. 2017. М.: Изд-во Института славяноведения. 440 с. С. 31-44.
3. *Данченко Е.* Мой прадед Василий Иванович Немирович-Данченко // *Зарубежные записки*. № 36. 2017. URL: <http://z-zapiski.ru/publication.php?id=20086> (дата обращения: 28.11.2022).
4. *Зайцев Б.К.* Странники / Зайцев Б.К. Собр. соч.: В 5 т. Т. 6 (доп.): Мои современники. Мои воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. 1999. М.: Русская книга. 331 с.
5. *Кулагина А.А.* Публицистика В.И. Немировича-Данченко в Русско-турецкую войну 1877-1878 годов // *Век информации*. № 2. Тема выпуска: Журналистика и войны. К 100-летию Первой мировой войны. 2015. С. 125-137.
6. *Линейное кавказское казачье войско / Военная энциклопедия: В 18 т. / Под ред. В.Ф. Новицкого, А.В. фон Шварца. 1911-1915. СПб.: Тип. т-ва И.Д. Сытина.*
7. *Немирович-Данченко В.И.* Гаврюшкин плен. Повесть // *Библиотека для семьи и школы*. 1914. СПб.: Изд. 11-е. 207 с.
8. *Немирович-Данченко В.И.* Год войны (дневник русского корреспондента), 1877-1878: в 3 т.

- Т. 1. 1878. СПб.: Тип. В.И. Лихачева и А.С. Суворина.
9. *Немирович-Данченко В.И.* Забытая крепость. Исторический роман из времен Кавказской войны: в 2 ч. 1895. СПб.: Тип. Е. Евдокимова.
10. *Немирович-Данченко В.И.* Избранные стихотворения. 1893. М.: Московский комитет грамотности при Императорском обществе сельского хозяйства.
11. *Немирович-Данченко В.И.* Кавказские богатыри (Очерки жизни и войны в Дагестане): в 3 ч. Т. 3 // Библиотека для семьи и школы. 1910. М.: Ред. журнала «Юная Россия».
12. *Немирович-Данченко В.И.* Скобелев: личные воспоминания и впечатления. 1882. СПб.: А.Ф. Девриен. 358 с.
13. *Трубачев С.С.* Берг Николай Васильевич / Русский биографический словарь: в 25 т. Под наблюдением А.А. Половцева. Т. 2. 1900. С. 722-724.
14. *Шмелева А.В.* Кадетское образование в России: история и современность / Особенности гендерного образования (Проблемы, поиски, решения) / Отв. ред. Л.Ю. Максимова, И.В. Рябова. 2013. М.: ООО «Буки Веди». 428 с. С. 38-55.

References

1. Berg N.V. Zapiski ob osade Sevastopolya. 2016. Moscow: Kuchkovo pole. 478 s. (In Russ.).
2. Gusev N.S. Patriarkh otechestvennoi voennoi zhurnalistiki Vas. I. Nemirovich-Danchenko i ego korrespondentsiya s Pervoi balkanskoj voiny // Studia historiae Bulgariae et Europae Orientalis. Sbornik statei. K yubileyu T.V. Volokitinoi. 2017. Moscow: Izd-vo Instituta slavyanovedeniya. 440 s. S. 31-44. (In Russ.).
3. Danchenko E. Moi praded Vasilii Ivanovich Nemirovich-Danchenko // Zarubezhnye zapiski. № 36. 2017. Available at: <http://z-zapiski.ru/publication.php?id=20086> (Accessed: 28.11.2022). (In Russ.).
4. Zaitsev B.K. Stranniki / Zaitsev B.K. Sobr. soch.: V 5 t. Т. 6 (dop.): Moi sovremenniki. Moi vospominaniya. Portrety. Memuarnye povesti. 1999. Moscow: Russkaya kniga. 331 s. (In Russ.).
5. Kulagina A.A. Publitsistika V.I. Nemirovicha-Danchenko v Russko-turetskuyu voynu 1877-1878 godov // Vek informatsii. № 2. Tema vypuska: Zhurnalistika i voiny. K 100-letiyu Pervoi mirovoi voiny. 2015. S. 125-137. (In Russ.).
6. Lineinoe kavkazskoe kazach'e voisko / Voennaya entsiklopediya: V 18 t. / Pod red. V.F. Novitskogo, A.V. fon Shvartsa. 1911-1915. Saint Petersburg: Tip. t-va I.D. Sytina. (In Russ.).
7. Nemirovich-Danchenko V.I. Gavryushkin plen. Povest' // Biblioteka dlya sem'i i shkoly. 1914. Saint Petersburg: Izd. 11-e. 207 s. (In Russ.).
8. Nemirovich-Danchenko V.I. God voiny (dnevnik russkogo korrespondenta), 1877-1878: v 3 t. Т. 1. 1878. Saint Petersburg: Tip. V.I. Likhacheva i A.S. Suvorina. (In Russ.).
9. Nemirovich-Danchenko V.I. Zabytaya krepost'. Istoricheskii roman iz vremen Kavkazskoi voiny: v 2 ch. 1895. Saint Petersburg: Tip. E. Evdokimova. (In Russ.).
10. Nemirovich-Danchenko V.I. Izbrannye stikhotvoreniya. 1893. Moscow: Moskovskii komitet gramotnosti pri Imperatorskom obshchestve sel'skogo khozyaistva. (In Russ.).
11. Nemirovich-Danchenko V.I. Kavkazskie bogatyri (Oчерки zhizni i voiny v Dagestane): v 3 ch. Т. 3 // Biblioteka dlya sem'i i shkoly. 1910. Moscow: Red. zhurnala «Yunaya Rossiya». (In Russ.).
12. Nemirovich-Danchenko V.I. Skobelev: lichnye vospominaniya i vpechatleniya. 1882. Saint Petersburg: A.F. Devrien. 358 s. (In Russ.).
13. Trubachev S.S. Berg Nikolai Vasil'evich / Russkii biograficheskii slovar': v 25 t. Pod nablyudeniem A.A. Polovtseva. Т. 2. 1900. S. 722-724. (In Russ.).

Вититнев С.Ф., Шмелева А.В.
Военная проза Василия Ивановича Немировича-
Данченко
Язык и текст. 2022. Том 9. № 4. С. 37–43.

Vititnev S.F., Shmeleva A.V.
Military Prose by Vasily Ivanovich Nemirovich-
Danchenko
Language and Text. 2022. Vol. 9, no. 4, pp. 37–43.

14. Shmeleva A.V. Kadetskoe obrazovanie v Rossii: istoriya i sovremennost' / Osobennosti gendernogo obrazovaniya (Problemy, poiski, resheniya) / Otv. red. L.Yu. Maksimova, I.V. Ryabova. 2013. M.: ООО «Buki Vedi». 428 s. S. 38-55. (In Russ.).

Информация об авторах

Вититнев Сергей Федорович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, археологии и методологии исторической науки, Московский государственный областной педагогический университет (ФГБОУ ВО МГОПУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6462-8775>, e-mail: svititnev@yandex.ru

Шмелева Анна Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой инновационных технологий филологического образования, Московский государственный областной педагогический университет (ФГБОУ ВО МГОПУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6105-9407>, e-mail: lug-anna@yandex.ru

Information about the authors

Sergey F. Vititnev, Doctor in History, Professor, Department of General History, Archaeology and Methodology of Historical Science, Moscow State Regional Pedagogical University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6462-8775>, e-mail: svititnev@yandex.ru

Anna V. Shmeleva, PhD in Philology, Associate Professor, Head of the Department of Innovative Technologies of Philological Education, Moscow State Regional Pedagogical University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6105-9407>, e-mail: lug-anna@yandex.ru

Получена 01.12.2022
Принята в печать 15.12.2022

Received 01.12.2022
Accepted 15.12.2022

Данте Алигьери и эпоха Рисорджименто: религиозный аспект исторической связи

Канель И.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1851-3045>, e-mail: qwarran@gmail.com

Религиозные воззрения занимали особое место в революционно-демократической теории известного политического и общественного деятеля Джузеппе Мадзини — одного из главных идеологов Рисорджименто. La Giovine Italia («Молодая Италия»), организация, созданная Мадзини, имела в качестве лозунга слова «Dio e Libertà!» — «Господь и Свобода!». С целью доказать важность изучения в настоящей статье именно религиозного аспекта концепции единства Италии автором был совершен краткий экскурс в историю и этимологию слова, послужившего названием описываемой эпохи, что позволило сделать следующий вывод: *Risorgimento* есть синоним *Rinascimento*, некая аллюзия на Воскресение Иисуса Христа. Кроме того, сильное влияние на формирование национальной мысли о свободном и едином государстве оказала историческая личность знаменитого итальянского поэта XIII века, Данте Алигьери: сложился так называемый культ Данте. На материалах его философских трактатов — «Пир» и «О монархии» — анализируются дантовские взгляды на идею объединения Италии. Сделан вывод о том, что подобные концепции — как Мадзини, так и Алигьери — должны рассматриваться в утопическом контексте.

Ключевые слова: Рисорджименто, объединение, Джузеппе Мадзини, религия, La Giovine Italia, Данте Алигьери, «Пир», «О монархии», утопия, Римская империя.

Для цитаты: Канель И.В. Данте Алигьери и эпоха Рисорджименто: религиозный аспект исторической связи [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2022. Том 9. № 4. С. 44–51. DOI:10.17759/langt.2022090405

Dante Alighieri and Risorgimento: Religious Aspect of Historical Connection

Irina V. Kanel

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1851-3045>, e-mail: qwarran@gmail.com

Religious viewpoints occupied a special place in the revolutionary-democratic theory

of Giuseppe Mazzini, a well-known political and social activist considered to be among the chief ideologues of Risorgimento. *La Giovine Italia* («*Young Italy*»), the organization established by Mazzini, had as its slogan «Dio e Libertà!» — «*God and Liberty!*». To demonstrate how important it is to study the religious aspect of the Italian unification concept in this article, the author made a brief excursion into the history and etymology of the word that named the era in question, with the following corollary: *Risorgimento* is synonymous with *Rinascimento*, it is a vague allusion to Jesus Christ's Resurrection. Additionally, the historical personage of 13th-century Italian poet Dante Alighieri had a profound influence on the formation of national thought about a free and unified state: Dante's so-called cult has been evolved. His philosophical treatises «The Convivio» and «De Monarchia» are used when analyzing Dante's views on the idea of Italy's unification. Such concepts — both Mazzini's and Alighieri's — are concluded to be seen in a utopian context.

Keywords: Risorgimento, unification, Giuseppe Mazzini, religion, La Giovine Italia, Dante Alighieri, «The Convivio», «De Monarchia», utopia, Roman Empire.

For citation: Kanel I.V. Dante Alighieri and Risorgimento: Religious Aspect of Historical Connection. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2022. Vol. 9, no. 4, pp. 44–51. DOI:10.17759/langt.2022090405 (In Russ.).

«Dio e Libertà!» («*God and Liberty!*») — was the slogan of *La Giovine Italia* (*Young Italy*), a revolutionary organisation established by the prominent Risorgimento activist Giuseppe Mazzini in 1831, and which sought to make Italy an independent republic [12]. There is an overlay of mysticism in these words.

«*God has given you life; thus, God has given you the law. God is the only Lawgiver of mankind. His law is the only one you have to keep*»¹ [15, p. 19] — indicates Mazzini. Not a devout Catholic — as he was fiercely critical of the Pope's authority institute, and even in 1849 he wrote a scathing article titled «Sull'Enciclica di Papa Pio IX» («*On Pope Pius IX's Encyclical*»)² — he nevertheless considered himself a good Christian, condemning atheistic and rationalist viewpoints.

Now let's try to decipher the term *Risorgimento*.

Risorgimento is almost synonymous with *Rinascimento*. «Rebirth». «Resurrection». A kind of allusion to Jesus Christ's Resurrection.

Again a religious etymology. However, this word's first mention as a historical period appears in the Jesuit scholar Saverio Bettinelli's «Risorgimento d'Italia» («*Resurrection of Italy*») [14], published in 1775. «How can one speak about the existence of Italian literature when Italy itself does not really exist?» — Bettinelli wondered, and in a way he was right. What was this country on the European map until the latter half of XIX century? A dozen of independent states.

Risorgimento began to acquire its familiar meaning — «unification» — firstly, thanks to the poet and playwright Vittorio Alfieri, for whom it was essentially an ethico-political and national

¹ In the original: «Dio v'ha dato la vita; Dio v'ha dunque data la legge; Dio è l'unico Legislatore della razza umana. La sua legge è l'unica alla quale voi dobbiate ubbidire».

² An encyclical is the main papal document on certain major socio-political, religious and moral issues, addressed to the faithful, bishops or archbishops of a particular country, and second in importance after the apostolic Constitution.

prophecy. Italy, «*defenceless, separated, oppressed, unfree, powerless*», would rebel and become «*virtuous, majestic, free and united*»³, he asserted in his satirical pamphlets, «*Il Misogallo*» («*The French Hater*») [13].

Similarly, the Catholic philosopher and theologian, social and ecclesiastical activist Antonio Rosmini-Serbati, who wrote that Italy should be «*united in weapon, in language, in sanctuary, in memory, in blood and in heart*» [Cited from: 16], followed Alfieri in giving new socio-cultural meaning to the word Risorgimento.

Five hundred years ago, Dante Alighieri — who became an important historical figure, strongly influencing the national conception of the country's unification — was also thinking about the unity of Italy.

By looking at the political maps below, we can trace how Italy's territorial organization changed from Dante's time to the Risorgimento period. What is important is the fact that — once again! — that both in the 13th and 19th centuries there was not a single State, but several kingdoms, duchies and republics (in the Middle Ages). Hence, the thoughts engrossing the scholars do not differ from each other.

Fig. 1. The political map of Italy in the 13th to 14th centuries: the transition from the Middle Ages to the Renaissance

³ In the original: «*...inerme, divisa, avvilita, non libera, impotente... <...> virtuosa, magnanima, libera e una*».

Fig. 2. The political map of Italy before the Risorgimento

Alighieri, in his treatise «The Convivio», a discourse on philosophy, aesthetics and literature, notes: «...strife and wars arise between states... to eliminate these wars and their causes it is necessary that the whole earth and all that is given to the mankind should be a Monarchy, in other words a single state, and have one sovereign who, possessing everything and not being able to desire more, would keep the individual states within their dominions, so that peace would reign among them...» [2].

Dante’s idea of Italian unification was shared by Giuseppe Mazzini, mentioned at the outset of this article. It is also significant that Mazzini dedicated his first literary essay to the latter, titled «Dell’amor patrio di Dante» — «On Dante’s love of the Fatherland». But the thoughts of Alighieri — albeit a fervent patriot — are nevertheless utopian: the country’s unification he observed in all mankind’s unity, as he wrote about in the same «The Convivio» (Treatise IV, Chapter III): «For perfecting the human race’s universal union there must be, as it were, a single helmsman, who,

taking into account the different conditions in the world, would possess a universal and indisputable right to command that union's members in order to distribute the various and necessary burdens» [2]; the «helmsman» is certainly the emperor, the ancient Caesars' successor, a young man, but the most knowledgeable and wise one — such an attitude was formed in the Roman Empire under the influence of Socrates' and Plato's meritocratic ideas [5]. So we see that not the materialistic aspect of unification is important for Dante, but, as we would say, «philosophical» one. He does not think about social and economic problems of the Italian state which could be solved by uniting, instead he outlines in his treatises the following thought: for all mankind's welfare (understood by him again from *philosophical* positions) there should exist monarchy. Yet this was considered archaic even in the Middle Ages — it is logical that due to unification, the gap between poor parts of Italy and rich trading city-states like the Genoese and Venetian republics could easily be narrowed. The utopian nature of Dante (13th century representative)'s ideas was stressed by A.L. Dobrohotov in his introductory article to the treatise «De Monarchia» [1, p. 17].

However, V.V. Belyaev has a completely opposite viewpoint [3]: he interprets the Dantean concept of the country's unity as the idea of Roman people's (because at that time there was no such term as «Italian people») supremacy over the others, quoting Russian-Bulgarian historian P.M. Bitsilli: «*Dante's monarchy is an ancient empire, its essence consists in the domination of one nationality and one culture over all the rest»* [4, p. 365]. This statement, as formulated by the scholar, may be considered slightly nationalistic; A.V. Sopov has defined «Dante's monarchy» clearly as «*world in form only, but national, Italian, in essence»* [11].

Both Dante's and Mazzini's discourses are centered on the religious aspect; what they have in common is their rejection of papal authority. For Alighieri, the Roman Empire — since its foundation (when it was polytheistic) — was supposed to be heading the world, whilst «*God always wants the best»* [1, p. 49]. This is why he unleashes his wrath on the Catholic priests [7]. The prelates, «zealots of the Christian faith», owe untold riches, but have forgotten that this wealth is used not to meet their personal needs, but to help the lower social strata. The church, then, is plunged into the abyss of sin and crime. In addition, Dante proves the imperial authority's independence from the church this way: the Roman Empire, and with it the imperial power, existed before the Christian Church was established, so the emperor power is from God, not from the Pope. No wonder that the treatise «De Monarchia» was condemned by the papal curia at an autodafest, and banned in the 16th century by entering it in the «index». It was not until the 19th century that the ban was lifted.

As for Mazzini, we have previously stated that he did not favour papal authority. While initially supporting Pius IX and even calling on him in an open letter to lead the movement for Italy's unification, in the end the former Carbonari⁴ published «Sull'Enciclica di Papa Pio IX».

Mazzini did not regard Italian society as particularly God-fearing, arguing: an ideal republic could be built on a «*religious idea»* rather than on the «*adoration of material interests»* on which the government of then Italy was based, in his view [Cited from: 6]. «*And religious thought sleeps, waiting to be developed, in our people: whoever manages to awaken it will do more for the nation*

⁴ The Carbonari were a secret society in Italy which aimed to fight absolutism, unify the country and introduce the Constitution. The name is related to the fact that the society had a ritual of burning charcoal, among other rites, to symbolize the members' spiritual purification.

*than the twenty political sects»*⁵ [15]. As the former Carbonari thought, two main branches of Christianity in European countries — Catholicism and Protestantism — as they existed at that time, would only destine the people to misery and further enslavement. It is only a kind of religion, leading to prevalence of individualism [9].

Dreaming of an ideal world, an ideal Italian republic where no one would want for anything and everyone would be equal — i.e. a socialist republic (understood, however, by some as a «the people’s violent union» [8]), Mazzini created a revolutionary-democratic conception in which the majority of the motives are mystical and religious, thus revealing its disconnection from reality [10]. We shall give just one example: betting on the grassroots, — the main force in the struggle for Italy’s unification — Mazzini at the same time ignored the peasantry’s (the bulk of the population) interests, not willing to lose supporters among the liberal nobility and the bourgeoisie. It is therefore also worth noting that this theory is utopian in nature.

Литература

1. Алигьери Д. Монархия // Серия «Публикации ЦФС» / Пер. с итал. В.П. Зубова; Комментарии И.Н. Голенищева-Кутузова. 1999. М.: «КАНОН-пресс-Ц» — «Кучково поле». 192 с.
2. Алигьери Д. Пир / Пер. с итал. И.Н. Голенищева-Кутузова, В.Г. Маранцмана, Ф.А. Петровского. 2011. СПб.: Амфора. 240 с.
3. Беляев В.В. Античные традиции в политической теории Данте // Античный мир и археология. 1983. № 5. С. 3-15.
4. Бицилли П.М. Салимбене. Очерки итальянской жизни XIII века. 1916. Одесса: Тип. Новороссийского ун-та. 389 с.
5. Вититнев С.Ф., Шмелева А.В. Язык и проблематика политической науки Древнего Рима [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2022. Том 9. № 1. С. 35-48. DOI:10.17759/langt.2022090103
6. Володин А.И., Шахматов Б.М. Встань, человек! 1986. М.: Советская Россия. 530 с.
7. Голенищев-Кутузов И.Н. Данте // Жизнь замечательных людей. Серия биографий. Вып. 19. 1967. М.: Молодая гвардия. 288 с.
8. Дергачева И.В. Историко-культурный концепт «Италия» в произведениях Ф.М. Достоевского // Новый исторический вестник. № 2 (68). 2021. С. 174-183.
9. Князева С.Е., Язькова В.Е. Итальянский либерализм в эпоху Рисорджименто [Электронный ресурс] // Новый исторический вестник. 2001. № 2 (4). С. 99-108. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/italyanskiy-liberalizm-v-epohu-risordzhimento> (дата обращения: 11.12.2022)
10. Михалкин Н.В., Аверюшкин А.Н. Содержание и виды безопасности образовательной среды [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2021. Том 8. № 1. С. 82-96. DOI:10.17759/langt.2021080110
11. Сонов А.В. Данте и его «Утопия всемирной монархии» // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. № 11-2. С. 273-275.
12. Шевлякова Д.А. Джузеппе Мадзини о Данте (К вопросу о национально-прецедентных именах) // Филологические науки. 2010. № 4. С. 27-36.

⁵ In the original: «*È il pensiero religioso dorme, aspettando sviluppo, nel nostro popolo: chi saprà suscitarlo, avrà fatto più per la Nazione che non con venti sette politiche*».

13. Alfieri V. *Il Misogallo*. 2009. Brindisi: Edizioni Trabant. 154 p.
14. Bettinelli S. *Risorgimento d'Italia negli studi, nelle arti e ne' costumi dopo il Mille*. 1786. Venezia: Remondini. 826 p.
15. Mazzini G. *Doveri dell'uomo*. 2005. Roma: Editori Riuniti. 188 p.
16. Veneziani M. *L'Italia nazione culturale // Alle radici dell'identità nazionale*. 2011. Roma: Gangemi Editore s.p.a. 288 p.

References

1. Alig'eri D. *Monarkhiya // Seriya «Publikatsii TsFS» / Per. s ital. V.P. Zubova; Kommentarii I.N. Golenishcheva-Kutuzova*. 1999. Moscow: «KANON-press-Ts» — «Kuchkovo pole». 192 s. (In Russ.).
2. Belyaev V.V. *Antichnye traditsii v politicheskoi teorii Dante // Antichnyi mir i arkhologiiya*. 1983. № 5. S. 3-15. (In Russ.).
3. Alig'eri D. *Pir / Per. s ital. I.N. Golenishcheva-Kutuzova, V.G. Marantsmana, F.A. Petrovskogo*. 2011. Saint Petersburg: Amfora. 240 s. (In Russ.).
4. Bitsilli P.M. *Salimbene. Ocherki ital'yanskoi zhizni XIII veka*. 1916. Odessa: Tip. Novorossiiskogo un-ta. 389 s. (In Russ.).
5. Vititnev S.F., Shmeleva A.V. *The Language and Problems of the Political Science of Ancient Rome. Yazyk i tekst = Language and Text, 2022. Vol. 9, no. 1, pp. 35-48. DOI:10.17759/langt.2022090103* (In Russ.).
6. Volodin A.I., Shakhmatov B.M. *Vstan', chelovek!* 1986. Moscow: Sovetskaya Rossiya. 530 s. (In Russ.).
7. Golenishchev-Kutuzov I.N. *Dante // Zhizn' zamechatel'nykh lyudei. Seriya biografii. Vyp. 19*. 1967. Moscow: Molodaya gvardiya. 288 s. (In Russ.).
8. Dergacheva I.V. *Istoriko-kul'turnyi kontsept «Italiya» v proizvedeniyakh F.M. Dostoevskogo // Novyi istoricheskii vestnik. № 2 (68). 2021. S. 174-183*. (In Russ.).
9. Knyazeva S.E., Yaz'kova V.E. *Ital'yanskii liberalizm v epokhu Risordzhimento [Elektronnyi resurs] // Novyi istoricheskii vestnik. 2001. № 2 (4). S. 99-108. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/italyanskiy-liberalizm-v-epohu-risordzhimento> (Accessed: 11.12.2022)* (In Russ.).
10. Mikhalkin N.V., Averyushkin A.N. *Content and Types of Safety of the Educational Environment. Yazyk i tekst = Language and Text, 2021. Vol. 8, no. 1, pp. 82-96. DOI:10.17759/langt.2021080110* (In Russ.).
11. Sopov A.V. *Dante i ego «Utopiya vseмирnoi monarkhii» // Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy. 2014. № 11-2. S. 273-275*. (In Russ.).
12. Shevlyakova D.A. *Dzhuzeppe Madzini o Dante (K voprosu o natsional'no-pretседentnykh imenakh) // Filologicheskie nauki. 2010. № 4. S. 27-36*. (In Russ.).
13. Alfieri V. *Il Misogallo*. 2009. Brindisi: Edizioni Trabant. 154 p.
14. Bettinelli S. *Risorgimento d'Italia negli studi, nelle arti e ne' costumi dopo il Mille*. 1786. Venezia: Remondini. 826 p.
15. Mazzini G. *Doveri dell'uomo*. 2005. Roma: Editori Riuniti. 188 p.
16. Veneziani M. *L'Italia nazione culturale // Alle radici dell'identità nazionale*. 2011. Roma: Gangemi Editore s.p.a. 288 p.

Канель И.В.
Данте Алигьери и эпоха Рисорджименто: религиозный
аспект исторической связи
Язык и текст. 2022. Том 9. № 4. С. 44–51.

Kanel I.V.
Dante Alighieri and Risorgimento: Religious Aspect of
Historical Connection
Language and Text. 2022. Vol. 9, no. 4, pp. 44–51.

Информация об авторах

Канель Ирина Валерьевна, магистр лингвистики, кафедра «Лингводидактика и межкультурная коммуникация», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1851-3045>, e-mail: qwarran@gmail.com

Information about the authors

Irina V. Kanel, MA in Linguistics, Department of Linguodidactics and Intercultural Communication, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1851-3045>, e-mail: qwarran@gmail.com

Получена 01.12.2022

Received 01.12.2022

Принята в печать 15.12.2022

Accepted 15.12.2022

Можно ли воспитать общество? Большевики и культура в период становления советского государства

Аверюшкин А.Н.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3150-0385>, e-mail: peripatetics@yandex.ru

В статье рассматриваются вопросы проблемного поля и современной историографической ситуации изучения культурной политики советского государства в 20-х годах XX века. Работа выполнена на основании системного анализа с учетом междисциплинарной перспективы исследования. Результаты проведенного исследования дополняют палитру историко-культурологических исследований явления культурной революции в советской истории. Автор высказывает мысль о необходимости дальнейших исследований по теме вне идеологических клише и стереотипов, что возможно осуществить на теоретической и методологической основе обновленной версии унитарно-стадиального подхода к пониманию истории.

Ключевые слова: культурная история, культурная политика, культура, искусство, советское государство, культурная революция.

Для цитаты: *Аверюшкин А.Н.* Можно ли воспитать общество? Большевики и культура в период становления советского государства [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2022. Том 9. № 4. С. 52–59. DOI:10.17759/langt.2022090406

Can Society Be Educated? Bolsheviks and Culture during the Formation of the Soviet State

Aleksandr N. Averyushkin

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3150-0385>, e-mail: peripatetics@yandex.ru

The article deals with the issues of the problem field and the modern historiographical situation in the study of the cultural policy of the Soviet state in the 20s of the twentieth century. The work was carried out on the basis of a system analysis, taking into account the interdisciplinary perspective of the study. The results of the study complement the palette of historical and cultural studies of the phenomenon of the cultural revolution in Soviet history. The author expresses the idea of the need for further research on the topic outside of ideological clichés and stereotypes, which can be carried out on the theoretical and methodological basis of an updated version of the unitary-stage approach to history.

Keywords: cultural history, cultural policy, culture, art, Soviet state, cultural revolution.

For citation: Averyushkin A.N. Can Society Be Educated? Bolsheviks and Culture During the Formation of the Soviet State. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2022. Vol. 9, no. 4, pp. 52–59. DOI:10.17759/langt.2022090406 (In Russ.).

Глобальные социальные изменения и преобразования общества — это не только социально-философская или историческая тема, но и предмет для серьезного культурологического исследования. Тем более, если речь идет о таком сюжете, как политика, в области культуры в эпоху «Великой русской революции» (как нередко сейчас в учебной и академической литературе именуют события Февральской и Октябрьской Революции) и в первые годы существования советской власти. Серьезные изменения, очевидно, затронули тогда не только все общество, но и область культуры [4]. Явление в области культуры, о котором идет речь, носит название «культурной революции». Оно к настоящему моменту уже стало сюжетом многих научных монографий и статей, и, тем не менее, в рамках этой темы остаются вопросы и проблемы, не получившие еще должного раскрытия и решения. Одна из них — социальная педагогика большевиков.

Если отвлечься от околоисторических и попросту идеологических оценок эпохи 20-х годов XX века, то мы столкнемся с интереснейшим явлением — сознательной попыткой государства воспитать общество с тем, чтобы оно совершило рывок в своем культурном развитии. Высказывания на эту тему того же В.И. Ленина не были просто рассуждениями и красивой фразой. Это размышления о необходимости решения жизненно важной для построения нового государства и общества проблемы: преодоления культурной отсталости с целью сокращения экономического отставания от более развитых капиталистических стран. Кроме того, культурная отсталость была повод для критики советской власти ее политическими оппонентами, например, Николаем Сухановым, который в своих «Записках о революции» делал по этому поводу ряд едких комментариев. В своих выступлениях и текстах Ленин обращался к данному вопросу неоднократно, наиболее известны тексты, где рассматриваются проблемы культурной революции, объединенные под условным названием «последние статьи и письма» — работы, написанные в период с 23 декабря 1922 года по 23 марта 1923 года.

Так, в «Страничках из дневника» В.И. Ульянов (Ленин) пишет: *«В то время, как мы болтали о пролетарской культуре и о соотношении ее с буржуазной культурой, факты преподносят нам цифры, показывающие, что даже и с буржуазной культурой дела обстоят у нас очень слабо. Оказалось, что, как и следовало ожидать, от всеобщей грамотности мы отстали еще очень сильно, и даже прогресс наш по сравнению с царскими временами (1897 годом) оказался слишком медленным. Это служит грозным предостережением и упреком по адресу тех, кто витал и витает в эмпиреях «пролетарской культуры». Это показывает, сколько еще настоящей черновой работы предстоит нам сделать, чтобы достигнуть уровня обыкновенного цивилизованного государства Западной Европы. Это показывает далее, какая уйма работы предстоит нам теперь для того, чтобы на почве наших пролетарских завоеваний достигнуть действительно сколько-нибудь культурного уровня»* [10].

Эта работа осуществлялась. Именно применительно к 20-м годам XX века, конкретно до 1929 года, года «великого перелома на всех фронтах социалистического строительства» по выражению Иосифа Сталина, и можно говорить о практике культурной революции. Значительно позднее, в 50-х годах XX столетия советская власть специально озаботилась воспитанием «нового человека», но это будет уже совсем другая история. Уточню: сама терминология воспитания общества и человека не была, строго говоря, изобретением советской власти, да и вообще марксистской философии. Сам термин часто связывают с неокантианской философской традицией [13; 14], где эта теоретическая область, находящаяся на стыке педагогической науки и социальной философии, получила развитие в начале XX века. Но подобные идеи были, в действительности, неким общим местом в социальной теоретической мысли и практике конца XIX — первой трети XX века, имея своими корнями педагогические взгляды Ж.-Ж. Руссо и учение Иоганна Песталоцци. Советская власть так же озаботилась вопросом «воспитания масс», ставя, в том числе и перед интеллигенцией задачи «воспитания нового человека», однако говорить об этом можно лишь применительно к периоду 30-50-х годов.

Что касается 20-х годов, повторю еще раз, речь идет исключительно о практике культурной революции.

Что такое культурная революция? В контексте культуры термин «революция» будет иметь скорее метафорический характер, так как это понятие прямо относится к социальным преобразованиям структуры общества, начиная с экономического базиса, проходя через общественное сознание, общественные отношения и заканчивая общественными институтами, которые подвергаются коренным изменениям. Культура же — не общество и даже не какая-то его часть — это социально значимый опыт, передающийся из поколения в поколение средствами примера, показа и языка, и выраженный в разного рода знаниях, умениях, навыках, имеющих значение для социальной жизни индивида. Общество в новом государстве должно было приобрести новый опыт, сохранить полезный старый — те же самые знания. Притом осуществить все это было необходимо в максимально сжатые сроки.

Одной из черт, определявшей деятельность советского государства в данной области, как бы ни парадоксально это не прозвучало, было то, что в 20-е годы у советского государства не было единой культурной политики. После 1917 года культурная политика складывалась из разных тенденций, поскольку среди людей, определяющих ее, существовало несколько групп с разными взглядами. Достаточно назвать лишь несколько фамилий А.А. Богданова, Л.Д. Троцкого, А.В. Луначарского, Н.К. Крупской — политических деятелей того времени, оказывавших влияние на политику в области культуры, чтобы понять, что здесь все было далеко не однозначно, а пресловутая «генеральная линия партии» отсутствовала вовсе. В.И. Ленин, не считая себя специалистом в вопросах искусства и культуры, не стремился навязывать свою точку зрения всюду, где можно, хотя его положение, как председателя СНК, казалось бы, этому только способствовало.

Впрочем, Ленину, возможно, было и не до этого, особенно в период Гражданской войны, когда главной задачей, стоявшей перед большевиками, была задача удержания власти.

Однако уже в 1920 году, Ленин, бывший в глазах своих соратников человеком, который считает мораль буржуазным предрассудком, впервые публично заговорил о морали в речи на III съезде Комсомола, настаивая на необходимости «воспитания коммунистической морали»

и воспитания крестьянства на основе коммунистической морали, что является условием для построения нового общества: *«Все говорят о ликвидации безграмотности. Вы знаете, что в стране безграмотной построить коммунистическое общество нельзя. Недостаточно того, чтобы Советская власть приказала или чтобы партия дала определенный лозунг, или чтобы бросить известную часть лучших работников на это дело. Для этого нужно, чтобы само молодое поколение взялось за это дело. Коммунизм состоит в том, чтобы та молодежь, те юноши и девушки, которые состоят в Союзе молодежи, сказали бы: это наше дело, мы объединимся и пойдем в деревни, чтобы ликвидировать безграмотность, чтобы наше подрастающее поколение не имело безграмотных»* [9]. И, как это характерно для основателя советского государства, решение каждой проблемы не ограничивалось решением ее «в теории», решение каждой проблемы сразу переходило в практическое русло.

Как было сказано выше, культурной политикой в первые годы существования советской власти занимались не только большевики. Еще одной политической силой, партией, участвовавшей в культурной революции и определявшей ее пути, были левые эсеры.

Казалось бы, очевидный, никем не скрываемый факт — большевики, придя к власти, не стали единоличными правителями России. До момента заключения Брестского мира в состав СНК входили представители левых эсеров, так что первое советское правительство было двухпартийным. Однако далеко не всегда на этот факт принято обращать внимание.

Руководителем партии левых эсеров была революционерка Мария Спиридонова. Эсеры, ведущие свою политическую родословную от революционного народничества, унаследовали от своих политических предшественников интерес к проблеме отношения народа и интеллигенции. Здесь нет места для рассмотрения данной проблемы во всех подробностях. Скажу лишь, что эсеры выступали против подхода большевиков к интеллигенции (вспомним так называемые «философские пароходы») и пытались проводить свою народническую линию. Между прочим, это согласуется с фактами культурной жизни 20-х годов. Удивительным образом, несмотря на то, что на «философских пароходах» из страны был выслан, как принято считать, «весь цвет интеллигенции», культурная жизнь России того времени расцветала, и, в частности, 20-е годы стали временем расцвета книгоиздания, когда совершенно спокойно при большевиках издавались книги, в том числе их политических оппонентов, например, представителей религиозной философии и проч.

Еще одна сила, благодаря чьему влиянию стала возможна культурная революция — это левое искусство. Взлет искусства в 20-е годы (а сейчас некоторым надо доказывать, что это был взлет, а не «падение»), искусства «авангарда», как его еще называют, связан именно с поощрением его большевиками. Большевики привлекли к работе над культурной политикой всех левых, художников, поэтов, писателей, театральных деятелей.

Левое искусство 20-х годов само по себе ценно в исторической перспективе. Ведь оно стало своеобразным камертоном всего искусства XX и даже начала XXI века, впитав в себя мощное французское влияние, усвоило миропонимание французских художников и поэтов.

Можно предположить, хотя сослагательного наклонения история не любит: если бы советская власть смогла действительно ликвидировать неграмотность и поддержала бы левое искусство, результаты культурной революции стали бы иными.

Успех культурной революции был связан с решением двух главных задач, которые тогда стояли перед руководителями большевиков, и которые они все прекрасно осознавали. Во-первых, это проблема отношения к религии, которая была тесно связана с проблемой ликвидации неграмотности (главным звеном культурной революции). Во-вторых, проблема формирования новой науки и научных кадров с необходимыми для перехода общества и государства на новый уровень развития, что опять-таки было связано с проблемой ликвидации безграмотности.

Так можно ли воспитать общество, удалось ли это большевикам? В этом тексте я не ставлю целью дать ответ, цель статьи — определить направления исследований, на которых этот ответ может быть найден. Ответ на вопрос, вынесенный в заглавие данной статьи, может быть дан только в результате всестороннего междисциплинарного исследования, главная задача которого состоит в реконструировании исторической ситуации путей культурной революции и в осознании того, что происходило в культурной политике 20-х годов. И ответ на этот вопрос совершенно не очевиден.

Неопределенность здесь не случайна. До сих пор в оценках культурной революции превалирует исключительно черно-белая логика и сохраняется, как говорили в 30-е годы, «огульное охаивание» вместе с такими же «огульными» похвалами и восторгами по поводу политики большевиков. Почему так происходит? Почему мы в понимании этих процессов находимся на таком крайне примитивном уровне? Ведь обе позиции — черная и белая, в оценках культурной политики большевиков заранее обречены на неудачу, так как, если продолжать это художественное сравнение, в истории, в реальной жизни помимо крайностей существует множество оттенков и отсутствует определенная граница между черным и белым [1].

Чтобы не впасть в догматизм какого-либо толка, оценки культурной революции и политики большевиков не могут быть сделаны без учета научных достижений в области социальной философии.

Прежде всего необходима новая оценка Октябрьской революции и того социального строя, который установился в государстве после нее. Если это не социализм, не государственный капитализм, то какой это был общественный строй? Фактом советской истории оказывается то, что после разрушения старого общества новое общество точно так же возникло обществом классовым, в нем появился новый господствующий класс — партийная номенклатура [18].

Также необходима переоценка идейных процессов, которые привели нас, увы, к убогой ситуации не только в оценке нашего прошлого, но и в том числе и в оценке нашей собственной эпохи.

И последнее, Октябрьская революция, что бы сегодня ни говорилось об этом событии — это преобразователь всего мира. Однако это событие таит в себе противоречие в самом настоящем гегелевском смысле. Как тут не вспомнить знаменитые слова философа о хитрости Разума! Вместе с колоссальными и прогрессивными изменениями в общественной жизни возникла новая система экономических отношений, представлявшая собой эксплуататорское государство нового типа. И этот процесс сопровождался социальными иллюзиями отмирания государства и скорого возникновения общества коммунистического

типа. Вспомним лозунги Великой французской буржуазной революции: «свобода, равенство, братство». Деятели французской революции, которую Гегель боготворил, конечно же мечтали о чем-то большем, чем ограниченный мир буржуа XIX и XX столетия, так хорошо знакомый нам по работам историков, творчеству писателей, кинорежиссеров (когда речь о XX веке) того времени.

В этом и заключается очень серьезный урок гегелевской философии: люди, которые двигают историю вперед, способствуют общественному прогрессу, всегда бывают пронизаны глубочайшими иллюзиями по поводу того, что они делают и чего могут достичь. В случае большевиков мы встречаемся с подобного рода ситуацией: цель, стоявшая перед людьми, была иллюзорна, средства для достижения этой цели также выбирались иллюзорные. Стремление к иллюзорной цели закончилось крахом.

Неужели все это было напрасно? Ответ на этот вопрос может быть получен только в результате исследования и анализа на стыке истории, культурологии и социальной философии.

Нынешние исследователи, в свою очередь, сами оказались в плену разного рода иллюзий, поэтому сегодня мы и видим в основном полярную картину в оценках данного периода истории.

Литература

1. *Аверюшкин А.Н.* Проблема исторической теории в когнитивной практике и методологической рефлексии в XX столетии: дисс. ... канд. филос. наук. 2005. М. 132 с.
2. *Адрианова Н.Ю.* Концепция «пролетарской культуры» и монументальная лениниана как отражение идеологических и ментальных установок в обществе в первые годы советской власти (1917-1927). 2008. М.: Триада-фарм. 203 с.
3. *Айермахер К.* Политика и культура при Ленине и Сталине 1917-1932. 1998. М.: АИРО-XX. 204 с.
4. *Асеева Н.А.* Альтеральное в культурологии: методологический анализ: дисс. ... канд. филос. наук. 2003. М. 162 с.
5. *Борев Ю.Б.* Луначарский // Жизнь замечательных людей: сер. биогр.: вып. 1225. 2010. М.: Молодая гвардия. 303[1] с.
6. *Калинин И.* Как сделан язык Ленина: материал истории и прием идеологии // Калинин И., Ичин К. (ред.). Энергия кризиса. Сборник в честь Игоря Павловича Смирнова. 2019. М.: НЛО. С. 226-245.
7. *Калинин И.* Культурная революция, советский субъект и порядок дискурса // Логос. 2019. № 2. С. 221-251.
8. *Карпов А.И.* Русский Пролеткульт. Идеология, эстетика, практика // Серия «Новое в гуманитарных науках». Вып. 42. 2009. СПб.: Изд-во СПбГУП. 260 с.
9. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 41. Май-ноябрь 1920. — 5-е изд. 1974. М.: Политиздат. С. 298-318.
10. *Ленин В.И.* Странички из дневника // «Правда». № 2. 4 января 1923 года.
11. *Мазаев А.И.* Искусство и большевизм, 1920-1930-е гг.: проблемно-тематические очерки и портреты / А.И. Мазаев; вступ. ст. Н.А. Хренова; Российская акад. наук, Федеральное

агентство по культуре и кинематографии РФ, Гос. ин-т искусствознания. — Изд. 2-е, стер. 2007. М.: URSS. 318 с.

12. Манин В.С. Искусство в резервации (Художественная жизнь России 1917-1941). 1999. М.: Эдиториал УРСС. 264 с.

13. Натопн П. Общая педагогика / пер. Б.А. Фохта. 1910. М.

14. Натопн П. Песталоцци. Его жизнь и его идеи / пер. с нем. М.А. Энгельгардта. 1912. СПб. 104 с.

15. Плаггенборг Ш. Революция и культура. Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма / Пер. с нем. И. Карташевой. 2000. СПб. 416 с.

16. Резник А.В. Троцкий и товарищи: левая оппозиция и политическая культура РКП(б), 1923-1924 годы // Эпоха войн и революций. Вып. 10. 2017. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 382 с.

17. Семенов Ю.И. Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России. 2008. М.: Волшебный ключ. 401 с.

18. Семенов Ю.И. Россия: что с ней случилось в XX веке // Российский этнограф. Вып. 20. 1993. М. 134 с.

References

1. Averyushkin A.N. Problema istoricheskoi teorii v kognitivnoi praktike i metodologicheskoi refleksii v XX stoletii: diss. ... kand. filos. nauk. 2005. Moscow. 132 s. (In Russ.).

2. Adrianova N.Yu. Kontseptsiya «proletarskoi kul'tury» i monumental'naya leniniana kak otrazhenie ideologicheskikh i mental'nykh ustanovok v obshchestve v pervye gody sovetskoi vlasti (1917-1927). 2008. Moscow: Triada-farm. 203 s. (In Russ.).

3. Aiermakher K. Politika i kul'tura pri Lenine i Staline 1917-1932. 1998. Moscow: AIRO-XX. 204 s. (In Russ.).

4. Aseeva N.A. Al'teral'noe v kul'turologii: metodologicheskii analiz: diss. ... kand. filos. nauk. 2003. Moscow. 162 s. (In Russ.).

5. Borev Yu.B. Lunacharskii // Zhizn' zamechatel'nykh lyudei: ser. biogr.: vyp. 1225. 2010. Moscow: Molodaya gvardiya. 303[1] s. (In Russ.).

6. Kalinin I. Kak sdelan yazyk Lenina: material istorii i priem ideologii // Kalinin I., Ichin K. (red.). Energiya krizisa. Sbornik v chest' Igorya Pavlovicha Smirnova. 2019. Moscow: NLO. S. 226-245. (In Russ.).

7. Kalinin I. Kul'turnaya revolyutsiya, sovetskii sub"ekt i poryadok diskursa // Logos. 2019. № 2. S. 221-251. (In Russ.).

8. Karpov A.I. Russkii Proletkul't. Ideologiya, estetika, praktika // Seriya «Novoe v gumanitarnykh naukakh». Vyp. 42. 2009. Saint Petersburg: Publ. SPbGUP. 260 s. (In Russ.).

9. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii. T. 41. Mai-noyabr' 1920. — 5-e izd. 1974. Moscow: Politizdat. S. 298-318. (In Russ.).

10. Lenin V.I. Stranichki iz dnevnika // «Pravda». № 2. 4 yanvarya 1923 goda. (In Russ.).

11. Mazaev A.I. Iskusstvo i bol'shevizm, 1920-1930-e gg.: problemno-tematicheskie ocherki i portrety / A.I. Mazaev; vstup. st. N.A. Khrenova; Rossiiskaya akad. nauk, Federal'noe agentstvo po kul'ture i kinematografii RF, Gos. in-t iskusstvoznaniya. — Izd. 2-e, ster. 2007. Moscow: URSS. 318 s. (In Russ.).

12. Manin V.S. *Iskusstvo v rezervatsii (Khudozhestvennaya zhizn' Rossii 1917-1941)*. 1999. Moscow: Editorial URSS. 264 s. (In Russ.).
13. Natorp P. *Obshchaya pedagogika* / per. B.A. Fokhta. 1910. Moscow. (In Russ.).
14. Natorp P. *Pestalotsti. Ego zhizn' i ego idei* / per. s nem. M.A. Engel'gardta. 1912. Saint Petersburg. 104 s. (In Russ.).
15. Plaggenborg Sh. *Revolyutsiya i kul'tura. Kul'turnye orientiry v period mezhdru Oktyabr'skoi revolyutsiei i epokhoi stalinizma* / Per. s nem. I. Kartashevoi. 2000. Saint Petersburg. 416 s. (In Russ.).
16. Reznik A.V. *Trotskii i tovarishchi: levaya oppozitsiya i politicheskaya kul'tura RKP(b), 1923-1924 gody // Epokha voin i revolyutsii*. Vyp. 10. 2017. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 382 s. (In Russ.).
17. Semenov Yu.I. *Politarnyi («aziatskii») sposob proizvodstva: sushchnost' i mesto v istorii chelovechestva i Rossii*. 2008. Moscow: Volshebnyi klyuch. 401 s. (In Russ.).
18. Semenov Yu.I. *Rossiya: chto s nei sluchilos' v XX veke // Rossiiskii etnograf*. Vyp. 20. 1993. Moscow. 134 s. (In Russ.).

Информация об авторах

Аверюшкин Александр Николаевич, кандидат философских наук, доцент кафедры «Философия и гуманитарные науки», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3150-0385>, e-mail: peripatetics@yandex.ru

Information about the authors

Aleksandr N. Averyushkin, PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Humanities, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3150-0385>, e-mail: peripatetics@yandex.ru

Получена 01.12.2022

Принята в печать 15.12.2022

Received 01.12.2022

Accepted 15.12.2022

Роль образа-символа птицы в проблематике произведения «Записки из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского

Гусева Е.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
e-mail: lemuelle@yandex.ru

Статья посвящена роли образа-символа птицы в «Записках из Мертвого дома» — произведении Ф.М. Достоевского о жизни каторжан в Омском остроге. Образ птицы носит в повести символический характер и выражает собой хрупкую мечту арестантов о свободе. Особенно значимым в аспекте ключевого для произведения мотива свободы становится образ орла, неоднократно встречающийся в тексте, в том числе и во вставной главе «Акулькин муж».

Ключевые слова: образ-символ, символика, птица, орел, «Записки из мертвого дома», Ф.М. Достоевский, биография, мотив свободы, свобода внутренняя и внешняя.

Для цитаты: Гусева Е.В. Роль образа-символа птицы в проблематике произведения «Записки из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2022. Том 9. № 4. С. 60–66. DOI:10.17759/langt.2022090407

The Role of the Image-Symbol of a Bird in «Notes from the Dead House» by F.M. Dostoevsky

Elena V. Guseva

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
e-mail: lemuelle@yandex.ru

The article is devoted to the role of the image-symbol of a bird in «Notes from the Dead House» by F.M. Dostoevsky — a tragic story of convicts in Omsk prison. The image of a bird is symbolic and mainly expresses the fragile dream of prisoners about freedom. The eagle, which is repeatedly found in the text, in particular in the chapter «Akulka's husband», is especially significant in the aspect of freedom.

Keywords: image-symbol, symbolism, bird, eagle, «Notes from the Dead House», F.M. Dostoevsky, biography, motive of freedom, internal and external freedom.

For citation: Guseva E.V. The Role of the Image-Symbol of a Bird in «Notes from the Dead House» by F.M. Dostoevsky. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2022. Vol. 9, no. 4, pp. 60–66. DOI:10.17759/langt.2022090407 (In Russ.).

«Записки из Мертвого дома» (1860 — 1862 гг.) — первое произведение русской литературы, посвященное страшному каторжному миру. Это одно из самых автобиографичных произведений Ф.М. Достоевского, основанное на трагических событиях его собственной жизни. Содержательную основу «Записок...» составляют личные переживания автора, который провел четыре года в Омском остроге по приговору суда над петрашевцами. В то же время это произведение не документальное, но художественное — наполненное многогранными образами и богатой символикой. Одним из наиболее ярких образов в произведении представляется образ птицы, носящий символический характер и преимущественно выражающий собой хрупкую мечту пленников о свободе.

Символом призрачного, неуловимого счастья выступает в тексте «Записок...» вещая птица «каган», шуточно помянутая в эмоциональной перепалке двух арестантов:

« — Да ты что за птица такая?..

— То и есть, что птица!

— Какая?

— Такая.

— Какая такая?..

Высокий арестант стоял спокойно и величаво. (...) С невыразимым презрением скопил он глаза на своего противника, стараясь, для большей обиды, посмотреть на него как-то через плечо, сверху вниз, как будто он разглядывал букашку, и медленно, внятно произнес: — Каган!..» [5, с. 304].

Каган — это вещая птица, живущая в поднебесье и приносящая счастье лишь тому, кого она сама решила осчастливить. Тем же, «кто видел ее, молчать должно, ибо счастья ему иначе вовек не видать» [6].

О счастье, заключающемся в первую очередь в свободе, мечтают все без исключения арестанты. Потому и птицы, пролетающие над острогом, невольно привлекают их внимание, заставляют задуматься о тех родных, но дальних краях, которые они были вынуждены оставить. Один из монологов автора-повествователя посвящен тому, как он любил работать на берегу Иртыша, потому что «единственно только с него и был виден мир божий, чистая, ясная даль, незаселенные, вольные степи (...). Все для меня было тут дорого и мило: и яркое горячее солнце на бездонном синем небе, и далекая песня киргиза, приносившаяся с киргизского берега. (...) Все это бедно и дико, но свободно. Разглядишь какую-нибудь птицу в синем, прозрачном воздухе и долго, упорно следишь за ее полетом: вон она всполоснулась над водой, вон исчезла в синеве, вон опять показалась чуть мелькающей точкой...» [5, с. 493]. В этом отрывке реальная птица, исчезающая за горизонтом, становится одновременно символом желанной, но недостижимой свободы.

Реалистический и символический пласты объединяет в себе запоминающийся, зримый образ орла из «Записок...». Несчастливая птица попадает в острог раненой, с переломанным крылом. Постепенно орел, подкармливаемый арестантами, набирается сил, и, наконец, его решаются выпустить на волю: «Странное дело: все были почему-то довольны, точно отчасти сами они получили свободу» [5, с. 512]. Арестанты испытывают радость от того, что смогли даровать орлу то, в чем сами отчаянно нуждались.

Орел — архетипический образ. Издавна пернатые хищники играли важную роль в

мифологии и символике, олицетворяя собою силу, зоркость, жестокость и в то же время благородство. В мифах орлы нередко выступают демиургами, божествами, тотемными предками: *«Орел, орлица, символ небесной (солнечной) силы, огня и бессмертия; одно из наиболее распространенных обожествляемых животных — символов богов и их посланец в мифологиях различных народов мира (...) В библейской метафорике орел служит воплощением божественной любви, силы и мощи, юности и бодрости духа, но также и гордыни»* [7, с. 258-259]. Все эти традиционные орлиные качества — сила, мощь, бодрость и непомерная гордость — подчеркиваются и в повести Ф.М. Достоевского.

Орлу в мифологии часто противопоставляется какая-либо другая сильная фигура животного мира: *«Наряду с сюжетами, где орлу противопоставлена другая мифологическая птица (ворон, иногда гриф и т.п.), достаточно широко распространены и такие мифологические мотивы, в которых орлу противопоставляются другие животные, в особенности нижнего (водного) мира. Чрезвычайно широкое распространение в мифологии и искусстве стран Азии и сопредельных ареалов имеет мотив борьбы орла и змеи»* [7, с. 259]. Своеобразной сниженной параллелью к мотиву подобного поединка в «Записках из Мертвого дома» выступает сцена травли орла собакой: *«Шарик кидался на него с яростью, но, видимо, боялся подступить ближе, что очень потешало арестантов. “Зверь, — говорили они — не дается!”»* [5, с. 511]. Даже будучи раненым и беспомощным физически, орел не смиряется с обстоятельствами, чем завоевывает всеобщее уважение и заслуживает долгую память о себе. Недаром в финале повести уходящий с каторги Горянчиков еще раз невольно вспоминает о бывшем пленнике: *«Накануне самого последнего дня, в сумерки, я обошел в последний раз около палей весь наш острог. Сколько тысяч раз я обошел эти пали во все эти годы! (...) Вот здесь, в этом углу, прожил в плену наш орел...»* [5, с. 556].

Образ орла еще несколько раз появляется в произведении, каждый раз — в связи с ключевым для него мотивом свободы, иллюстрируя собою различные ее грани. Во-первых, говорящую фамилию «Орлов» носит в «Записках...» один из самых сильных и хладнокровных преступников: *«Это был злодей, каких мало, резавший хладнокровно стариков и детей, — человек со страшной силой воли и с гордым сознанием своей силы»* [5, с. 333]. При всей своих резко негативных, отталкивающих, даже ужасающих качествах, этого разбойника, кажется, нельзя было не уважать. Он воплощал собою величие зла, начало Люцифера. *«В нем вы видели одну бесконечную энергию, жажду деятельности, жажду мщения, жажду достичь предположенной цели»* [5, с. 334] — так описывает его Ф.М. Достоевский, и читатели невольно задумываются над тем, что было бы, направь Орлов свои силы не в разрушительное, а в созидательное, мирное русло. Не зная предыстории жизни преступника, мы можем лишь догадываться о том, что привело к деформации его личности. На примере этого яркого и по-своему харизматичного персонажа писатель ставит вопрос о том, является ли зло врожденным, природным качеством человека или же оно возникает вследствие тяжелых жизненных обстоятельств, являясь своеобразным ответом на существующие социальные проблемы, такие как бедность и безработица, родительская жестокость и семейное насилие.

Второй раз образ орла появляется во вставной главе «Акулькин муж» — в имени главной героини. Имя «Акулька» — это «разговорная форма женского канонического имени латинского происхождения “Акилина”, которое переводится как “орлиная”, “орлица”» [8, с. 43]. Вспомнив тематику главы, становится ясно, что возникшая здесь отсылка к орлу

является неслучайной.

О своей бывшей жене, Акульке, рассказывает поздней ночью в госпитале арестант Шишков. Из его страшной, лихорадочной повести мы узнаем, что он сначала регулярно избивал, а затем убил из ревности свою супругу, оклеветанную в девичестве его приятелем Морозовым. Отвечая на вопрос слушателя, застал ли он свою жену с другим, Шишков после некоторого раздумья честно признается: « — *Нет, застать не застал (...). Да уж обидно мне стало очень, люди совсем задразнили...*» [5, с. 484]. Мещанская психология Шишкова не дает ему спокойно наслаждаться счастьем с невинной и поначалу нежно любимой им женой. Людские разговоры больно бьют по его самолюбию, так что он очень скоро превращается из жертвы в тирана. Стоит отметить, что тема нездоровых, созависимых отношений людей для творчества Федора Михайловича является одной из ключевых. Он затронул ее еще в своем дебютном произведении «Бедные люди», в отношении Макара Девушкина и Вареньки Доброселовой [3], а в более поздних повестях и романах данная тематика получила дальнейшее развитие и драматизацию.

Образ Акулины — это образ несправедливо обиженной, оклеветанной девушки, мужественно переносящей все испытания, выпавшие на ее долю. Не унизив себя до доказательств своей невинности и не озлобившись, она сохранила чувство собственного достоинства, оставшись человеком истинно христианской доброты.

Богослов и философ П.А. Флоренский, рассматривая традиции разных народов и стран, писал, что «*имя — тончайшая плоть, посредством которой обьявляется духовная сущность*» [9, с. 30]. Если считать имя человека выражением его внутреннего мира, духовного облика, то Акулину в произведении можно назвать таким же олицетворением свободы, как и орла — в главе «Каторжные животные».

Если птица все же получает в финале желанную волю, то Акулина становится жертвой самодурства мужа, человеческих предрассудков и извращенных представлений о добродетели. Однако сама устремленность героини к внутренней свободе, вопреки обстоятельствам, демонстрирует ее как сильную личность. Ее особая роль в произведении, незаурядное мужество — в противовес слабоволию и жестокосердию супруга — подчеркнуты в самом названии текста, «*Акулькин муж*». Традиционно на Руси было принято называть женщин по мужу, а не наоборот, например, Ивановская жена, Даниловская жена, так что такая нарочитая перестановка в заголовке — «*Акулькин муж*» вместо «*Жены Шишкова*» — весьма показательна.

Вставная глава интересна и как самостоятельный текст, и как кладезь тем и образов для более поздних произведений Ф.М. Достоевского. Так, Акулина является возможным прототипом Катерины Ивановны из романа «*Братья Карамазовы*». А Филька Морозов, бесшабашный гуляка, оклеветавший ее, — это один из прообразов Дмитрия Карамазова [1]. Изначально кажется, что бессовестный Филька способен на любую подлость, но даже у него есть определенные нравственные принципы, которым он не изменяет. Шишков говорит о нем так: «*И чего-чего он только не делал. Краденного только не принимал. “Я — говорит — не вор, а честный человек”*». [5, с. 480]. Эти слова «рифмуются» со словами Дмитрия Карамазова о том, что он «*все, что угодно: и зверь, и подлец, но не вор, не вор*» [4, с. 536].

Психологическое сходство между персонажами подчеркнуто сразу в нескольких сценах из произведений, близких и тематически, и композиционно. Так, когда Фильку везут сдавать в

солдаты, он видит ославленную им на всю округу Акулину, выскакивает из телеги, просит прощения и кланяется ей в ноги: *«выскочил из телеги, да прямо ей земной поклон (...) И в другой раз в землю ей поклонился»* [5, с. 485]. Аналогично ведет себя Дмитрий Карамазов с Катериной Ивановной: *«поклонился ей в пояс почтительнейшим, проникновеннейшим поклоном»* [4, с. 129]. Примечательно то, что Акулина и Катерина похожим образом реагируют на поклоны. Акулина отвечает Фильке поясным поклоном и словами: *«Прости и ты меня, добрый молодец, а я зла на тебя никакого не знаю»* [5, с. 485]. Затем она признается мужу, что после такого неожиданно благородного поступка Морозова она любит его больше света. Катерина Ивановна, по рассказу самого Дмитрия, ответно кланяется ему до земли (*«не по-институтски, по-русски»*) и с этой минуты страстно влюбляется в него. Таким образом, эпизодические персонажи «Записок...» выступают одними из прототипов для центральных героев «Братьев Карамазовых».

Говоря об образе орла в контексте мотива свободы, можно вспомнить также о том, что «орлом» называют арестанты любимого ими подполковника Г-кова: *«Бывают же такие популярные люди. Смотрел он молодцом, ходил прямо, браво. "Орел!" — говорят, бывало, о нем арестанты»* [5, с. 538]. Подполковника любят, потому что он держится независимо, безо всяких претензий и говорит с арестантами на равных, что они очень ценят. Это хотя бы отчасти приближает их к внешнему, свободному миру, заставляя мысленно выйти из клетки «мертвого дома».

Не всегда птицы в произведении играют роль символов. Подчас они становятся всего лишь примечательной деталью, разнообразящей скучную, доведенную до автоматизма каторжную жизнь. Таковы, например, гуси, которые как-то случайно завелись в остроге и провожали арестантов на работу, чем веселили и их самих, и окрестных жителей. Писатель с грустью отмечает, что арестанты *«с охотою развели бы в остроге множество домашней скотины и птицы. (...) Но этого не позволяли»* [5, с. 506]. Комментируя запрет на разведение животных, Достоевский задается вопросом, не должно ли правосудие быть гуманнее, чтобы исправлять и облагораживать суровый нрав людей, вместо того, чтобы нравственно их калечить.

Более типичны и значимы для произведения символические образы птиц. По мнению К.Г. Юнга, *«символический образ основывается на том, что вмещает в себя общую идею, манифестирует ее, становится ее воплощением...»* [10, с. 75]. Такие образы-идеи рассредоточены по всему тексту повести Достоевского и появляются в целом ряде эпизодов. Например, в сцене общения Горянчикова с дагестанским татаринном Алеем и его братьями: *«Потом с важно-благосклонною, то есть чисто мусульманскою улыбкою (которую я так люблю и именно люблю важность этой улыбки), обратились ко мне и подтвердили, что Иса был божий пророк и что он делал великие чудеса; что он сделал из глины птицу, дунул на нее, и она полетела... и что это и у них в книгах написано»* [5, с. 341]. Подобно этой птице, обретает жизнь и человек. Каким будет его жизненный путь, зависит прежде всего от него самого.

Снисходительно-насмешливо, уменьшительной формой слова «птица» именуется автором одного из молодых арестантов, Луку Кузьмича, который любит покуражиться — показать собственное своеволие, впрочем, мнимое: *«Этот Лука Кузьмич был тот самый маленький, тоненький, с востреньким носиком, молоденький арестантик нашей казармы, из хохлов, о*

котором уже как-то и упоминал я. (...) В нем действительно было что-то вострое, заносчивое: "мала **птичка**, да ноготок востер"» [5, с. 383]. Даже «маленькие люди» по-своему рвутся к свободе и подчас воюют за нее еще более яростно, чем те, кому от природы дарован и больший масштаб личности, и большие права.

С лесными птицами сравниваются те отчаянные арестанты, которые рискнули бежать с каторги. «После душевой ямы, после судов, кандалов и палок бродят они по всей своей воле, где захотят, где попривольнее и повольготнее; пьют и едят где что удастся, что бог пошлет, а по ночам мирно засыпают где-нибудь в лесу или в поле, без большой заботы, без тюремной тоски, как **лесные птицы**, прощаясь на ночь с одними звездами небесными, под божьим оком...» [5, с. 487].

Итак, образы-символы птиц вносят большой вклад в понимание центрального для «Записок из Мертвого дома» мотива свободы, способствуя более глубокому осознанию проблематики произведения, в котором человек показан в условиях «*тотальной внешней несвободы (...) в критических, кризисных обстоятельствах, в непростых ситуациях нравственного выбора, а порой и перед лицом смерти*» [2, с. 76]. Право выбора или его отсутствие, борьба с обстоятельствами или с самим собой — таково внутреннее содержание повести.

Литература

1. Альтман М.С. Достоевский. По вехам имен. 1975. Саратов: Издательство Саратовского университета. 280 с.
2. Гусева Е.В. Художественное осмысление свободы личности в творчестве Ф.М. Достоевского и А.П. Чехова (на примере произведений «Записки из Мертвого дома» и «Остров Сахалин») // Вопросы филологии. № 1, 43. 2013. Институт иностранных языков. С. 75-80.
3. Гусева Е.В., Косилова И.В. Проблема созависимых отношений в романе Ф.М. Достоевского «Бедные люди» // Культура и текст. № 2 (37). 2019. Барнаул: ФГБОУ ВО Алтайского гос. пед. университета. С. 14-25.
4. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Собрание сочинений в семи томах. Т. 6. 1996. М.: Лексика. 560 с.
5. Достоевский Ф.М. Записки из Мертвого дома // Собрание сочинений в семи томах. Т. 1. 1996. М.: Лексика. 560 с.
6. Каган-птица // Боги славян. URL: <http://bogislavyan.ru/kagan-ptitsa> (дата обращения: 12.03.2021).
7. Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х томах. Том второй: К-Я. / Главн. ред. С.А. Токарев. 1982. М.: Советская энциклопедия. 720 с.
8. Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. Более 3000 имен. Издание шестое, стереотипное. 2000. М.: Русские словари, Астрель. 480 с.
9. Флоренский П.А. Тайны имени. 2007. М.: Мартин, Тверь. 376 с.
10. Юнг К.Г. Красная книга. 2009. М.: Патмос. 406 с.

References

1. Al'tman M.S. Dostoevskii. Po vekham imen. 1975. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta. 280 s. (In Russ.)

Гусева Е.В.
Роль образа-символа птицы в проблематике
произведения «Записки из Мертвого дома»
Ф.М. Достоевского
Язык и текст. 2022. Том 9. № 4. С. 60–66.

Guseva E.V.
The Role of the Image-Symbol of a Bird in «Notes from
the Dead House» by F.M. Dostoevsky
Language and Text. 2022. Vol. 9, no. 4, pp. 60–66.

2. Guseva E.V. Khudozhestvennoe osmyslenie svobody lichnosti v tvorchestve F.M. Dostoevskogo i A.P. Chekhova (na primere proizvedenii «Zapiski iz Mertvogo doma» i «Ostrov Sakhalin») // Voprosy filologii. № 1, 43. 2013. Institut inostrannykh yazykov. S. 75-80. (In Russ.)
3. Guseva E.V., Kosilova I.V. Problema sozavisimykh otnoshenii v romane F.M. Dostoevskogo «Bednye lyudi» // Kul'tura i tekst. № 2 (37). 2019. Barnaul: FGBOU VO Altaiskogo gos. ped. universiteta. S. 14-25. (In Russ.)
4. Dostoevskii F.M. Brat'ya Karamazovy // Sobranie sochinenii v semi tomakh. T. 6. 1996. Moscow: Leksika. 560 s. (In Russ.)
5. Dostoevskii F.M. Zapiski iz Mertvogo doma // Sobranie sochinenii v semi tomakh. T. 1. 1996. Moscow: Leksika. 560 s. (In Russ.)
6. Kagan-ptitsa // Bogi slavyan. Available at: <http://bogislavyan.ru/kagan-ptitsa> (Accessed: 12.03.2021). (In Russ.)
7. Mify narodov mira. Entsiklopediya v 2-kh tomakh. Tom vtoroi: K-Ya. / Glavn. red. S.A. Tokarev. 1982. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. 720 s. (In Russ.)
8. Petrovskii N.A. Slovar' russkikh lichnykh imen. Bolee 3000 imen. Izdanie shestoe, stereotipnoe. 2000. Moscow: Russkie slovari, Astrel'. 480 s. (In Russ.)
9. Florenskii P.A. Tainy imeni. 2007. Moscow: Martin, Tver'. 376 s. (In Russ.)
10. Yung K.G. Krasnaya kniga. 2009. Moscow: Patmos. 406 s. (In Russ.)

Информация об авторах

Гусева Елена Викторовна, кандидат филологических наук, кафедра зарубежной и русской филологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, e-mail: lemuelle@yandex.ru

Information about the authors

Elena V. Guseva, PhD in Philology, Department of Foreign and Russian Philology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, e-mail: lemuelle@yandex.ru

Получена 01.12.2022
Принята в печать 15.12.2022

Received 01.12.2022
Accepted 15.12.2022

Скрытый смысл наполеоновских текстов

Кипнис Б.Г.

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
e-mail: b.g.kipnis@gmail.com

Статья посвящена той стороне деятельности Наполеона Бонапарта, которая реже привлекает внимание: Наполеон-публицист. Исследуется мемуарное творчество императора, созданное на о. Святой Елены. Автор, анализируя тексты изгнанника, старается через них уяснить себе и представить на суд читателя глубинный смысл, заложенный Бонапартом в его произведениях. Объектом исследования является как сам текст, так и его структура. Автор предлагает свою трактовку посыла и адресности наполеоновских воспоминаний и впервые с таких же позиций исследует произведение императора.

Ключевые слова: император, Бонапарт, полемист, публицист, язык, стиль, якобинцы, Тулон, Цезарь, санкюлоты.

Для цитаты: Кипнис Б.Г. Скрытый смысл наполеоновских текстов [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2022. Том 9. № 4. С. 67–82. DOI:10.17759/langt.2022090408

Napoleon's Texts: Hidden Meanings

Boris G. Kipnis

Saint Petersburg, Russia,
e-mail: b.g.kipnis@gmail.com

The article focuses on an aspect of Napoleon Bonaparte's work that receives less attention: Napoleon the publicist. It explores the emperor's memoirs written while he was on the island of Saint Helena. The author, analysing the outcast's texts, tries to make sense of them and to give the reader an insight into the deep meaning of Bonaparte's writings. The object of the study is both the text itself and its structure. The author offers his own interpretation of the message and address of Napoleon's memoirs and, for the first time, explores the emperor's work from the same perspective.

Keywords: emperor, Bonaparte, polemicist, publicist, language, style, Jacobins, Toulon, Caesar, sans-culottes.

For citation: Kipnis B.G. Napoleon's Texts: Hidden Meanings. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2022. Vol. 9, no. 4, pp. 67–82. DOI:10.17759/langt.2022090408 (In Russ.).

«Во мне живут два разных человека: человек головы и человек сердца. Не думайте, что у меня нет чувствительного сердца, как у других людей. Я даже довольно добрый человек. Но с ранней моей юности я старался заставить замолчать эту струну, которая теперь не издает у меня уже никакого звука» [4; 41].

Горькое и страшное признание. По-своему честное. Он признался в этом однажды Луи Редереру¹. Признался, когда был на вершине могущества и славы, но не совсем еще утратил способности к честной самооценке, ну хоть иногда.

Говорят, что человек — это стиль. Хочется добавить: а стиль — это язык, в который человек облакает свои мысли и чувства. Совершенно напрасно император пытался убедить Редерера, а главное, самого себя, что сердце его замолчало. Оно просто, по нашему мнению, трансформировало свое бытие в лаконичный стиль его текстов. Текстов, надиктованных на острове Святой Елены. Двадцать лет командования армиями и владычества над народами не прошли бесследно: фразы стали отточенными, как у Цезаря, а язык остался лаконичным и ярким, но без сантиментов, которыми он перегружен в «Клиссоне и Евгении». Впрочем, Бонапарт писал этот роман в 1795 году, когда переживал влюбленность в Дезире Клари: возраст и состояние души его выплеснулись в этом тексте.

Через двадцать лет, медленно угасая в ссылке, он торопился закрепить на бумаге свои мысли и, как бы он от этого не отрешивался, чувства. Наполеон преследовал двойную цель: с одной стороны, создать легенду своей жизни и тем самым подготовить реставрацию своего сына на французском престоле, а с другой, высказаться по волновавшим его вопросам военного искусства, войны и армии, политики и народа. И, сам того не подозревая, рассказывал о самом себе. О скрытом от досужего присмотра Наполеоне Бонапарте.

Возьмем такое специфическое и весьма сухое по стилю изложения сочинение, как «Осада Тулона». Тут, при чтении, мы обнаруживаем в авторе мастера яркого и одновременно лаконического, очень емкого портрета. Посмотрите, как описывает он командующих осадной армией, самодельных генералов якобинской Республики, порожденных судорогами 1793 года, добросовестно забывая при этом, что он и сам был одним из них.

Вот портрет первого из них, Жана-Франсуа Карто²: *«Измена, отдавшая англичанам флот Средиземного моря, город Тулон и его арсенал, потрясла Конвент»³. Он назначил*

¹ Редерер Пьер-Луи (1754 — 1835), адвокат, экономист, член Национального собрания, в 1789 — 1792 гг. член Якобинского клуба; член Государственного совета в эпоху Консульства, граф Империи (1810), пэр Франции.

² Карто Жан-Франсуа (1751 — 1813), сын драгуна, воспитывался сначала в гарнизонах, а с 1759 г. — в парижском Доме инвалидов; стал художником, потом был солдатом. В 1780 г. — адъютант Лафайета, участвовал в сражении в 1792 г. В сентябре — октябре 1793 г. руководил осадой Тулона, был заменен; 13 вандемьера 1795 г. под начальством генерала Бонапарта подавлял мятеж роялистов в Париже. С 1805 г. на пенсии по старости.

генерала Карто главнокомандующим осадной армией. Для руководства осадной артиллерией... был назначен Наполеон⁴... 12 сентября он прибыл в Боссе, представился генералу Карто и скоро заметил его неспособность. Командуя небольшой, направленной против федералистов⁵ колонной, этот офицер (Карто) на протяжении трех месяцев из полковника сделался бригадным генералом, дивизионным генералом и главнокомандующим. Он ничего не понимал ни в крепостном, ни в осадном деле» [2; 4].

В этой небольшой экспозиции Наполеон показал всю свою противоречивость. Первые три фразы просто великолепны: без лишних околичностей автор вводит читателя сразу в суть дела. В структуре произведения, как и в стиле, он явно идет по стопам автора записок о «Галльской войне»: тому потребовалось шесть глав, чтобы перейти к рассказу о своих действиях, Бонапарту — две, по объемности размера разница небольшая. Кроме того, Цезарю надо было дать описание географии и нравов племен, населяющих целую страну, далекую еще от Рима. Ссылный Святой Елены писал о своей Родине. Начало же повествования о собственно войне у римлянина так же энергично и экономно, как у корсиканца: *«При известии о том, что гельветы пытаются идти через нашу Провинцию⁶, Цезарь ускорил свой отъезд из Рима, двинулся самым скорым маршем в Дальнюю Галлию и прибыл в Генуэ. Во всей же Провинции он приказал произвести усиленный набор (вообще же в Дальней Галлии стоял только один легион) и разрушить мост у Генуэ» [5; 31].*

Еще более схожи оба стиля при сравнении наполеоновского текста с первой фразой книги цезаревой «Гражданской войны»: *«Когда письмо Цезаря было вручено консулам, то лишь с трудом и благодаря величайшей настойчивости народных трибунов удалось добиться от них прочтения его в сенате; однако добиться, чтобы на основании этого письма был сделан доклад сенату, они не смогли» [6; 5].* Однако же на этом сходство в изложении нарушается: император, начав «создавать» портрет Карто, поступает так, как никогда не позволял себе Цезарь. Он сразу же помещает свой вывод о бездарности генерала и только дальше начинает приводить доказательства. При этом надо отметить, что первое из них, о превращении Карто в три месяца из полковника в главнокомандующего, весьма сомнительного свойства: ведь и Бонапарт, прибыв в армию 12 сентября 1792 г. в чине майора, взял Тулон 18 декабря, а бригадным генералом стал 22 декабря, т.е. за четыре месяца. Это доказывает лишь то, что стремительность карьеры под огнем для 1793 г. была делом обычным.

³ Национальный Конвент — высший законодательный орган Первой французской республики (1792 — 1795) в разгар Великой французской революции. Первый французский парламент, сформированный на основе всеобщего избирательного права.

⁴ Себя автор всегда именуется в 3-м лице, как Цезарь в «Записках о Галльской войне».

⁵ Федералисты — так во Франции тогда именовали сторонников жирондистов, требовавших федеративного устройства страны, врагов якобинцев.

⁶ Цизальпийская Галлия.

Следующее доказательство некомпетентности Карто гораздо более серьезное: «... На рассвете 13 сентября главнокомандующий повел Наполеона на батарею, которую он (т.е. Карто — Б.К.) выставил для того, чтобы сжечь английскую эскадру. Эта батарея была расположена ... на небольшой высоте, несколько правее шоссе, в 2000 туазах от морского берега. На ней было восемь 24-футовых пушек, которые, по мнению главнокомандующего, должны были сжечь эскадру, стоявшую на якоре в 400 туазах от берега, т.е. в целом лье от батареи. Гренадеры..., разойдясь по соседним домам, были заняты разогреванием ядер при помощи кухонных мехов. Трудно представить себе что-нибудь более смешное» [2; 4-5].

Вот в этом доказательстве бездарности генерала Карто Наполеон абсолютно прав. Однако понять смысл доводов изгнанника и их иронию уже тогда мог только офицер-артиллерист, а сегодня лишь военный историк, умеющий переводить ТУАЗЫ и ЛЬЕ в метры, знающий прицельную дальность 24-футовых орудий и невозможность раскалить пушечные ядра с помощью кухонных мехов. Как можно заметить из тщательного ознакомления с текстами императора, он зачастую считал, что то, что понятно ему как профессионалу, должно быть так же понятно и любому из его читателей.

Лишь третье доказательство неспособности Карто описано таким образом, что становится понятно и неподготовленному читателю. Здесь речь идет о необходимости, для быстрого достижения успеха, занятия позиции на мысе Кэр, которую Бонапарт оценил уже на третий день по прибытии к осадной армии. Но: «Генерал Карто не был способен ни понять, ни выполнить этот план, тем не менее он поручил отважному Делаборду⁷, впоследствии генералу императорской гвардии, отправиться туда с 400 человек. Через несколько дней противник высадился на берег в числе 4000 человек, отбросив генерала Делаборда и приступив к возведению форта Мюрgrav. В течение первых восьми дней начальник артиллерии⁸ не прекращал просьб о подкреплении Делаборда для того, чтобы можно было отбить противника с этого пункта, но не добился ничего. Карто не считал себя достаточно сильным для удлинения своего правого фланга, или, вернее, он не понимал важности этого. К концу же октября положение вещей сильно изменилось. Нельзя было больше думать о прямой атаке этой позиции. Нужно было ставить пушечные и мортирные батареи, начать траншейные работы и заставить замолчать артиллерию форта» [2; 7].

В этом отрывке драматизм происходящего автор подчеркивает сопоставлением числительных: Карто дал Делаборду всего 400 человек для занятия ключевой позиции, найденной Бонапартом, а проницательные англичане послали сюда же сразу 4000 и, конечно, выиграли.

Другой пример драматизации — это акцентировка последствий потерянного бездарным Карто времени: вместо того, чтобы быстро исправить ошибку — пустые

⁷ Делаборд Анри-Франсуа (1764 — 1833), сын булочника; в 1793 г. бригадный генерал, в 1796 г. дивизионный; в 1808 г. граф Империи. Во время похода в Россию 1812 г. командовал 1-й гвардейской дивизией. Поддержал Наполеона во время «100 дней». Пэр Франции, его имя выбито на Триумфальной арке в Париже.

⁸ Еще один способ наименования себя в 3-м лице.

отговорки. И вот противник укрепился, теперь нужны инженерные работы и контрбатареинная борьба. И все это из-за глупости главнокомандующего.

То ли считая, что этих примеров мало, то ли будучи раздражен воспоминаниями, но император начинает множить примеры безграмотности Карто в вопросах расположения батарей и использования артиллерии. Он так увлечен этим обличением, что не замечает того, что, перегрузив их специальными подробностями, сделал текст трудным для обычного читателя [2; 7]. Но, словно спохватившись, он завершает рассказ об ошибках своего начальника действительно отличным по литературности пассажем: еще в начале осады *«на самом берегу моря Наполеоном были построены две батареи, названные батареями Горы и Санкюлотов»*⁹. После оживленной канонады с них суда противника были вынуждены удалиться и очистить малый рейд» [2; 5]. Все шло успешно, и настолько, что *«На батареях Горы и Санкюлотов сосредоточилось внимание армии и всего юга Франции. Огонь с них велся ужасный. Множество английских шлюпок затонуло. Со многих фрегатов были сбиты мачты. Четыре линейных корабля оказались настолько сильно поврежденными, что пришлось их ввести в док для починки. Главнокомандующий же, воспользовавшись минутой, когда начальник артиллерии отлучился на 24 часа для ревизии морского арсенала и ускорения отправки необходимых предметов, приказал бросить эту батарею под предлогом, что на ней гибло много канониров. В 9 часов вечера, когда прибыл Наполеон, очищение батареи уже началось. Опять пришлось неповиноваться»* [2; 8].

В этом кусочке автор показал себя мастером литературного пейзажа. В первой же фразе он представляет нам обширную панораму происходящего: вся армия и весь юг Франции пристально следят за происходящим на батареях, возведенных Наполеоном. Масштаб майора артиллерии стремительно вырос до величины колосса Родосского, на деяния его смотрят неотрывно десятки тысяч граждан Республики. Действия артиллерийского огня описывает он четырьмя короткими фразами, как будто рисует перед нами настоящее батальное полотно:

Фраза 1-я — «Огонь с них велся ужасный» — авансцена.

Фраза 2-я — «Множество английских шлюпок затонуло» — 2-й план, рамки композиции расширяются.

Фраза 3-я — «Со многих фрегатов были сбиты мачты» — 3-й план, глубина полотна увеличилась, фрегаты, лишенные мачт, заполняют основное ее пространство.

Фраза 4-я — «Четыре линейных корабля оказались настолько повреждены, что пришлось их ввести в док для починки» — 4-й план, поврежденные линейные корабли стоят где-то совсем в глубине, плохо заметные с первого взгляда.

Так всего четырьмя фразами достигнута полная перспектива происходящего, полотно приобрело панорамную широту и такую же глубину. Словно батальная живопись Луи-Франсуа Лежена или Луи Альбера Гислена Бакле д'Альба возникла перед нами.

⁹ Курсив самого Наполеона!

После такой словесной живописи читатель уже в следующем абзаце легко прощается с генералом Карто, перемещенным в Альпийскую армию. А на его еще не остывшее место тут же приземлился генерал Доппе¹⁰, до этого, под началом знаменитого Ф.К. Келлермана, участвовавший в осаде взбунтовавшегося Лиона. Сей господин удостоился не столь пространной, но гораздо более ядовитой характеристики автора: *«Главнокомандующий Доппе ... был савояр, медик, умнее, чем Карто, но такой же невежда в области военного искусства, враг всех людей, у которых замечался какой-либо талант. Через несколько дней после его прибытия упавшая английская бомба вызвала пожар порохового погреба на батарее Горы. Находившийся там начальник артиллерии подвергся большой опасности. Было убито несколько канониров. Явившись вечером к главнокомандующему для доклада об этом случае, начальник артиллерии застал его за составлением протокола в целях доказательства, что погреб был подожжен аристократами.*

На следующий день батальон котдорцев, находившийся в траншеях против форта Мюльграв¹¹, взялся за оружие и двинулся на форт, возмущенный дурным обращением испанцев с одним попавшим в плен французским волонтером. За ним направился Бургундский полк. В дело оказалась вовлеченной вся дивизия генерала Брюле. Началась канонада и ружейная перестрелка. Начальник артиллерии находился в главной квартире; он отправился к главнокомандующему, но и тот не понимал причины всего происходящего. Они поспешили на место действий. Было 4 часа дня. По мнению начальника артиллерии, раз атака была начата, следовало довести ее до конца. Генерал отдал ему приказание принять атаку под свое командование. Весь мыс был покрыт французскими стрелками, окружившими форт, и начальник артиллерии построил в колонну две гренадерские роты с целью проникнуть в форт, как вдруг главнокомандующий приказал ударить отбой вследствие того, что вблизи от него, но довольно далеко от линии огня, был убит один из его адъютантов. Стрелки, заметив отступление своих и услышав отбой, были в недоумении. Атака не удалась. Наполеон с лицом, покрытым кровью от легкой раны в лоб, подъехал к главнокомандующему и сказал ему: «Болван, сыгравший отбой, не дал нам взять Тулон». Солдаты, потеряв при отступлении немало своих товарищей, выражали недовольство. Они громко заявляли, что не пора ли с этим покончить. «Когда же перестанут присылать для командования нами живописцев и медиков?» Восемь дней спустя Доппе был послан в Пиренейскую армию. Свое прибытие туда он ознаменовал гильотинированием нескольких генералов» [2; 9].

В этом отрывке, которым, собственно, и исчерпывается вся характеристика генерала Доппе, автор предстал способным мастерски соединять кровавые реалии войны с банальностью «маленького человека», занесенного ураганом революции на горные высоты власти. В обыденной рутине мирной жизни поиск тайных врагов, бестолковость и трусость в тех или иных дозах встречаются у многих, в том числе и у начальников. Но привычный обывательский оппортунизм заставляет нас с этим мириться. Однако в экстремальной обстановке войны, с ее ежедневным риском смерти, такие качества делают подобного командующего просто нетерпимым. Именно это и выставил в поведении Доппе на всеобщее обозрение Наполеон. Как мастерски во второй части «портрета» противопоставил он мужество простых солдат трусости ничем не рискующего генерала! Как тонко сумел

¹⁰ Доппе Франсуа-Амедей (1753 — 1799), солдат, медик, литератор, якобинец, авантюрист.

¹¹ Главная оборонительная позиция англичан, от ее взятия зависела судьба осады Тулона.

соединить и себя с ними в оценке главнокомандующего! Но последняя фраза — просто шедевр: обвинение в кровавой жестокости на новом месте службы как бы выжигает печать подлеца на лбу этого экземпляра.

Но не надо думать, что Бонапарт был патологически предвзят по отношению к командующим осадной армии. В самом комплиментарном тоне описал он своего нового начальника Жака Франсуа Дюгоммье¹²: *«Голос солдат был услышан. 20 ноября доблестный Дюгоммье принял командование над армией. Он имел за собой 40 лет службы. Родиной его была одна из самых богатых колоний на Мартинике. С начала революции этот офицер, находившийся в отставке, стал во главе патриотов и оборонял город Сен-Пьер¹³. Когда англичане проникли туда, он, изгнанный с острова, потерял все свое состояние. Его назначили командиром бригады в Итальянскую армию в то время, когда пьемонтцы, желая воспользоваться отвлечением сил к Тулону, вздумали переправиться через Вар и войти в Прованс. Дюгоммье разбил их при Жилетте, чем заставил отступить за прежний рубеж. Он обладал всеми качествами старого воина. Лично до чрезвычайности храбрый, он любил храбрецов и был любим ими. Он был добр, хотя горяч, очень энергичен, справедлив, имел верный военный глаз, был хладнокровен и упорен в бою» [2; 10].*

Бонапарт умело использует образ народа: в его повествовании от его имени действуют простые солдаты. Посмотрите, кто 11 ноября начал стихийно штурм форта Мюльграв? Батальон котдорцев, т.е. волонтеры. Почему пошли они на смерть без приказа? Они были возмущены дурным обращением интервентов с их пленным товарищем. За волонтерами поднялись и другие части. Снова автор рисует умелой рукой картину боя. Тут и стрелки, и гренадеры, строящиеся в штурмовую колонну, и обречший все на неудачу, трусивший Доппе. И в конце рассказа возмущенные им солдаты, требующие покончить с ТАКИМ командованием. Как бы подхватывая их простонародное негодование, автор начинает рассказ о новом командующем: *«Голос солдат был услышан. 20 ноября доблестный Дюгоммье принял командование над армией».*

Хотел того Наполеон, или он сам был захвачен потоком воспоминаний, но то, как описывает нового героя автор, раскручивает темпы повествования как пружину, и каждое слово настраивает читателя в его пользу. Он сразу же называет генерала *«доблестный Дюгоммье»*. Оказывается, что за его плечами *«40 лет службы»*, он защищал Мартинику от англичан и, изгнанный ими, *«потерял все свое состояние»*. Сам факт борьбы с британцами и захват ими имущества Дюгоммье автоматически настраивал французского читателя в пользу генерала. Меж тем события ускоряют свой ход: наш доблестный патриот не горюет об утраченном, он переплывает океан и сразу же устремляется на защиту рубежей Отечества, разбивает коварных пьемонтцев — и теперь под стенами Тулона. Бонапарт изобильно щедр на положительные эпитеты, рисуя портрет Дюгоммье. Он храбр, любит храбрецов и любим ими, добр, горяч, энергичен, но главное: *«имел верный военный глаз, был хладнокровен и упорен в бою»*. Под пером императора генерал предстает полным собранием военных

¹² Дюгоммье Жак Франсуа (1738 — 1794), до 1785 г. носил фамилию Кокиль. Участник Семилетней войны, кавалер ордена Святого Людовика. Принял Революцию, командуя армией Восточных Пиренеев, погиб в сражении при Монтань-Нуар. Имя его выбито на Триумфальной арке в Париже.

¹³ Город Сен-Пьер на острове Мартиника, заморский департамент Франции.

доблестей. Вполне возможно, что Дюгоммье импонировал ему тем, что, как и Бонапарт, был противником террора как во внутренней политике, так и на войне, и отказался выполнять варварское распоряжение Конвента не брать пленных.

Так или иначе, с появлением под Тулоном генерала Дюгоммье темп повествования ускоряется. Внутренняя интрига меняется: Наполеон больше не борется с безграмотностью командующих, теперь он под руководством понимающего и поддерживающего его во всем генерала прилагает все усилия, чтобы ускорить час победы. Дюгоммье в последней части очерка всегда на переднем плане, но автор постоянно рядом с ним: 30 ноября генерал отражает вылазку 7000 интервентов во главе с генерал-лейтенантом Ч. О'Хара, но берет англичанина в плен сам Наполеон. Вечером перед штурмом Малого Гибралтара автор уговаривает Дюгоммье отбросить колебания из-за проливного дождя и идти в ночную атаку с 16 на 17 декабря 1793 года. Третью колонну, состоящую из отборных войск, повел генерал Делаборд, а «во главе атакующих встал сам Дюгоммье». Атака не задалась. И тогда: «Дюгоммье в отчаянии отправился к четвертой колонне — резерву. Ее вел сам начальник артиллерии. По его приказанию вперед шел батальон, который был вверен им Мюирону, капитану артиллерии ... В 3 часа утра Мюирон взобрался на форт по амбразуре, через которую вошли затем Дюгоммье и начальник артиллерии» [2; 13].

В этом отрывке Наполеон начинает стремительно выдвигаться вперед и становится наравне с Дюгоммье, ведь колонну, которую вел генерал, постигла неудача, и он «в отчаянии» присоединился к автору. Как много может изменить в смысле текста одно лишь слово! А как изящно в следующих двух фразах Бонапарт «оттеснил» своего генерала: сначала указав, что четвертую колонну вел он сам, начальник артиллерии, а потом оказалось, что возглавлял колонну батальон, вверенный Бонапартом капитану Мюирону, первым поднявшемуся в форт. Таким образом, читатель понимает, что взятие Малого Гибралтара — это целиком заслуга Наполеона.

И, наконец, в финале рассказа, когда взятый форт пришлось три часа отстаивать от контратак англичан, которым подвезли уже полевые орудия, кто спас положение? Конечно же, «по распоряжению начальника артиллерии уже подоспели его канониры, и орудия форта повернулись против врага. В темноте, под дождем, при ужасном ветре и общей растерянности — опять удачно вставленное слово! — Б.К. — среди убитых, слыша крики раненых и умирающих, начальнику артиллерии стоило большого труда приготовить шесть орудий. Лишь только они открыли огонь, противник отказался от атаки и повернул назад. Немного спустя начался рассвет» [2; 13-14]. Как видим в этом завершении рассказа о штурме, Дюгоммье совершенно исчез, а остался и занял собою авансцену события один Бонапарт. Нет, что ни говори, а император выступает здесь как тонкий стилист, скромно подготовляющий свой триумф.

Конец текста, посвященного ночному штурму форта, заставляет нас снова вспомнить отточенный стиль Цезаря: «Штурм обошелся республиканской армии в 1000 человек убитыми и ранеными. Под начальником артиллерии была убита лошадь выстрелом с батареи Малого Гибралтара. Накануне атаки он был сброшен на землю и расшибся. Утром он получил от английского канонира легкую колотую рану в икру. Генерал Делаборд и капитан Мюирон были тяжело ранены. Потери врага убитыми, ранеными и пленными достигали 2500 человек» [2; 14]. Так заканчивает свой рассказ Бонапарт. А теперь сравним его с описанием Цезарем сдачи в плен Верцингеторига после поражения соединенного

войска галлов под Алезией: *«По этому поводу¹⁴ отправили к Цезарю послов. Он приказывает им выдать оружие и привести князей. Сам он сел в укреплениях перед лагерем. Туда приводят вождей; Верцингеторига выдают, оружие положено. Эдуев и арвернов Цезарь приберег в расчете снова приобрести через них влияние на их общины; остальных пленных он распределил во всем своем войске по человеку на солдата в качестве военной добычи»* [5; 154].

Согласитесь: события разные по масштабу, но слог одинаков.

Однако же автор «Осады Тулона» гораздо более многомерен, чем это можно предположить из ранее разобранных отрывков его текста, и это вполне закономерно, ведь он же Наполеон.

Коснемся еще одной темы, которой пронизан этот текст. Темы, обращенной к читателям, разделяющим идеи 1793 года, темы якобинцев, якобинства и комиссаров якобинского Конвента.

Бонапарт, ставший императором и оказавшийся «узником Европы», не отмежевывается от якобинцев, он высказывает свое к ним отношение и отношение к себе в 1793 году. Эта тема заявляет о себе почти сразу же, как гром орудий двух батарей: *«На самом берегу моря Наполеоном были построены две батареи, названные батареями Горы и Санкюлотов. После оживленной канонады с них суда противника были вынуждены удалиться и очистить малый рейд»* [2; 5]. Он и не думает скрывать от читателя, кто построил их и кто дал им такие названия. Нет, так строится фраза лишь в одном случае: она должна возвестить о том, что он сам, Наполеон Бонапарт, тогда, в грозном 1793 году, был и с **Горой**, и с **Санкюлотами**, т.е. с якобинцами. Почему мы делаем такой вывод? Да потому, что **Горой** в те месяцы называли фракцию якобинцев в Конvente из-за того, что сидели они на верхних скамьях амфитеатра, т.е. на горе. **Санкюлоты**, по-русски — голоштанники. Беднейшая часть французского общества, простой народ, не имевший денег на покупку приличной одежды, неотъемлемой частью которой были **КЮЛОТЫ**, т.е. короткие штаны до колена, которые носились с чулками и кожаными башмаками. Бедный же простолудин носил длинные штаны до щиколоток с «неподбитыми» краями, часто в тонкую разноцветную полоску «национальных цветов», а вместо башмаков могли быть деревянные сабо. Добросовестного гражданина, настоящего патриота, в те роковые для Отечества месяцы часто и в печати, и в публичных речах, и даже в официальных документах именовали «добрым» или «истинным санкюлотом». Так что бывший гражданин Бонапарт выражается в этой фразе вполне четко и определенно.

Тот, кто однажды был причастен к якобинцам, не сможет освободиться от этого полностью никогда. Да, ОН делает своеобразный политический кивок «налево». Вторая половина этой коротенькой цитаты опять-таки должна была указывать читателю на то, что император и сейчас хорошо помнит, какому времени обязан он началом своей известности и славы.

¹⁴ По поводу выдачи Верцингеторига римлянам.

О том, что ОН умеет помнить добро и ценит профессионализм, исходящий от якобинца, говорит нам краткая, но яркая характеристика, данная им тут же Т.О. Гаспарену¹⁵: *«Гаспарен был умным человеком. В течение осады Наполеон имел случай его оценить и многим был обязан ему»* [2; 8]. За этими двумя строчками скрыты 39 лет весьма достойной жизни.

Как и Бонапарт, Гаспарен вел свой род с Корсики. В революционном 1789 году он — капитан Пикардийского полка, честный патриот и друг солдат. В 1791 г. стал депутатом Законодательного собрания, а в 1792 г. избран в Национальный Конвент, стал членом Якобинского клуба. Уже в октябре 1792 г. одним из первых стал комиссаром в армии, 14 января 1793 г. голосовал за казнь Людовика XVI. Член якобинского Комитета общественной безопасности, 16 июня 1793 г. предложил декрет о смертной казни за шпионаж в армии или в зоне боевых действий. В 1792 — 1793 гг. был постоянно «депутатом Конвента в миссии», т.е. революционным комиссаром в войсках. Именно ему вместе с такими же комиссарами О. Робеспьером и К. Саличети читает Бонапарт свой памфлет «Ужин в Бокере», а эти три якобинца — его первые слушатели. Именно Гаспарен и Саличети рекомендовали Конвенту назначить Наполеона командовать артиллерией при осаде Тулона. Уже будучи тяжелобольным, Гаспарен 5 ноября 1793 г. послал письмо в Конвент, выражая уверенность в скором падении Тулона, а 7 ноября Тома-Огюстен умер в родном Оранже на руках своей семьи.

Вот таков был этот человек, о котором августейший ссыльный сохранил не только благородную память, но на пороге смерти, 24 апреля 1821 года, подводя последние итоги, указал в своем завещании: *«... мы завещаем сто тысяч франков сыну или внуку депутата Конвента Гаспарена, народного представителя в армии Тулона, за то, что он защищал и утверждал своим авторитетом наш план, позволивший взять город и бывший противоположным тому, что отправил Комитет общественного спасения. Гаспарен взял нас под свою протекцию и избавил от преследований невежественного генерального штаба, командующего армией до прибытия моего друга Дюгоммье»* [3; 128]

Казалось бы, текст этой завещательной записки по смыслу своему повторяет почти буквально то, что Бонапарт писал об этом достойном человеке в «Осаде Тулона». Но тон в завещании совсем иной. Все эти местоимения множественного числа: *МЫ, НАШ, НАС* — придают тексту 3-го пункта 4-й приписки к завещанию умирающего, тон императорского рескрипта, благодарящего потомство члена Конвента за его верную службу самому Императору. Какой же он был великолепный мастер смыслового парадокса, как до самого конца он не позволял ни окружающим, ни самому себе разувериться в том, что Наполеон и сейчас император! Даже и на краю могилы.

Однако же вернемся к оценке депутатов Конвента, а точнее, комиссаров «в миссии». Не будем обольщаться похвалами в адрес Гаспарена, они — исключение, в них Наполеон воздает справедливое признание и должное человеку, которому он был лично очень обязан.

¹⁵ Гаспарен (Gasparin) де, Тома-Огюстен (1753 — 1794), дворянин, офицер, депутат Национального законодательного собрания и Национального Конвента; член Комитета общественной безопасности; участвовал в осаде Тулона. Скончался, не дожив до ее завершения.

И не скрывает этого. Но по отношению к остальным он настроен отрицательно. Во-первых, они позеры, в военном деле мало что понимают и только мешают.

Вот в самом конце ноября он принимает большие усилия, чтобы создать на ключевой позиции новую батарею и, что важно, делает это скрытно от противника, ибо *«Для того чтобы напугать, нужно действовать внезапно, и, конечно, следовало скрыть от врага существование этой батареи. Имея в виду такую цель, Наполеон приказал замаскировать батарею завесой из оливковых ветвей, что и удалось сделать 29 ноября, в 4 часа дня ее посетили народные представители. На батарее находилось восемь 24-фунтовых пушек и четыре мортиры. Она называлась батареей Конвента. Представители спросили канониров, что мешает им начать стрельбу. Канониры ответили, что у них все готово и что их орудия превосходно действуют. Народные представители приказали им стрелять. Начальник артиллерии, находившийся в главной квартире, с изумлением услышал пальбу, что противоречило его намерениям. Он отправился к главнокомандующему с жалобой. Зло было сделано непоправимое»* [2; 11].

И снова автор предстает перед читателем как блестящий стилист. Для усиления эффекта описываемого он прибег к сухому, практически рубленому слогу репортажа. Почти нет распространенных или сложносочиненных предложений: сухие факты, и ничего более. События, скупые и безэмоциональные, сыплются как струйка песка в древних часах, нанизываясь одно на другое, пока в их строгую закономерность не впитаются, совершенно чужеродная их логичности, самолюбивая глупость комиссаров-демагогов, и стройное сооружение обрушивается от их единственного прикосновения. И тогда-то Бонапарт выпускает на свет божий сильную эмоцию, из которой целиком состоит вся последняя фраза. И поэтому звучит она емко и бескомпромиссно, как приговор: *«Зло было сделано непоправимое»*. С этой убийственной оценкой комиссары погружаются в пучину текста.

Но не таков он, император, чтобы просто так отпустить этих бесполезных и вредных надзирателей и «вдохновителей», так внутренне глубоко чуждых ремеслу солдата. Через пару страниц он вешает им «камень на шею», чтобы они скорее погрузились в омут забвения. После отличного описания тяжелейшей, исполненной жертв, тревог и опасностей, ночной атаки Малого Гибралтара автор рисует маленькую сценку, завершающую картину этого подвига: *«Эти три часа были часами мучительных ожиданий и тревог. Только днем, через много времени после захвата форта, вошли в него представители Конвента уверенной, молодецкой поступью, с обнаженными саблями, и поблагодарили солдат»*. Да, оказывается, Наполеону присущ еще и дар сатиры. Всего лишь одним словом — «молодецкой», в оригинале heros (герой), он поставил в невыносимо смешное положение комиссаров, которые, не участвуя в штурме, не могли проявить никакого героизма, а лишь имитировали его своим внешним поведением. Когда нет никакой опасности, неуместно напускать на себя героический вид; *«с обнаженными саблями»*, но какой смысл их обнажать, когда противника нет? Как же смешно и карикатурно выглядят они под пером беспощадного к трусам автора!

Казалось бы, здесь он мог бы и поставить точку. Но нет, из глубин памяти извлекает автор еще одну сторону деятельности представителей Конвента, ту сторону, с которой Наполеон никогда не соглашался и о которой не хотел молчать. Пересказывать эту историю — дело неблагодарное. Предоставим слово самому генералу Бонапарту. Итак, Тулон пал, солдаты Республики вступили в город: *«Народные представители, по законам того*

времени, учредили революционный трибунал; но все преступники вместе с неприятелем были далеко, те же, кто решился остаться, чувствовали себя невиновными. Однако трибунал арестовал несколько человек, случайно не успевших уйти с неприятелем, и казнил их во искупление совершенных ими злодеяний. Но восьми — десяти жертв было недостаточно. Прибегли к ужасному средству, характеризующему дух той эпохи: было объявлено, что всем, кто при англичанах сохранил должности в арсенале, надлежит собраться на Марсово поле для записи фамилий. Дали понять, что это делается с целью принять их вновь на службу. Почти 200 человек старших рабочих, мелких приказчиков и других мелких служащих поверили этому и явились; их фамилии были записаны, и тем было удостоверено, что они сохраняли свои места при английском правительстве. Тотчас же на том же поле революционный трибунал присудил их всех к смерти. Батальон санкюотов и марсельцев, вызванный туда, расстрелял их. Подобный поступок не нуждается в комментариях. Это был единственный случай. Как бы то ни было, их расстреляли напрасно» [2; 19].

Анализируя этот отрывок, мы обнаруживаем интересную особенность в авторской оценке происходящего. Во-первых, он снова старается излагать только факты, но по мере того как они сообщаются, Наполеон начинает утрачивать безэмоциональность, а, следовательно, дает оценку происходящему. Он пишет, что оставшиеся в Тулоне арсенальные служители «чувствовали себя невиновными», далее он дает свою оценку деятельности трибунала: «*Но восьми — десяти жертв было недостаточно*». Само их определение как «*жертв*» говорит в пользу того, что они вряд ли так виновны, что достойны смерти, а вот трибунал-то явно кровожаден. В следующей же фразе якобинские комиссары получают от него суровую, но бескомпромиссную оценку. Еще ни слова не сказано о том, что они совершили, но уже высказано бесповоротно осуждение как того, что произойдет, так и самого времени революционного террора: «*Прибегли к ужасному средству, характеризующему дух той эпохи...*». После этого автор снова возвращается к сухому протокольному стилю изложения, что делает описываемые им последовательно события чудовищными. Тут и наивная доверчивость будущих жертв, и бессердечное коварство идей, скрывающих свой замысел под покровом рутинной бюрократической процедуры, и, наконец, мгновенная кровавая развязка события, бьющая по нервам самого «толстокожего» читателя. Потрясает, если вдуматься, резюмирующая фраза: «*Как бы то ни было, их расстреляли напрасно*». Ее вторая половина достойна быть эпитафией на могиле казненных: «*...их расстреляли напрасно*». Бонапарт поднимается до оценочных высот историка и моралиста. Пожалуй, это уже не Цезарь, а так любимый им Тацит судит то, чему свидетелем был он «без гнева и пристрастия». Это «*напрасно*» можно понимать и как признание человека, столько раз проливавшего кровь на поле боя, в том, что без особой нужды лить ее и глупо, и преступно. И еще: это «*напрасно*» хорошо сочетается с письмом 9 февраля 1807 г. к Жозефине, на следующий день после битвы при Прейсиш-Эйлау: «*Вчера произошло ужасное сражение. Я потерял много людей. Поверь мне, душа страдает при виде стольких жертв войны*» [7; N11787].

Он же и сам приказывал расстреливать, но считал, что поступает «по справедливости». В феврале 1799 г. по пути через Синай войска его взяли форт Аль-Ариш. На капитуляцию сдалось около 1500 человек. Этот гарнизон «*покаялся отправиться в Багдад через пустыню, не поднимать оружие против Франции на протяжении этой войны и не возвращаться в течение года ни в Египет, ни в Сирию*» [1; 215]. Но уже 5 марта, при

отражении вылазки осажденных в Яффе, были взяты пленными: «Среди пленнх оказались три албанца, которые сообщили, что весь гарнизон прибыл в Яффу, нарушив условия капитуляции и свою клятву» [1; 225]. 7 марта город был взят штурмом, а далее произошло следующее: «Пленнх оказалось 2500, в том числе 800 или 900 из гарнизона Аль-Ариша. Последнне, после того как они поклялись не возвращаться в Сирию раньше как через год, сделали три перехода в направлении Багдада, но затем обходным путем прибыли в Яффу. Таким образом, они нарушили свою клятву; их расстреляли. Остальнх пленнх отправили в Египет с трофеями, знаменами и т. д.» [1; 227].

Эта история для него была поступком «по справедливости». Она преследовала его до края могилы, он оправдывал свое поведение в Яффе даже в Лонгвуде, на Святой Елене. Осуждающие Наполеона утверждают, что было расстреляно до 4000 пленнх. Как мы видим, он стоял на цифре более чем в четыре раза меньшей. Странно, что он не упомянул о своих трехдневных размышлениях о том, как поступить с ними. Именно об этом обстоятельстве пишет Е.В. Тарле [4; 71]. Почему молчит об этом сам император? Возможно, он не желал, чтобы посчитали, что он оправдывается. Главным мотивом расстрела объявляет он нарушение клятвы, данной при сдаче Аль-Арише. Конечно же, этот довод должен был быть понятен французскому, и вообще европейскому читателю и смягчить их отношение к расстрелу пленнх. Во всяком случае, этот мотив мог отвлечь внимание от другого вопроса к Бонапарту: а насколько серьезно, по-европейски, относились на Востоке к данным клятвам? Не пытается ли «пленник Европы» ослабить эффект от содеянного, приписав пленным арнаутам европейский стандарт поведения?

Во всяком случае, в данной истории он считает себя правым, а сомнения собственной совести пытается заглушить чисто литературным приемом. Бонапарт трижды описывает судьбу сдавшихся, причем конфликт показан в развитии, он идет по нарастающей, все фразы его изложены подчеркнута бесстрастно, как само собой разумеющееся. Эффект от происшедшего он смягчает последней фразой: «Остальнх пленнх отправили в Египет с трофеями, знаменами и т. д.». Понятно, что каждый перед глазами современников и потомков хочет выглядеть справедливым судьей.

Далеко не исчерпав эту интереснейшую тему, мы, однако, приближаемся к финалу статьи, и здесь снова желательно вернуться к четвертой приписке к завещанию умирающего императора. В пункте 5-м написано следующее: «Мы завещаем сто тысяч франков вдове, сыну или внуку нашего адъютанта Мюирона, убитого в Арколе, прикрывшего нас своим телом» [3; 128]. Жан-Батист Мюирон (1774 — 1796) был для Наполеона одним из немногих спутников его молодости, о котором он сохранял память всю свою жизнь. Его имя было присвоено 44-пушечному фрегату, конфискованному в Венеции в 1797 г. На этом корабле генерал вернулся из Египта осенью 1799 г. Утверждается, что имя его император предполагал использовать в качестве псевдонима после своего второго отречения. И вот это имя появляется в приписке к завещанию 24 апреля 1821 г. Там, на далеком острове, затерянном посреди Атлантического океана, умирающий произносит его и скрепляет свою подписью, словно бумажку с паролем, которую вот-вот передаст Харону, чтобы переправиться через холодные воды Стикса и присоединиться к своему верному адъютанту. Возможно, Бонапарт именно так и думал в эту минуту, а может быть, хотел, чтобы так подумали читатели. Во всяком случае, это был красивый литературный ход. Если бы не одно словечко: он опять вместо «меня» упорно пишет «нас», он не может, а, вероятно, и не хочет

быть до конца человечным, императорская маска плотно срослась с его человеческим лицом. Он играет трагедию до конца.

Здесь и можно было бы поставить точку, и предаться элегическим размышлениям. Но не таков император — он в последний раз преподносит читателю и нам с вами сюрприз.

В следующем, 5-м пункте, он вдруг вспоминает об одном из своих верных солдат. За три года до этого, 10 марта 1818 г. ветеран его армии Кантильон с расстояния в два метра стрелял в герцога Веллингтона и... промахнулся. Произошло это за полгода до того, как оккупационная армия, которой командовал британец, должна была покинуть Францию. Вот как писал об этом умирающий:

«...десять тысяч франков младшему офицеру Кантильону, пытавшемуся убить лорда Веллингтона, в чем он был признан невиновным. Кантильон имел такое же право убить этого олигарха, как и тот — отправить меня гибнуть на скалу Святой Елены. Веллингтон, предложивший это, оправдывался интересами Великобритании; Кантильон, если бы он действительно убил лорда, был бы увенчан лаврами и оправдан теми же мотивами — интересами Франции. Франция избавилась бы от генерала, нарушившего соглашение о капитуляции Парижа, ответственного за кровь страдальцев Нея, Лабердойера и других, за преступное разграбление музеев» [3; 128-129].

Кем же предстает Наполеон в этих нескольких строках, последних строках, выражающих его отношение к миру, который он покидает? При их чтении возникает ощущение, что их диктует молодой офицер, живущий в 1793 году. Он употребляет лексику этого яростного времени. Во-первых, он отказывается от третьего лица и именуется в первом лице — «меня». Императорское достоинство как бы исчезает и заменяется величием человеческой личности. Как будто он на мгновение вернулся в ту минуту своего детства, когда, по преданию, 10-летний мальчик на вопрос учителя: «Да кто же вы такой?» — ответил с достоинством: «Я — человек».

Во-вторых, для характеристики социальной личности Веллингтона находит он определение, прямо выхваченное если не из статей Мюрата, то из речей Робеспьера или Сен-Жюста с трибуны Конвента: «олигарх», т.е. враг простого трудового народа, враг Свободы и враг Республики. Более точно и более убийственно трудно было назвать гордого аристократа и щеголя Артура Уэлсли, надменно взирающего на нас с портрета, написанного в 1817 г. Томасом Лоуренсом.

В-третьих, он обвиняет фельдмаршала в том, что не достойно имени СОЛДАТА — тот — убийца, намеренный «отправить меня гибнуть на скалу Святой Елены»; мало этого — бессердечный убийца, не пожелавший внять мольбам супруги Нея и прочих страдальцев: «ответственный за кровь страдальцев Нея, Лабердойера и других». Наконец, герцог просто музейный вор: Веллингтон простодушно и недальновидно принял участие в решении вопроса о возвращении произведений искусства, взятых в разное время Наполеоном в качестве контрибуции и помещенных в музеи Парижа.

Умелый полемист, император ставит на одну доску кичливого герцога и «маленького человека» Кантильона, уравнивает их тем, что унижает Веллингтона и возвеличивает одного из десятков тысяч безвестных солдат Франции. Мы ясно читаем между строк: величие души Кантильона в том, что он, самый рядовой из всех рядовых французов, не защищенный ни знатностью рода, ни богатством, дерзает сразить осененного величием власти, распорядителя 15000 штыков, облеченного доверием могущественнейших монархов, казалось бы, ни для чего и ни для кого не уязвимого британского полководца. Ради чего рискует жизнью Кантильон? Ради интересов Франции. Ради чего «губит» Наполеона Веллингтон? Ради интересов Великобритании. Ну что же, тогда они равны. Какая великолепная, звонкая пощечина герцогу и всем европейским монархам!

Нет, он был неправ, говоря, что человеческая струна сердца его совсем перестала звучать. Просто она приобрела тут совсем иную, грозную тональность.

Итак, мы соприкоснулись с языком Наполеона, увидели его отличные литературные, публицистические способности. Мы увидели и его умение конструировать текст, постепенно усиливать, казалось бы, неявную в начале мысль, а потом, в конце, наносить точный и яркий удар, давать незабываемую характеристику и проявлять свою многогранную личность.

Литература

1. *Наполеон*. Египетский поход. 2000. СПб.: Азбука, 432 с.
2. *Наполеон*. Избранные произведения. Том 1. 1941. М.: Воениздат, 351 с.
3. *Наполеон*. Императорские максимы. 2017. М.: Эксмо-Пресс, 384 с.
4. *Тарле Е.В.* Сочинения в двенадцати томах. Том VII. 1959. М.: Издательство АН СССР, 866 с.
5. *Цезарь Гай Юлий*. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей. В двух томах. Том 1. О Галльской войне. 1991. М.: День, 188 с.
6. *Цезарь Гай Юлий*. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей. В двух томах. Том 2. Гражданская война. Александрийская война. Африканская война. 1991. М.: День, 192 с.
7. *Napoleon*. Correspondance de Napoléon I. T. 14. 1863. Paris: Dumaine, 637 p.

References

1. Napoleon. Egipetskii pokhod. 2000. Saint Petersburg: Azbuka, 432 s. (In Russ.)
2. Napoleon. Izbrannye proizvedeniya. Tom 1. 1941. Moscow: Voenizdat, 351 s. (In Russ.)
3. Napoleon. Imperatorskie maksimy. 2017. Moscow: Eksmo-Press, 384 s. (In Russ.)
4. Tarle E.V. Sochineniya v dvenadtsati tomakh. Tom VII. 1959. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 866 s. (In Russ.)
5. Tsezar' Gai Yulii. Zapiski Yuliyi Tsezarya i ego prodolzhateli. V dvukh tomakh. Tom 1. O Gall'skoi voine. 1991. Moscow: Den', 188 s. (In Russ.)
6. Tsezar' Gai Yulii. Zapiski Yuliyi Tsezarya i ego prodolzhateli. V dvukh tomakh. Tom 2. Grazhdanskaya voina. Aleksandriiskaya voina. Afrikanskaya voina. 1991. Moscow: Den', 192 s. (In Russ.)
7. Napoleon. Correspondance de Napoléon I. T. 14. 1863. Paris: Dumaine, 637 p.

Кипнис Б.Г.
Скрытый смысл наполеоновских текстов
Язык и текст. 2022. Том 9. № 4. С. 67–82.

Kipnis B.G.
Napoleon's Texts: Hidden Meanings
Language and Text. 2022. Vol. 9, no. 4, pp. 67–82.

Информация об авторах

Кипнис Борис Григорьевич, военный историк, лектор, преподаватель, автор курса лекций по «Истории России», член Военно-исторической ассоциации России, консультант военно-исторических реконструкций, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: b.g.kipnis@gmail.com

Information about the authors

Boris G. Kipnis, military historian, lecturer, professor, lecture course author on «History of Russia», member of Russian Military Historical Association, consultant for military-historical reconstructions, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: b.g.kipnis@gmail.com

Получена 01.12.2022
Принята в печать 15.12.2022

Received 01.12.2022
Accepted 15.12.2022

Эсхатологическое видение Иисуса и миллениаристические и тоталитарные наклонности русско-православной эсхатологии

Капилупи С.М.

Санкт-Петербургский государственный экономический университет (ФГБОУ ВО СПбГЭУ),
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0063-8197>, e-mail: s_capilupi@yahoo.it

Каждое христианское поколение переосмысливает то, как оно понимает тайну Христа. Иисус, практикующий иудей, размышлял над Писаниями прошлого, предпочитая загадочное и богатое выражение «Сын человеческий», чтобы говорить о Себе, и в то же время пытаясь понять действия Бога Израиля в Его время. Эта христология «Сына человеческого» имела то преимущество, что не вызывала политического освободительного давидического Мессию, а вместо этого намекала на фигуру, которая будет играть фундаментальную роль в конце времен. Иисус в своем самосознании и в своем учении постепенно достиг уникального синтеза трех фигур: Мессии, Раба страдающего и Сына человеческого. Конец времени — это время, в котором, с точки зрения веры, человек живет после смерти Сына человеческого на кресте и Воскресения Его, в соответствии с «уже и еще нет» Его Царствия, активно ожидая победы над последним врагом — смертью. В русской эсхатологии, как православной, так и «светской» (в смысле специфической «религиозности», которая касается в том числе советской и постсоветской идеологии), часто можно заметить сдвиг неизбежного напряжения сердца верующего (которое должно, напротив, принять и сохранить обе стороны иудео-христианской эсхатологии) либо по вертикали, в сторону литургического или государственного триумфализма, либо по горизонтали, в сторону утопии. Нередко жертвой этих разных видов радикализма оказывается индивидуальная свобода.

Ключевые слова: эсхатология, утопия, смерть, власть, свобода, страдание, воскресение, христианство, Ветхий и Новый завет, Россия.

Для цитаты: Капилупи С.М. Эсхатологическое видение Иисуса и миллениаристические и тоталитарные наклонности русско-православной эсхатологии [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2022. Том 9. № 4. С. 83–91. DOI: [10.17759/langt.2022090409](https://doi.org/10.17759/langt.2022090409)

Eschatological Vision of Jesus and Millenarian and Totalitarian Inclinations of Russian Orthodox Eschatology

Stefano Maria Capilupi

Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0063-8197>, e-mail: s_capilupi@yahoo.it

Every Christian generation must rethink how it understands the mystery of Christ. Jesus, a practicing Jew, meditated on the Scriptures of the past, preferring the enigmatic and rich expression «Son of Man» to refer to Himself, while at the same time trying to understand the actions of the God of Israel in His time. This «Son of Man» Christology had the advantage of not evoking a political emancipatory Davidic Messiah, but instead hinted at a figure who would play a fundamental role at the end of time. Jesus, in his self-consciousness and in his teaching, gradually achieved a unique synthesis of three figures: the Messiah, the suffering Servant, and the Son of Man. The end of time is the time in which, from the point of view of faith, a person lives after the death of the «Son of Man» on the cross and His Resurrection, in accordance with the «no longer and not yet» of His Kingdom, actively awaiting victory over the last enemy — death. In Russian eschatology, both Orthodox and «secular» (in the sense of a specific «religiosity», which also applies to Soviet and post-Soviet ideology), one can often notice a shift in the inevitable tension of the believer's heart (which, on the contrary, should accept and preserve both sides of Judeo-Christian eschatology) either vertically, towards liturgical or state triumphalism, or horizontally, towards utopia. Often the victim of these different kinds of radicalism is individual freedom.

Keywords: eschatology, utopia, death, power, freedom, suffering, resurrection, Christianity, Old and New Testament, Russia.

For citation: Capilupi S.M. Eschatological Vision of Jesus and Millenarian and Totalitarian Inclinations of Russian Orthodox Eschatology. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2022. Vol. 9, no. 4, pp. 83–91. DOI:10.17759/langt.2022090409 (In Russ.).

С точки зрения веры каждое христианское поколение, оставаясь верным Соборам и преданию Церкви, стоит перед задачей выразить своими словами в своем культурном контексте сердце традиции: Бог в человеческом образе явил сущность Своего бытия, в лице Иисуса из Назарета Он открыл всю полноту Своего присутствия.

В этой задаче каждое новое поколение верующих призвано учитывать также видение Христианства как религии не столько Откровения, которое является в первую очередь философским напряжением, присущим еще греческому понятию αλήθεια, «раскрытие», а именно «истина», сколько истолкования Абсолюта, как сказано в Прологе Евангелия от Иоанна: Сын ἐξηγήσατο, «истолковал» Отца, а не «раскрыл», «явил», как обычно пишут и читают. На наш взгляд, диалог между философией и библейской традицией возможен до сих пор и опирается на древнегреческое понимание символа как «союза» (σύμβολον) Видимого и

Невидимого, а не как полной визуализации Невидимого. Знаменитый новозаветный фрагмент Ин 1, 18 утверждает, что только Сын видит Отца и являет Его всем людям. На этом основано общепринятое понимание Христианства как религии откровения. Однако в греческом оригинале сказано иначе: «Сын истолковал Своего Отца»: Иисус переводит божественную природу на человеческий язык, сохраняя понимание непреодолимой дистанции между божественным и человеческим языком.

Толкование всегда подразумевает усилие, поиск, исследование, задачу, науку. Напротив, ограничение религии понятием Откровения содержит в себе риск превратить веру в удобную собственность или монополизировать ее, считая, что она раз и навсегда дана только некоторым людям и от них особенно ничего не требует, кроме ревностной защиты «своего» от «чужого». Поэтому именно диалог между мышлением как откровением и религиозным откровением как толкованием позволяет надеяться на решение конфликта разума и веры, религии и философии, причем решение в данном случае значит не уничтожение, снятие проблемы, а правильное видение плодотворности этой самой напряженной проблематичности для общечеловеческого интеллектуального и этического развития.

В русском православии эта проблема порой усугубляется и осложняется разными недоразумениями в силу следующих причин. Филофей Псковский писал о Москве как о Третьем Риме (около 1523 г. — не позднее 1524 г.). Согласно его концепции, не Европа, а Русь является подлинной наследницей «исчезнувшего римского мира», о котором намного позже писал Данилевский [3].

Если посмотреть еще раньше, «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона (1049 г.) представляет собой первый и оказавший значительное влияние на историю русской религиозной культуры пример осознания русским народом своей роли в развитии человечества. Главной в «Слове» оказывается, конечно, отсылка к притче о работниках на винограднике (Мф 20, 1–16), которая Илариону была нужна, чтобы утвердить равенство и даже некое превосходство русского народа («работника последнего часа») над другими христианскими народами. Однако с богословской точки зрения основной точкой опоры у Илариона оказывается тезис из Евангелия от Иоанна (впрочем, прочитанный лишь в духе самых радикальных утверждений из Послания св. апостола Павла к римлянам): «И от полноты Его все мы приняли благодать на благодать, ибо закон дан чрез Моисея; благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа» (Ин 1, 16–17).

И традиционное толкование, опирающееся на учение св. апостола Павла, и современная экзегетика, анализируя древнегреческий текст, доказывают, что речь здесь идет не о том, что благодать «заместила», «заменила» закон, а о том, что благодать «умножилась» благодатью, т. е. к Божьему дару Закона добавился и Божий дар Боговоплощения. Это толкование подтверждается словами Христа из Евангелия от Матфея: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить» (Мф 5, 17). Воплощение не «замещает», а «свершает» Закон, если использовать гегелевскую терминологию. Антиномия Благодати и Закона, о которой подробно говорил Б. П. Вышеславцев в 1-м томе книги «Этика преображенного Эроса» [2] применительно к Ф. М. Достоевскому и русской мысли, более соответствует не Евангелию, а радикальному духу, присутствующему прежде всего в Послании св. апостола Павла к римлянам в его толковании Августином Блаженным, то есть парадоксальным образом именно в толковании того Запада,

который русская традиция так часто критикует.

Именно в контексте замещения Закона Благодатью русская мысль и прошла путь от утверждения Илариона до пророчества монаха Филофея Псковского, согласно которому «Москва — Третий Рим» замещает окончательно и Рим, и Константинополь. В свою очередь, русский православный панславизм толковал и толкует слова Илариона и Филофея односторонне и вполне определенным образом.

Все это возвращает нас именно к тому образу политического Мессии, которого Иисус так настойчиво старался избегать, общаясь и с дальними, и с ближайшими учениками. Иисус думал о своей собственной идентичности, исходя из ресурсов, которые были в его распоряжении в контексте его веры и культуры — благочестивого галилейского иудаизма на арамейском языке, иудаизма, богатого ритуальными традициями и практиками, основанными на псалмах и молитве в синагоге, центрированной на прославлении и чтении Священного Писания.

Быть человеком, по сути, всегда означает думать о своей индивидуальности, о смысле своей жизни и своей судьбы в определенном религиозном и культурном контексте. Поэтому следует задать вопрос о текстах, молитвах и верованиях, которые сформировали, так сказать, грамматику, из которой постепенно развилась личная вера Иисуса [2], та вера Сына, благодаря которой и совершились чудеса, которые делает всегда только Отец, что сразу видно в Евангелии на греческом, где в каждом рассказе о чудесах присутствует богословский пассивный залог.

Чем больше мы открываем для себя религиозный и культурный мир I века, тем ближе мы подходим к Иисусу. Обнаружение кумранских манускриптов было важным шагом в этом путешествии к новому открытию разнообразия еврейского общества того времени. Мы также получили более широкое представление о богатстве письменной религиозной продукции в так называемый межзаветный период. Исследуя некоторые важные богословские темы, например, преследование пророков, мы получаем информацию о богословском мире, в котором жил Иисус. Он ходил в синагогу и никогда не переставал это делать. Он ходил в Храм на праздники и никогда не переставал туда ходить. Он научился читать и знал Священное Писание, которое мог цитировать. И знаменитые заповеди блаженства, и молитва «Отче наш» имеют много общего с текстами Торы и еврейскими молитвами того времени [1]. Признавая это, мы вовсе не отрицаем их оригинальность, наоборот — получаем возможность лучше ее видеть. Иисус начал говорить о Себе, многократно и несколько таинственным образом используя выражение «Сын Человеческий».

Делал ли кто-нибудь это до него? Что говорит это именование о личности Иисуса и о Его отношениях с Отцом? Прояснить эту загадку нам помогает текст, до недавнего времени известный нам только в эфиопской версии — книга Еноха. После того, как фрагменты этой книги были найдены в пещерах Кумрана, мы знаем, что существовала древняя арамейская версия. Книга Еноха так значима для нас, потому что она говорит о преемственности темы Сына Человеческого, которая очень важна для приближения к самосознанию Иисуса. Если мы придерживаемся собственно библейских писаний, только книга пророка Даниила вызывает в памяти эту оригинальную фигуру, тесно связанную с человечеством в самом своем названии и все же обладающую божественными атрибутами, в частности, восхождением на небесные облака и судом над землей (ср.: Дн 9, 13; Енох 46, 2–3). Мы

также можем отметить, что Евангелия сохраняют тему Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных, в эсхатологическом контексте, но ясно, что здесь мы имеем дело со вторым пришествием, когда Иисус Сын Человеческий явится во славе. Из материала, собранного традицией, ясно видно, что Иисус дистанцировался от титула Мессии. У Марка Он принимает этот титул только в конце Своего пути, когда его допрашивает первосвященник (ср. Мк 14, 62). Однако очень ясно обнаруживается Его предпочтение титула «Сын Человеческий», которым, кажется, именовал Себя только Он и который почти сразу исчезнет из христианской традиции: уже у апостола Павла он совершенно отсутствует.

Иисус охотно использует язык притч, чтобы выразить то, что находится в центре его проповеди — Царство Божие. Выбор этого стиля указывает на то, что он намерен предоставить своим слушателям свободу толкования и отказывается предписывать или приказывать, как государь или посланник, который может похвастаться титулом. Фактически в Ветхом Завете притчи используются второстепенными или бессильными персонажами (ср. 2Цар 12). Кроме того, как на арамейском, так и еврейском наименование Сын Человека или Сын Человеческий неоднозначно. Это может быть привычным способом обращения к простому человеку. Таким образом, Бог обращается к пророку Иезекиилю, где это выражение, по-видимому, не имеет почетного значения (ср. Иез 2,1; 3,1 и т. д.). Это выражение возвращается в важном для Иисуса отрывке — в описании пастыря, посланного Богом заботиться о своих овцах (ср. Иез 34). Возможно, это может относиться к таинственной эсхатологической фигуре, представленной Даниилом. Все обыгрывается в наличии или отсутствии артикля, которое может остаться незамеченным: Сын Человека или Сын Человеческий? Это вопрос, который Иисус эллиптически задает своим собеседникам. Таким образом, использование этого выражения позволяет Иисусу выразить Свою идентичность достаточно деликатно, позволяя тем, у кого есть уши, услышать и почувствовать в том числе интенсивность и близость уникальных отношений, связывающих Его с Богом. Более того, удивительно, что Иисус, используя это выражение, говорит о Себе в третьем лице. Таким образом, он раскрывает христологию намеренной смысловой широты и деликатности. «Кто имеет уши, чтобы слышать, пусть слушает!» (Мк 4, 9). Выбор Иисусом именования Сын Человеческий не только указывает на Его желание избежать слишком легких ярлыков (таких, как Мессия), переопределяемых политическими ожиданиями. Предпочтение этого именования выражает также Его веру в то, что он совершенно уникальным и неразрывным образом соединен с Богом, поскольку эта фигура ассоциируется с самой властью Бога, с Его судом и Его престолом.

Данные Евангелий указывают на то, что Иисус произвел своего рода триангуляцию между тремя терминами Священного Писания, которые определяют образ спасителя, являющегося в будущем. Прежде всего, это термин «Мессия», который Иисус принимает, когда Петр обращается к Нему (ср. Мк 8, 29; Мф 16, 16 и Лк 9, 20), но который Он тут же наполняет другим содержанием, объясняя таким образом Свою миссию: «Сыну Человеческому придется много пострадать» (Мк 8, 31). Второй термин, связанный с книгой Даниила (ср. Дан 7, 13–14), — Сын Человеческий. Однако возникает проблема: в книге Даниила нигде нет упоминания о каких-либо страданиях, которые должен претерпеть этот персонаж, восседающий на облаках небесных и наделенный царской властью. Связь между страданием и Мессией — Сыном человеческим, по-видимому, объясняется добавлением третьего термина — страдающий Раб, описанный пророком Исайей в четвертой песни о Рабе Божьем

(ср. Ис 52, 13–53, 12). О нем сказано: «Праведный мой раб многих будет оправдывать, беззакония их возьмет на Себя» (Ис 53, 10–11). В этой загадочной фигуре выделяются два очень важных элемента: во-первых, Раб жертвует своей жизнью не только за Израиль, но и за множество людей; во-вторых, его путь проходит через добровольное принятие страдания и смерти. Таким образом, новизна первоначальной христологии Иисуса заключается в уникальной комбинации трех терминов, унаследованных из Священного Писания в его современном прочтении.

Даже если верно, что все евангелисты разработали свою собственную повествовательную стратегию и предпочли выделить одни библейские тексты, а не другие, желая при этом безоговорочно подтвердить божественность Иисуса, факт остается фактом: все они в значительной степени остались верны исходной библейской герменевтике своего Учителя. Другими словами, евангелисты делают Иисуса прежде всего Сыном Человеческим, Человеком, обращенным к малым и низшим из общества, не заботящемся о создании видимой божественной идентичности, — впрочем, безусловно и безоговорочно исповедуемой верой евангелистов, приверженных убеждению, что все люди — дети Божьи, Рабом, желающим отдать жизнь Свою не только за всех «заблудших овец дома Израилева» (Мф 15, 24), но и за «множество» (Ис 53, 11–13), т. е. за все человечество, — словом, глубоко верующим иудеем, сведущим в Писании и понявшим в молитве, что Он — Посланник последних времен, Сын Человеческий, принимающий миссию страждущего Раба, прежде чем стать Сыном Человеческим, грядущим «на облаках с великою силою и славою» (Мк 13, 26). Христианство предполагает интериоризацию Торы, веру в то, что пришло время жить как Мессия, подражая качествам Самого Бога: прощению, дарованию себя, радикальному выходу из себя. Это предполагает полную духовную отдачу, революцию внутри религии, а не просто другую религию. В основном христиане хотели бы иметь религию, подобную всем остальным, — так сказать, спокойную религию, основанную на соблюдении определенного количества правил и выполнении определенного количества обрядов. Но духовный огонь, воплощенный Иисусом, имеет мало общего с этой прозаической реальностью. То, как Иисус соединяет «низкую» христологию благоразумия, играющую на двусмысленном выражении «Сын Человеческий», с «высокой», эсхатологической христологией, подчеркивающей Его уникальную связь с Отцом, всегда открывает перспективу для каждой Церкви каждой эпохи: очеловечить мир во Христе, чтобы обожествить человека во Христе.

Это определенным образом отразилось в русской эсхатологии как церковной, так и, в некотором смысле, светской матрицы. Византийское наследие, с одной стороны, принесло отчуждение или страх перед политическими и социальными конфликтами, которые Запад переживал еще со времен падения Римской империи. Эти конфликты в разные эпохи принимали разные очертания и носили разный характер, доходя до особой напряженности в индустриальную эпоху и принимая радикально новые формы в XX веке. На Востоке ощущение отчуждения от реальности повседневных конфликтов помогло создать концепцию эсхатологии, далекую современному видению грядущего Царства Божия, смысл которого выражается как «уже и еще нет». Несмотря на это, своего рода эсхатологическая напряженность, присутствующая в мировосприятии героев Достоевского и многих русских философов Серебряного века, богословски определяется именно как «уже и еще нет» — формула, родившаяся в немецкой библейской экзегезе конца XIX века и развивавшаяся на протяжении всего XX века у Гункеля, Рада, Вестерманна, Ранера, Бальтазара [4],

Мольтманна, причем некоторые из этих ученых были внимательными и чуткими читателями Достоевского.

«Уже и еще нет» эсхатологического антиномизма, объединяющего литературное творчество Достоевского и европейское историко-филологически-богословское творчество XX века, присутствует и в христианском вероучении всех церквей: «Твою смерть возвещаю, Господи, и воскресение Твое исповедую, ожидая пришествия Твоего». В Евангелии есть следующие слова: «Но настанет время, и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине» (Ин 4, 23); по-латински: «Sed venit hora, et nunc est, quando veri adoratores adorabunt Patrem in spiritu et veritate», по-гречески: «ἀλλὰ ἔρχεται ὥρα καὶ νῦν ἐστὶν, ὅτε οἱ ἀληθινοὶ προσκυνῆται προσκυνήσουσιν τῷ πατρὶ ἐν πνεύματι καὶ ἀληθείᾳ».

На латыни — *venit*, в оригинальном древнегреческом — *ἔρχεται*, но смысл один и тот же: время еще «приходит», не «пришло», как напротив написано, например, в официальной Библии на итальянском, по понятным причинам ориентированной на то, чтобы подчеркнуть римско-католическую точку зрения об уже полном пришествии Святого Духа. Однако в словах Христа содержится особый парадокс, который на первый взгляд может показаться вполне человеческим уточнением собственной речи, но на самом деле таит в себе эсхатологическую антиномию: «наступает время, и настало уже». На протяжении веков эта антиномия остается плодотворной для человеческих умов и сердец. Не случайно у Достоевского развивается сильное напряжение между оправданием власти и оправданием свободы. Фактически на русской почве исторически сложилась вертикальная эсхатология «все уже свершилось», принимающая очертания как литургического подъема, так и государственной экзальтации.

Понятие состояния и общественного договора, передаваемое в западных языках словами *status*, *state*, *etat*, по-русски звучит как государство, что буквально на любом другом языке переводится именно как господство, абсолютная власть государя, по-итальянски *signoria* (как было у Медичи). Поразительно, как все постсредневековые бодиновские размышления о суверенитете государства ассимилируются также в России, но затем развиваются в постоянном искушении вырваться из европейской матрицы, их породившей, что делает еще труднее общечеловеческий непрерывный поиск гармонии между идеей общего блага и идеей личного достоинства, который отражен также в характерном для Достоевского противоречии между оправданием власти и оправданием индивидуальной свободы. Эсхатология проявляет тоталитарные черты, когда становится только вертикальной, в смысле «уже завершилось». В то же время русская земля оказалась также родиной для множества как религиозных сект в XVIII–XIX веках, так и политических анархистских и социалистических движений, вплоть до советского опыта. Эсхатология проявляет, так сказать, милленаристские черты, когда становится лишь горизонтальной в смысле «еще нет».

Христос произносит на Кресте «Совершилось», явно придавая совершенно эсхатологический смысл Своей Смерти еще до Своего Воскресения, «смертью смерть поправ». Последнее обещание Нового Завета — это обетование Апокалипсиса о том, что смерти, источника и вершины всех страхов и боли, больше не будет. Напротив, специфический интерес русского православия к книге Откровения, тревожные поиски антихриста, почти всегда идентифицируемого в Другом и в чужеземце, а не в возможности внутреннего врага, затемняют основной смысл последней книги Библии, чья

перенасыщенность символами является результатом особого контекста II века после Р. Х., когда тревожное ожидание второго пришествия привело к необходимости успокаивать души многих с помощью сильных и сложных образов. Христиане должны уже чувствовать себя в Эсхатоне, в последних временах, мужественно принимая парадоксы и противоречия мира и своего сердца, не отказываясь при этом от борьбы со всякой несправедливостью. Для того, чтобы жить в когнитивном расколе между тайной Христовых Смерти и Воскресения, придающей достоинство всякой боли и всякой радости, и ожиданием второго пришествия, делающего только радость и справедливость окончательными и вечными реальностями, христианину необходимо научиться переживать свои тревоги в измерении единства и солидарности со всеми своими братьями, которые тоже стали детьми смертного человека и бессмертного Бога [5], в измерении, которое всякий профессиональный и культурный раскол и всякий религиозный национализм только уничтожают.

Литература

1. *Вышеславцев Б.П.* Этика преображенного Эроса. 1931. Paris: YMCA press. 273 с.
2. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. 1995. СПб.: Глаголь. 513 с.
3. *Вермеш Геза.* Иисус — еврей. «Историческое чтение Евангелий». / Пер. с англ. для библиотеки богословского клуба ESXATOS. М.: ББИ. 2019. 198 с.
4. *Balthasar H.-U. von.* La foi du Christ. 1968. Paris: Aubier.
5. *Rastoin M.* Jésus: Un «Fils de l'Homme» tourné vers les «Fils de Dieu». Un nouveau regard sur Mt 11,27 et Le 10,22 // Nouvelle Revue Théologique. 2017. № 63. P. 355–369.

References

1. Vysheslavtsev B.P. Etika preobrazhennogo Erosa. 1931. Paris: YMCA press. 273 s. (In Russ.).
2. Danilevskii N.Ya. Rossiya i Evropa. Vzglyad na kul'turnye i politicheskie otnosheniya slavyanskogo mira k germano-romanskomu. 1995. Saint Petersburg: Glagol". 513 s. (In Russ.).
3. Vermesh Geza. Iisus — evrei. «Istoricheskoe chtenie Evangelii». / Per. s angl. dlya biblioteki bogoslovskogo kluba ESXATOS. Moscow: BBI. 2019. 198 s. (In Russ.).
4. Balthasar H.-U. von. La foi du Christ. 1968. Paris: Aubier.
5. Rastoin M. Jésus: Un «Fils de l'Homme» tourné vers les «Fils de Dieu». Un nouveau regard sur Mt 11,27 et Le 10,22 // Nouvelle Revue Théologique. 2017. № 63. P. 355–369.

Информация об авторах

Капилуччи Стефано Мария, кандидат философских и филологических наук, доцент Русской христианской гуманитарной академии, доцент Санкт-Петербургского государственного экономического университета, предметный эксперт кафедры политической философии Римского государственного университета «Ла Сапьенца», Санкт-Петербургский государственный экономический университет (ФГБОУ ВО СПбГЭУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0063-8197>, e-mail: s_capilupi@yahoo.it

Information about the authors

Stefano Maria Capilupi, PhD in Philosophy and Philology, Associate Professor of Russian

Капилупи С.М.
Эсхатологическое видение Иисуса и
миллениаристические и тоталитарные наклонности
русско-православной эсхатологии
Язык и текст. 2022. Том 9. № 4. С. 83–91.

Capilupi S.M.
Eschatological Vision of Jesus and Millenarian and
Totalitarian Inclinations of Russian Orthodox Eschatology
Language and Text. 2022. Vol. 9, no. 4, pp. 83–91.

Christian Humanitarian Academy and Saint Petersburg State University of Economics, Subject
Expert at the Chair of Political Philosophy of University of Rome «La Sapienza», Saint Petersburg
State University of Economics, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0063-8197>, e-mail: s_capilupi@yahoo.it

Получена 01.12.2022
Принята в печать 15.12.2022

Received 01.12.2022
Accepted 15.12.2022

«Бытие только тогда и начинает быть, когда ему грозит небытие»: В поисках Достоевского, или к юбилею Б.Н. Тихомирова

Дергачева И.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4878-2027>, e-mail: krugh@yandex.ru

Данная статья, написанная к юбилею Б.Н. Тихомирова, одного из самых заслуженных исследователей творчества Ф.М. Достоевского, является попыткой отразить масштаб его уникальной деятельности по популяризации творческого наследия великого русского писателя. Огромным достижением юбиляра является его подвижническая деятельность по систематизации и публикации автографов Ф.М. Достоевского, герменевтическое толкование его текстов с позиции святоотеческой христианской традиции и описание локусного петербургского текста, с ювелирной точностью отражающего топографию писателя и его героев. Особый вклад Б.Н. Тихомиров внес в эдиционную текстологию, подготовив реальные, мифопоэтические и историко-литературные комментарии к текстам Достоевского. Научная мысль Б.Н. Тихомирова охватила каждый аспект филологического знания о великом русском писателе и его произведениях, его работы демонстрируют широту методологии и разнообразие методик литературоведческого анализа художественного и публицистического текста Достоевского, историко-литературного процесса его времени, фрагментов литературной жизни.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, Б.Н. Тихомиров, рукописное наследие, эдиционная текстология, богословие, герменевтический анализ, литературная антропология, локусный петербургский текст.

Для цитаты: Дергачева И.В. «Бытие только тогда и начинает быть, когда ему грозит небытие»: В поисках Достоевского, или к юбилею Б.Н. Тихомирова [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2022. Том 9. № 4. С. 92–102. DOI:10.17759/langt.2022090410

«Being Only Then Begins to Be When It Is Threatened with Non-being»: In Search of Dostoevsky, or to the Anniversary of B.N. Tikhomirov

Irina V. Dergacheva

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4878-2027>, e-mail: krugh@yandex.ru

This article, written for the anniversary of B.N. Tikhomirov, one of the most distinguished researchers of F.M. Dostoevsky, is an attempt to reflect the scale of his unique activity in popularizing the creative heritage of the great Russian writer. A huge achievement of the hero of the day is his selfless activity in systematizing and publishing autographs of F.M. Dostoevsky, a hermeneutic interpretation of his texts from the standpoint of the patristic Christian tradition and a description of the locus Petersburg text, reflecting the topography of the writer and his characters with jewelry accuracy. The special contribution of B.N. Tikhomirov introduced textual criticism into the editorial field by preparing real, mythopoetic, historical and literary commentaries on Dostoevsky's texts. Scientific thought of B.N. Tikhomirov covered every aspect of philological knowledge about the great Russian writer and his works, his works demonstrate the breadth of methodology and the variety of methods of literary analysis of Dostoevsky's literary and journalistic text, the historical and literary process of his time, fragments of literary life.

Keywords: F.M. Dostoevsky, B.N. Tikhomirov, manuscript heritage, editorial textology, theology, hermeneutic analysis, literary anthropology, locus Petersburg text.

For citation: Dergacheva I.V. «Being only then begins to be when it is threatened with non-being»: In search of Dostoevsky, or to the anniversary of B.N. Tikhomirov. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2022. Vol. 9, no. 4, pp. 92–102. DOI:10.17759/langt.2022090410 (In Russ.).

Использование антитезы в творчестве Ф.М. Достоевского как основного принципа поэтики обусловлено аксиологией писателя, суть которой раскрыта им в одной из дневниковых записей 1875–1876 гг.: «Бытие только тогда и есть, когда ему грозит небытие. Бытие только тогда и начинается быть, когда ему грозит небытие» [4, с. 240]. Бинарные оппозиции, столь характерные для метода христианского символизма русской словесности с момента ее зарождения, становятся определяющими и в художественном мире Достоевского, реализуясь в использовании антитезы как художественного приема, обозначающего контрасты разного рода. Неутомимым борцом с «небытием», равно как и с ложными интерпретациями аксиологии Ф.М. Достоевского, является Борис Николаевич Тихомиров, неустанно приближающий нас к разгадке личности великого писателя, донося до наших сердец его духовные идеалы в категориях «большого времени».

Борис Николаевич Тихомиров известен в России и за рубежом как крупный российский

Дергачева И.В.

«Бытие только тогда и начинает быть, когда ему грозит небытие»: В поисках Достоевского, или к юбилею Б.Н. Тихомирова
Язык и текст. 2022. Том 9. № 4. С. 92–102.

Dergacheva I.V.

«Being Only Then Begins to Be When It Is Threatened With Non-being»: In Search of Dostoevsky, or to the Anniversary of B.N. Tikhomirov
Language and Text. 2022. Vol. 9, no. 4, pp. 92–102.

учёный, доктор филологических наук, заместитель директора по научной работе Литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского в Санкт-Петербурге, президент Российского общества Достоевского. Поэтому особенно поражают его отзывчивость и скромность, характерные, впрочем, для великих и состоявшихся людей. С благодарностью вспоминаю, как охотно он откликнулся на просьбу выступить с докладом на международной конференции «Достоевский в Италии и славянский вопрос», организованной в Московском государственном институте культуры 7 марта 2020 года. Неудивительно, что Б.Н. Тихомиров выступил с яркой и интригующей темой: «Италия в детском чтении Достоевского: Радклиф или псевдо-Радклиф?», ведь разрабатываемые им сюжеты всегда поражают исключительной яркостью, в них непременно кроется интрига, приводящая к новой интерпретации уже, кажется, известных лиц и событий. Позволю заметить, что итальянские мотивы в творчестве Достоевского исследованы Борисом Николаевичем в самых разных аспектах и, хочется надеяться, ждут обобщения в отдельном издании.

Подобно Ницше, рассматривавшему искусство как возможность изменения феноменального мира до высот совершенства, Борис Николаевич Тихомиров влияет на современный культурный контекст, очерчивая новые пространства в достоевсковедении, вписывая их в топографию летописи жизни и творчества Достоевского. Его критические работы — не только постоянное воспроизведение мира, в котором живут герои писателя, но и размышления о том, кто такие мы сами. Это позволяет осмыслить его критическое творчество как мимесис, воспроизводящий идеи и образы Достоевского с их особой функцией, направленной на духовное усовершенствование природы человека. В своих исследованиях Б.Н. Тихомиров не допускает, чтобы воображаемое было поглощено прагматикой реального мира, сосредоточивая внимание на природе наших духовных ресурсов. Блестящий текстолог, работающий с рукописными материалами Достоевского, Б.Н. Тихомиров в своих исследованиях задает определенные рамки для методов интерпретации, выстраивая свои доказательства утверждений, исходя из природы текстов писателя.

Б.Н. Тихомиров убедительно доказал, что Достоевский модифицирует человеческие характеры, освещая особенности, скрытые в обычной жизни от взглядов людей и доступные лишь в литературных произведениях. Отражение Борисом Николаевичем культурного контекста эпохи Достоевского позволяет нам глубже осмыслить его и почувствовать свою связь с ним, поэтому дешифровка культурного кода текстов писателя является средством формирования культурной реальности. Исследования Тихомирова зеркально отражают эту реальность, откликаясь на наши духовные потребности посредством идеации. Используя метод литературной антропологии, Б.Н. Тихомиров представляет модели интерпретации, становящиеся альтернативой нашему состоянию. Духовный опыт, которым он с нами щедро делится, возвышает наши души.

Особенно поражает творческая разносторонность интересов Б.Н. Тихомирова в подходе к изучению творческого наследия Ф.М. Достоевского. Будучи не только блестящим теоретиком в исследовании творчества писателя, но и практиком, имеющим большой опыт в чтении курсов и спецкурса по творчеству Достоевского, Б.Н. Тихомиров внес большой вклад в изучение абсолютно всех аспектов, связанных с личностью писателя, его биографии,

Дергачева И.В.

«Бытие только тогда и начинает быть, когда ему грозит небытие»: В поисках Достоевского, или к юбилею Б.Н. Тихомирова
Язык и текст. 2022. Том 9. № 4. С. 92–102.

Dergacheva I.V.

«Being Only Then Begins to Be When It Is Threatened With Non-being»: In Search of Dostoevsky, or to the Anniversary of B.N. Tikhomirov
Language and Text. 2022. Vol. 9, no. 4, pp. 92–102.

творческого пути и изучения его творческого наследия. Автор 7 монографий и более 200 статей, Б.Н. Тихомиров стал постоянным автором самых авторитетных журналов, исследующих творчество Ф.М. Достоевского: «Неизвестный Достоевский»; сборник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН «Достоевский: Материалы и исследования»; альманах «Достоевский и мировая культура»; *Dostoevsky Studies*, «Русская литература», «Русская речь».

Огромный вклад в изучение биографии и творческого пути Ф.М. Достоевского внесен Борисом Николаевичем в рамках таких коллективных трудов, как «Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского» [7], «Библиотека Ф.М. Достоевского: Опыт реконструкции: Науч. описание» [1], «Достоевский и XX век» [3], «Хроника рода Достоевских» [29], «Достоевский: Сочинения, письма, документы» [5], один из составителей альбомов «Образ Достоевского в фотографиях, графике, живописи, скульптуре» [8], «Образы Достоевского в книжной иллюстрации и станковой графике» [9].

Совершенно закономерно, что в 2011 г. Борис Николаевич Тихомиров совместно с В.Н. Захаровым и В.Ф. Молчановым был удостоен Всероссийской историко-литературной премии «Александр Невский» 1-й степени за подготовку двухтомного издания «Евангелие Достоевского» [6].

Особенно ценный вклад Б.Н. Тихомиров внес в исследование локусного петербургского текста Достоевского. Автор иллюстрированного путеводителя «Петербургские адреса Достоевского, или Пешком вокруг Владимирского собора» [23], «"А живу в доме Шиля...": Адреса Ф. М. Достоевского в Петербурге, известные и неизвестные» [13], монографии «Достоевский на Кузнечном: Даты. События. Люди» [22], в 2022 г. Б.Н. Тихомиров издает новый уникальный труд по топографии Достоевского [19]. С одной стороны, как сообщает об этом сам автор, *«исследование, положенное в основу настоящей книги, выполнено в классических традициях петербургского литературного краеведения, основоположником которого в начале 1920-х гг. явился Н.П. Анциферов... Но в то же время это совершенно новое и даже неожиданное по своему предмету исследование»* [19, с. 8]. Ранее исследователи описывали в своих работах места, связанные с жизнью и творчеством Ф.М. Достоевского (особенно подробно описана топография романа «Преступление и наказание»), но Невский проспект, этот важнейший концепт для дискурса русской классической словесности, выпадал из этих аспектов изучения. В данной работе Б.Н. Тихомиров представил читателю необыкновенно живую и яркую картину эпизодов жизни писателя, связанных с его пребыванием на Невском проспекте: *«Достоевский на Невском выступал на литературных благотворительных чтениях; бывал в гостях у родных, друзей, знакомых, литераторов, в книжных магазинах, ресторанах и кафе, в аристократических салонах, в резиденции цесаревича Александра Александровича в Аничковом дворце; молился в Знаменской церкви и Казанском соборе и т.п.»* [19, с. 9]. Книга написана так ярко, как будто бы от лица современника Федора Михайловича, читателю трудно представить, какой огромный труд по работе с архивными источниками провел автор по привлечению *«архивных источников, адресных книг, справочников и периодики XIX в., малоизвестных мемуаров и дневников. Большинство адресов на Невском проспекте, связанных с именем Достоевского, вводятся в научный оборот и рассматриваются в единой картине впервые»*

Дергачева И.В.

«Бытие только тогда и начинает быть, когда ему грозит небытие»: В поисках Достоевского, или к юбилею Б.Н. Тихомирова
Язык и текст. 2022. Том 9. № 4. С. 92–102.

Dergacheva I.V.

«Being Only Then Begins to Be When It Is Threatened With Non-being»: In Search of Dostoevsky, or to the Anniversary of B.N. Tikhomirov
Language and Text. 2022. Vol. 9, no. 4, pp. 92–102.

[19, с. 9].

Б.Н. Тихомиров постоянно работает в архивах с рукописным наследием писателя, помимо исследования топографии, биографии и генеалогии рода Ф.М. Достоевского, он много и плодотворно занимается текстологическим анализом и комментированием его текстов. Подготовленные Б.Н. Тихомировым комментированные издания произведений Достоевского выходили во многих российских издательствах; особый интерес представляют его примечания в томах Полного собрания сочинений Достоевского «Канонические тексты», выпускаемого Петрозаводским государственным университетом под редакцией профессора В.Н. Захарова.

Другой гранью творческого таланта Б.Н. Тихомирова является герменевтический анализ художественных произведений Достоевского, основанный на изучении черновых записей писателя и охватывающий все уровни его текста (сюжетный, исторический и символический) в полном соответствии с аксиологическими воззрениями писателя. Особенно широкий резонанс вызвала монография Б.Н. Тихомирова «„Лазарь! гряди вон“». Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в совр. прочтении: Книга-комментарий», рецензии на нее вышли в авторитетных российском и американском журналах [11; 32].

В 2006 г. Б.Н. Тихомиров в Петрозаводском государственном университете защитил докторскую диссертацию на тему «Религиозные аспекты творчества Ф.М. Достоевского: Проблемы интерпретации, комментирования, текстологии: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01», текст которой частично вошел в первый раздел «Бог, Христос, человек в наследии Достоевского» монографии Тихомирова «...Я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком». Статьи и эссе о Достоевском» [12]. С этого времени аксиология Достоевского становится у Бориса Николаевича Тихомирова предметом углубленного изучения, отражена в целом комплексе исследований религиозной концептосферы писателя: от исследования «Христологии Достоевского» [21] до описания иконы «Божией Матери «Всех скорбящих радость», перед которой в домашней обстановке молился создатель романа «Братья Карамазовы»» [15, с. 2]. Закономерно, что особое внимание Б.Н. Тихомиров обратил на эсхатологическую концепцию Достоевского, убедительно доказав, что на изображение им инобытия в рассказе «Бобок» повлияло произведение шведского мистика Эммануила Сведенборга «О небесах, о мире духов и об аде», находившееся в домашней библиотеке писателя, и привел детальную библиографию работ российских и зарубежных ученых, посвященную исследованию влияния мистических взглядов Сведенборга на эсхатологию Достоевского [16].

Вступив в 1993 г. в должность заместителя директора по научной работе Литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского, Б.Н. Тихомиров становится с 1994 г. организатором Международных научных конференций «Достоевский и мировая культура», а также составителем и ответственным редактором, совместно с Н.Т. Ашимбаевой, петербургских выпусков альманаха «Достоевский и мировая культура», а также членом редколлегии периодической серии Международного общества Достоевского «Dostoevsky Monographs». Неизменный интерес вызывают музейные выставки, регулярно организуемые Борисом Николаевичем: «Любовь Достоевская — дочь писателя» (1999, СПб. — Больцано;

совм. с итальянской культурной ассоциацией «Русь»); выставка к 150-летию романа «Преступление и наказание» 15 января 2016 г.; «Федор Достоевский и Лев Толстой» (2010–11, СПб. — Тула; совм. с Музеем-усадьбой Л. Толстого «Ясная Поляна» и Гос. музеем Л. Толстого); «Образы Достоевского в книжной иллюстрации и станковой графике» (2011) (две последние в соавт. с Н. Ашимбаевой); «Достоевский. Жизнь и творчество: pro et contra» — так называется новая литературная экспозиция, которая открылась в 2021 г. петербургском музее писателя накануне его 200-летия.

Особую ценность представляют введение и комментарии Б.Н. Тихомирова к первому русскому переводу с французского оригинала книги Л.Ф. Достоевской «Мой отец Федор Достоевский». В биографическом очерке Б.Н. Тихомиров раскрывает очередной парадокс писателя, обозначив особенности позднего творчества Достоевского, пронизанного апокалиптическими предвидениями, и спокойствием и умиротворенностью его семейной жизни: *«Ибо предельно трагедийно, «апокалиптически» виденье человеческой жизни, явленное в творчестве писателя, где герои самую свою судьбу — через «надрыв», через преступление, через самоубийство решают «неразрешимые», «проклятые» вопросы, мучаются проблемой «существования Божия», где человека разрушают сладострастие и гордыня, где любовь неразрывно переплетается с ненавистью... Но по крайней мере в последние полтора десятилетия жизни и — парадокс! — именно тогда, когда писателем создаются его величайшие романы-трагедии, когда нарастают апокалиптические настроения на страницах публицистического «Дневника писателя», судьба дарует Достоевскому прежде столь недоступное ему семейное счастье» [2, с. 9].*

Колоссальная подвижническая работа по увековечиванию творческого наследия Ф.М. Достоевского не ограничивается научными трудами и организациями литературных экспозиций Музея. Б.Н. Тихомиров ведет активную работу по популяризации творчества Достоевского в мировом культурном пространстве: выступает с лекциями на международных и всероссийских конференциях, с 1998 г. является членом, с 2000 вице-президентом Международного общества Достоевского, с 2006 — президентом Российского общества Достоевского. Работы Б.Н. Тихомирова переведены на английский, японский, итальянский, немецкий языки. Идеальный образ ученого, нарисованный Достоевским в «Дневнике Писателя», в полной мере относится к личности Бориса Николаевича: *«В обществе хоть и профессор, хоть и ученый, талант, но чтоб честный и истинный» [4, с. 269].* Преобразуя «ежедневно-нашущное» и вознося наши души в горный мир идеалов писателя, Борис Николаевич Тихомиров неуклонно утверждает «бытие» Федора Михайловича Достоевского и бессмертие его Богословия.

Литература

1. Библиотека Ф.М. Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание / Сост.: Н.Ф. Буданова («Основной раздел», «Приложение»), Н.С. Быкова («Основной раздел», «Приложение»), С.А. Ипатова («Основной раздел»), Л.Г. Мироненко («Приложение»), Б.Н. Тихомиров («Приложение»), И.Д. Якубович («Основной раздел»). 2005. СПб.: Наука. 338 с.
2. Достоевская Л.Ф. Мой отец Федор Достоевский / Л.Ф. Достоевская; [Вступительная статья, общая редакция, примечания Б.Н. Тихомирова, перевод с фр. Н.Д. Шаховой]. 2017.

М.: Бослен. 512 с.

3. Достоевский и XX век. Под редакцией Т.А. Касаткиной. В 2-х томах. Т. 2. 2007. М.: ИМЛИ РАН. 576 с.

4. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. / редкол.: В.Г. Базанов (отв. ред.) и др.; ИРЛИ. Т. 24. Дневник писателя за 1876 год. Ноябрь-декабрь / текст подгот. и примеч. сост. В.Е. Ветловская и др.; ред. Е.И. Кийко, Г.М. Фридендер. 1982. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние. 518 с.; факс. Библиогр. в примеч.: с. 377-516.

5. Достоевский: сочинения, письма, документы: Словарь-справочник / Сост. Г.К. Щенников; науч. ред. Г.К. Щенников, Б.Н. Тихомиров. 2008. СПб. 467 с. (Серия: Достоевский и русская культура / Сост. Г.К. Щенников).

6. Евангелие Достоевского. (В 2-х т.) Личный экземпляр Нового Завета 1823 года издания, подаренный Ф.М. Достоевскому в Тобольске в январе 1850 года / Владимир Захаров / Виктор Молчанов / Борис Тихомиров. 2010. М.: Русский мир.

7. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: В трех томах. 1821-1881 / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук; под ред. Фридендера Г.М., Будановой Н.Ф. 1999. СПб.: Гуманитарное агентство Академический проект. Том 3: 1875-1881 / сост. Архипова А.В., Битюгова И.А., Галаган Г.Я., Тихомиров Б.Н., Якубович И.Д.

8. Образ Достоевского в фотографиях, графике, живописи, скульптуре. 2009. СПб.: Кузнечный переулоч.

9. Образы Достоевского в книжной иллюстрации и станковой графике. 2011. СПб.: Кузнечный переулоч.

10. Письма из Maison Russe: Сестры Анна Фальц-Фейн и Екатерина Достоевская в эмиграции / Вст. ст. В. Безносова и Б. Тихомирова, прим. Б. Тихомирова и Г. Коган. 1999. СПб.

11. Степанян К.А., Тихомиров Б.Н. «Лазарь! Гряди вон!». Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий / Научн. ред. Н.Т. Ашимбаева. СПб.: Серебряный век, 2005 // Вопросы литературы. № 6. М.: 2006. С. 350–354.

12. Тихомиров Б.Н. «...Я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком». Статьи и эссе о Достоевском. 2012. СПб.: Серебряный век. 500 с.

13. Тихомиров Б.Н. «А живу в доме Шиля...». Адреса Ф.М. Достоевского в Петербурге, известные и неизвестные. 1837–1881: Исследование / Б.Н. Тихомиров. 2016. СПб.: Серебряный век. 152 с.

14. Тихомиров Б.Н. «Лазарь! Гряди вон!». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий / Научн. ред. Н.Т. Ашимбаева. 2005. СПб.: Серебряный век. 473 с.

15. Тихомиров Б.Н. «Темный лик Богородицы у Знаменья» (Икона, перед которой молился Достоевский) // Неизвестный Достоевский. 2022. Петрозаводск. № 9 (1). С. 5–19.

16. Тихомиров Б.Н. Достоевский и трактат Э. Сведенборга «О небесах, о мире духов и об аде // Неизвестный Достоевский. 2016. Петрозаводск. № 3. С. 92–127.

17. Тихомиров Б.Н. Достоевский на спиритическом сеансе: К истории одной угасшей темы в «Дневнике писателя» / Б.Н. Тихомиров // Достоевский и журнализм / под ред. В.Н. Захарова, К.А. Степаняна, Б.Н. Тихомирова. 2013. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 280–298. (Dostoevsky Monographs; вып. 4).

18. Тихомиров Б.Н. Достоевский цитирует Евангелие (Заметки текстолога) // Достоевский.

Материалы и исследования. Т. 11. 1994. СПб.: Наука.

19. Тихомиров Б.Н. Достоевский. Литературные прогулки по Невскому проспекту. От Зимнего дворца до Знаменской площади. 2022. М.: Лингвистика: Бослен. 480 с.; илл.

20. Тихомиров Б.Н. Задачи и проблемы издания записных книжек и тетрадей Ф.М. Достоевского / Б.Н. Тихомиров // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2010. № 1(58). С. 101-115.

21. Тихомиров Б.Н. О «христологии» Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 11. 1994. СПб.: Наука.

22. Тихомиров Б.Н. Отражения Евангельского Слова в текстах Достоевского: Материалы к комментарию // Евангелие Достоевского: В 2 т. М., 2010. Т. 2; Тихомиров Б.Н. Достоевский на Кузнечном: Даты. События. Люди / Б.Н. Тихомиров. СПб.: Кузнечный переулок, 2012. 224 с.

23. Тихомиров Б.Н. Петербургские адреса Достоевского, или Пешком вокруг Владимирского собора. СПб., 2009 (фотографии В. Уржумцева); Чокан Валиханов в СПб. 2009. СПб. (в соавт. с М. Мусиной).

24. Тихомиров Б.Н. Петербургские адреса и адресаты Достоевского (К проблеме краеведческого комментирования адресных записей писателя) // Неизвестный Достоевский. № 4. 2017. Петрозаводск. С. 90–140.

25. Тихомиров Б.Н. Прошлое и настоящее дома на Кузнечном: Музей Достоевского в контексте времени. 2012. СПб. (в соавт. с Н. Ашимбаевой); «...Я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком»: Статьи и эссе о Достоевском. 2012. СПб.

26. Тихомиров Б.Н. Религиозные аспекты творчества Ф.М. Достоевского: Проблемы интерпретации, комментирования, текстологии: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. 2006. Петрозаводск.

27. Тихомиров Б.Н., Котельников В.К. Ф.М. Достоевский // История русской литературы в 3 т. / под ред. Е. Анненковой и О. Евдокимовой. 2012. СПб.

28. Тихомиров Б.Н. Творческая история романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» (науч. рук. проф. Я. С. Билинчис; офиц. оппоненты акад. Г. М. Фридлиндер и Е. И. Кийко). 1986.

29. Хроника рода Достоевских. Под редакцией И.Л. Волгина (Руководитель проекта). Игорь Волгин. Родные и близкие: Историко-биографические очерки. 2012. М.: Фонд Достоевского. 1232 с., илл.

30. Шварц Н. Судьбы Достоевских и Фальц-Фейнов в XX в. (рец. на кн. «Письма из Maison Russe: Сестры Анна Фальц-Фейн и Екатерина Достоевская в эмиграции») // Достоевский и мировая культура. СПб., 2000. № 15.

31. [Тихомиров Б.Н.] Эпистолярные материалы (Письмо П.П. Шаховой Ф.М. Достоевскому и А.Г. Достоевской от 11 июня 1878 г.) / подгот. текста и коммент. Б.Н. Тихомирова // Достоевский: Материалы и исследования / под ред. Г.М. Фридлиндера. Т. 10. 1992. Санкт-Петербург: Наука. С. 216–218.

32. Deborah A. Martinsen. Boris Tikhomirov: «Lazar! Griadi von»: Roman F. M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie» v sovremennom prochtenii // Dostoevsky Studies: The Journal of the International Dostoevsky Society. New Series. 2008. V. 12.

References

1. Biblioteka F.M. Dostoevskogo: Opyt rekonstruktsii. Nauchnoe opisaniye / Sost.: N.F. Budanova («Osnovnoi razdel», «Prilozheniye»), N.S. Bykova («Osnovnoi razdel», «Prilozheniye»), S.A. Ipatova («Osnovnoi razdel»), L.G. Mironenko («Prilozheniye»), B.N. Tikhomirov («Prilozheniye»), I.D. Yakubovich («Osnovnoi razdel»). 2005. Saint Petersburg: Nauka. 338 s. (In Russ.)
2. Dostoevskaya L.F. Moi otets Fedor Dostoevskii / L.F. Dostoevskaya; [Vstupitel'naya stat'ya, obshchaya redaktsiya, primechaniya B.N. Tikhomirova, perevod s fr. N.D. Shakhovoi]. 2017. Moscow: Boslen. 512 s. (In Russ.)
3. Dostoevskii i XX vek. Pod redaktsiei T.A. Kasatkinoi. V 2-kh tomakh. T. 2. 2007. Moscow: IMLI RAN. 576 s. (In Russ.)
4. Dostoevskii F.M. Polnoe sobranie sochinenii: V 30 t. / redkol.: V.G. Bazanov (otv. red.) i dr.; IRLI. T. 24. Dnevnik pisatelya za 1876 god. Noyabr'-dekabr' / tekst podgot. i primech. sost. V.E. Vetlovskaya i dr.; red. E.I. Kiiko, G.M. Fridlender. 1982. Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie. 518 s.; faks. Bibliogr. v primech.: s. 377-516. (In Russ.)
5. Dostoevskii: sochineniya, pis'ma, dokumenty: Slovar'-spravochnik / Sost. G.K. Shchennikov; nauch. red. G.K. Shchennikov, B.N. Tikhomirov. 2008. Saint Petersburg. 467 s. (Seriya: Dostoevskii i russkaya kul'tura / Sost. G.K. Shchennikov). (In Russ.)
6. Evangelie Dostoevskogo. (V 2-kh t.) Lichnyi ekzempliar Novogo Zaveta 1823 goda izdaniya, podarenniy F.M. Dostoevskomu v Tobol'ske v yanvare 1850 goda / Vladimir Zakharov / Viktor Molchanov / Boris Tikhomirov. 2010. Moscow: Russkii mir. (In Russ.)
7. Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo: V trekh tomakh. 1821-1881 / Institut russkoi literatury (Pushkinskii Dom) Rossiiskoi Akademii nauk; pod red. Fridlendera G.M., Budanovoi N.F. 1999. Saint Petersburg: Gumanitarnoe agentstvo Akademicheskii proekt. Tom 3: 1875-1881 / sost. Arkhipova A.V., Bitugova I.A., Galagan G.Ya., Tikhomirov B.N., Yakubovich I.D. (In Russ.)
8. Obraz Dostoevskogo v fotografiyakh, grafike, zhivopisi, skul'pture. 2009. Saint Petersburg: Kuznechnyi pereulok. (In Russ.)
9. Obrazy Dostoevskogo v knizhnoi illyustratsii i stankovoi grafike. 2011. Saint Petersburg: Kuznechnyi pereulok. (In Russ.)
10. Pis'ma iz Maison Russe: Sestry Anna Fal'ts-Fein i Ekaterina Dostoevskaya v emigratsii / Vst. st. V. Beznosova i B. Tikhomirova, prim. B. Tikhomirova i G. Kogan. 1999. Saint Petersburg. (In Russ.)
11. Stepanyan K.A., Tikhomirov B.N. «Lazar'! Gryadi von!». Roman F.M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie» v sovremennom prochtenii: Kniga-kommentarii / Nauchn. red. N.T. Ashimbaeva. Saint Petersburg: Serebryanyi vek, 2005 // Voprosy literatury. № 6. Moscow: 2006. S. 350–354. (In Russ.)
12. Tikhomirov B.N. «...Ya zanimayus' etoi tainoi, ibo khochu byt' chelovekom». Stat'i i esse o Dostoevskom. 2012. Saint Petersburg: Serebryanyi vek. 500 s. (In Russ.)
13. Tikhomirov B.N. «A zhivu v dome Shilya...». Adresa F.M. Dostoevskogo v Peterburge, izvestnye i neizvestnye. 1837–1881: Issledovanie / B.N. Tikhomirov. 2016. Saint Petersburg: Serebryanyi vek. 152 s. (In Russ.)
14. Tikhomirov B.N. «Lazar'! Gryadi von!». Roman F. M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie» v sovremennom prochtenii: Kniga-kommentarii / Nauchn. red. N.T. Ashimbaeva. 2005. Saint Petersburg: Serebryanyi vek. 473 s. (In Russ.)

15. Tikhomirov B.N. «Temnyi lik Bogoroditsy u Znamen'ya» (Ikona, pered kotoroi molilsya Dostoevskii) // *Neizvestnyi Dostoevskii*. 2022. Petrozavodsk. № 9 (1). S. 5–19. (In Russ.)
16. Tikhomirov B.N. Dostoevskii i traktat E. Svedenborga «O nebesakh, o mire dukhov i ob ade // *Neizvestnyi Dostoevskii*. 2016. Petrozavodsk. № 3. S. 92–127. (In Russ.)
17. Tikhomirov B.N. Dostoevskii na spiriticheskom seanse: K istorii odnoi ugasshei temy v «Dnevnikе pisatelya» / B.N. Tikhomirov // *Dostoevskii i zhurnalizm / pod red. V.N. Zakharova, K.A. Stepanyana, B.N. Tikhomirova*. 2013. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin. S. 280–298. (Dostoevsky Monographs; vyp. 4). (In Russ.)
18. Tikhomirov B.N. Dostoevskii tsitiruet Evangelie (Zametki tekstologa) // *Dostoevskii. Materialy i issledovaniya*. T. 11. 1994. Saint Petersburg: Nauka. (In Russ.)
19. Tikhomirov B.N. Dostoevskii. Literaturnye progulki po Nevskomu prospektu. Ot Zimnego dvortsa do Znamenskoй ploshchadi. 2022. Moscow: Lingvistika: Boslen. 480 s.; ill. (In Russ.)
20. Tikhomirov B.N. Zadachi i problemy izdaniya zapisnykh knizhek i tetradei F.M. Dostoevskogo / B.N. Tikhomirov // *Vestnik Rossiiskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda*. 2010. № 1(58). S. 101–115. (In Russ.)
21. Tikhomirov B.N. O «khristologii» Dostoevskogo // *Dostoevskii. Materialy i issledovaniya*. T. 11. 1994. Saint Petersburg: Nauka. (In Russ.)
22. Tikhomirov B.N. Otrazheniya Evangel'skogo Slova v tekstakh Dostoevskogo: Materialy k kommentariyu // *Evangelie Dostoevskogo: V 2 t. M., 2010. T. 2; Tikhomirov B.N. Dostoevskii na Kuznechnom: Daty. Sobytiya. Lyudi / B.N. Tikhomirov*. Saint Petersburg: Kuznechnyi pereulok, 2012. 224 s. (In Russ.)
23. Tikhomirov B.N. Peterburgskie adresa Dostoevskogo, ili Peshkom vokrug Vladimirskego sobora. Saint Petersburg. 2009 (fotografii V. Urzhumtseva); Chokan Valikhanov v SPb. 2009. Saint Petersburg (v soavt. s M. Musinoy). (In Russ.)
24. Tikhomirov B.N. Peterburgskie adresa i adresaty Dostoevskogo (K probleme kraevedcheskego kommentirovaniya adresnykh zapisei pisatelya) // *Neizvestnyi Dostoevskii*. № 4. 2017. Petrozavodsk. S. 90–140. (In Russ.)
25. Tikhomirov B.N. Proshloe i nastoyashchee doma na Kuznechnom: Muzei Dostoevskogo v kontekste vremeni. 2012. SPb. (v soavt. s N. Ashimbaevoy); «...Ya zanimayus' etoi tainoy, ibo khochu byt' chelovekom»: Stat'i i esse o Dostoevskom. 2012. Saint Petersburg. (In Russ.)
26. Tikhomirov B.N. Religioznye aspekty tvorchestva F.M. Dostoevskogo: Problemy interpretatsii, kommentirovaniya, tekstologii: dis. ... d-ra filol. nauk: 10.01.01. 2006. Petrozavodsk. (In Russ.)
27. Tikhomirov B.N., Kotel'nikov V.K. F.M. Dostoevskii // *Istoriya russkoi literatury v 3 t. / pod red. E. Annenkovoy i O. Evdokimovoy*. 2012. Saint Petersburg. (In Russ.)
28. Tikhomirov B.N. Tvorcheskaya istoriya romana F.M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie» (nauch. ruk. prof. Ya. S. Bilinkis; ofits. opponenty akad. G. M. Fridlender i E. I. Kiiko). 1986. (In Russ.)
29. Khronika roda Dostoevskikh. Pod redaktsiei I.L. Volgina (Rukovoditel' proekta). Igor' Volgin. Rodnye i blizkie: Istoriko-biograficheskie ocherki. 2012. Moscow: Fond Dostoevskogo. 1232 s., ill. (In Russ.)
30. Shvarts N. Sud'by Dostoevskikh i Fal'ts-Feinov v XX v. (rets. na kn. «Pis'ma iz Maison Russe: Sestry Anna Fal'ts-Fein i Ekaterina Dostoevskaya v emigratsii») // *Dostoevskii i mirovaya kul'tura*. № 15. 2000. Saint Petersburg. (In Russ.)
31. [Tikhomirov B.N.] Epistolyarnye materialy (Pis'mo P.P. Shakhovoi F.M. Dostoevskomu i A.G.

Дергачева И.В.

«Бытие только тогда и начинает быть, когда ему грозит небытие»: В поисках Достоевского, или к юбилею Б.Н. Тихомирова
Язык и текст. 2022. Том 9. № 4. С. 92–102.

Dergacheva I.V.

«Being Only Then Begins to Be When It Is Threatened With Non-being»: In Search of Dostoevsky, or to the Anniversary of B.N. Tikhomirov
Language and Text. 2022. Vol. 9, no. 4, pp. 92–102.

Dostoevskoi ot 11 iyunya 1878 g.) / podgot. teksta i komment. B.N. Tikhomirova // Dostoevskii: Materialy i issledovaniya / pod red. G.M. Fridlendera. T. 10. 1992. Saint-Peterburg: Nauka. S. 216–218. (In Russ.)

32. Deborah A. Martinsen. Boris Tikhomirov: «Lazar'! Griadi von»: Roman F. M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie» v sovremennom prochtenii // Dostoevsky Studies: The Journal of the International Dostoevsky Society. New Series. 2008. V. 12.

Информация об авторах

Дергачева Ирина Владимировна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры «Лингводидактика и межкультурная коммуникация» института «Иностранные языки, современные коммуникации и управление», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4878-2027>, e-mail: krugh@yandex.ru

Information about the authors

Irina V. Dergacheva, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor, Department «Linguodidactics and Intercultural Communication» of the Institute «Foreign Languages, Modern Communications and Management», Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4878-2027>, e-mail: krugh@yandex.ru

Получена 01.12.2022

Принята в печать 15.12.2022

Received 01.12.2022

Accepted 15.12.2022